

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

СОБРАНИЕ
РУССКИХЪ
ВОЕННЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

Гр. Смирнова.

Составлено по повелѣнію Его Императорскаго Высочества
Государя Наслѣдника Цесаревича, Главнаго Начальника
Военно-Учебныхъ Заведеній, для первоначальнаго чтенія воспитан-
никовъ въ приготовительныхъ классахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

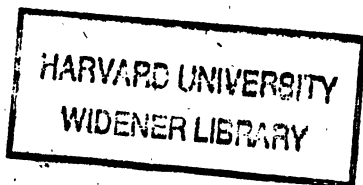
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 18-го мая 1853 года.

Ценсоръ *Ал. Крыловъ.*

Slavia Library
SAE Morse Fund

I.

ПРИМѢРЫ РЕЛИГІОЗНОСТИ, БЛАГОЧЕСТІЯ и ПОКОРНОСТИ ПРОМЫСЛУ.

1.

Безсмертный наш Суворовъ всегда подавалъ своимъ подчиненнымъ назидательный примѣръ христіанскаго благочестія и религіозныхъ чувствъ. Какъ истинный сынъ Церкви, онъ исполнялъ всѣ обряды церковные, молился проѣзжая мимо церкви, клалъ земные поклоны предъ образами. Молитвою начиналъ онъ каждую битву и каждый походъ. «Молись Богу! отъ него побѣда, чудо-богатыри!» говаривалъ онъ солдатамъ. «Богъ насъ водить! Богъ нашъ генераль!» Молебствія, послѣ побѣдъ отправлялъ съ торжествомъ и раздачу орденовъ производилъ всегда въ церквахъ. Послѣ молебна онъ бралъ съ престола знакъ отличія, цѣловалъ его и, благословляя награждаемаго, вручалъ ему заслуженный имъ крестъ.

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З. № 304).

2.

Въ 1789 году, во время осады крѣпости Бендеръ, князь Потемкинъ осматривалъ работы въ фельдмаршальскомъ мундирѣ и въ орденахъ; ядра свистѣли около него; одно упало въ нѣсколькихъ шагахъ и забросало его землею. «Турки въ меня цѣляютъ», сказалъ съ спокойнымъ видомъ герой, «но Богъ защитникъ мой: онъ отразилъ этотъ ударъ». Потомъ, несходя съ мѣста, сѣлъ на лошадь и продолжалъ осматривать производимыя работы.

(Биограф. Рос. Генералиссимусовъ т. 2-й).

3.

При выступленіи изъ Петербурга въ 1812 г. второго отряда ополченія генераль-маіора Бѣгичева, митрополитъ Амвросій вручилъ этому отряду Икону Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго. Принявъ святыню изъ рукъ архипастыря, Бѣгичевъ обратился къ дружинѣ и громко произнесъ: «клянитесь, ребята, пока живы будете, не оставлять ее!» Перекрестясь, ратники отвѣчали: «не оставимъ! рады умереть за вѣру и батюшку Царя!»

Приближаясь къ непріятелю, генераль Бѣгичевъ сказалъ ратникамъ: «вотъ уже и непріятель близко; мы должны исполнить то, для чего Государь и отечество насъ послали. Богъ намъ помощникъ: мы ему молились. Дѣло наше святое; не извѣстно еще, кому изъ насъ судить Богъ положить животъ за святую вѣру его, и потому должно приступать къ нему съ чистою совѣстію. Если кто изъ васъ недоволенъ и сердится на кого либо изъ товарищей, или начальниковъ, — примиритесь братски и оставьте всякую злобу. Я, какъ старшій, болѣе всѣхъ, можетъ быть, досадилъ

вамъ — простите меня». При этихъ словахъ генераль началъ со всѣми обниматься; офицеры и ратники отвѣчали ему взаимнымъ цѣлованіемъ.

(Воен. Гал. Зим. Дворца т. 1. Бибииковъ).

4.

Въ день сраженія при деревнѣ Передъ, 9-го юня 1849 года, нижними чинами Брянскаго Егерскаго полка былъ совершенъ поступокъ, служащій разительнымъ доказательствомъ нравственности и высокой религіозности русскаго солдата.

По занятіи 1-мъ и 3-мъ батальонами этого полка деревни Киралиревъ, они были поставлены около церкви, совершенно разоренной Венгерцами. Когда дозволено было составить ружья и снять ранцы, солдаты вошли въ эту церковь и, движимые теплымъ религіознымъ чувствомъ къ святынь, пожертвовали кто по грошу, кто по копѣйкѣ, и собравъ такимъ образомъ до 20 гульденовъ, положили ихъ на алтарь.

Священникъ разоренной церкви, не постигая, что означаетъ сей поступокъ, обратился съ вопросомъ о томъ къ генералу Герцингеру, и удивленіе ихъ обоихъ было безгранично, когда они узнали, что это есть пожертвованіе русскихъ солдатъ для исправленія церкви.

(Р. И. 1849).

5.

Послѣ кровопролитнаго Аустерлицкаго сраженія, два молодые офицера (за три мѣсяца предъ тѣмъ выпу-

щенные изъ Перваго Кадетскаго Корпуса) будучи смертельно ранены, попали въ плѣнь къ Французамъ и были привезены въ г. Бринъ. Безъ присмотра и пособия, брошенные рядомъ на солому въ одномъ сараѣ съ другими ранеными, они облегчали тяжкую свою участь воспоминаніемъ о счастливыхъ дняхъ юности, проведенныхъ подъ сѣнію отеческой попечительности благотвѣтельнаго правительства, въ полезныхъ занятіяхъ науками и невинныхъ забавахъ, въ кругу веселыхъ, добрыхъ и благородныхъ товарищей. Надежда, — эта неизмѣнная утѣшительница страждущихъ, не покидала молодыхъ офицеровъ въ горестныя минуты ихъ жизни, и, забывая свои тяжкія раны, они мечтали о скоромъ выздоровленіи, не думая, что смерть летаетъ уже надъ ихъ головами. Въ это время вошелъ къ нимъ французскій лекарь, и сказалъ своему цырульнику: «для этихъ не надо тратитъ ни бинтовъ, ни времени; часовъ черезъ десять они умрутъ». Офицеры, услышавъ приговоръ свой, горестно взглянули одинъ на другаго, и, послѣ нѣкотораго молчанія, снова стали продолжать любимый разговоръ о счастливыхъ годахъ, проведенныхъ ими въ корпусѣ.

Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ нихъ, побѣжденный страданіями и ослабленіемъ силъ, сомкнулъ было глаза и задремалъ. «Не засыпай товарищъ!» сказалъ другой офицеръ слабымъ и умирающимъ уже голосомъ: «ободришь и посвятимъ послѣднія минуты нашей краткой жизни воспоминанію нашей юности, а потомъ станемъ молиться Богу за нашего Царя благодѣтеля, за славу и благоденствіе нашего отечества и за добрыхъ родныхъ... Повѣрь, мой другъ, что наши сестры, наши братья не будутъ долго плакать, когда узнаютъ, что мы умѣли умереть съ честью за Царя и отечество, и въ послѣднія минуты жизни на-

шей не забыли объ обязанностях христіанина!»! Эти простыя, но исполненныя истинныхъ чувствъ слова оживили ослабѣвавшаго офицера. Поднявшись съ усиліемъ на колѣни, они приложились къ висѣвшимъ на груди ихъ крестамъ, и стали молиться, и молились до тѣхъ поръ, пока жизнь ихъ, нечувствительно ослабѣвая, угасла. По свидѣтельству всѣхъ, находившихся съ ними, они такъ равнодушно ожидали перехода въ вѣчность, что самыя Французы смотрѣли на нихъ съ невольнымъ уваженіемъ.

(Жур. для чт. босп. В. У. З. № 15).

II.

ПРИМѢРЫ ВѢРНОСТИ КЪ ПРЕСТОЛУ, ЛЮБВИ И ПРЕДАННОСТИ КЪ МОНАРХУ И ОТЕЧЕСТВУ.

1.

Нефедъ Никитичъ Кудрявцевъ, генераль-маіоръ, служивъ съ честію и долгое время при Петрѣ Великомъ, въ царствованіе Анны Іоанновны и при Императрицѣ Елисаветѣ, уволенъ былъ въ отставку Императрицею Екатериною II и отдыхалъ отъ трудовъ своихъ на родинѣ. Тамъ, въ старости маститой, Кудрявцевъ явилъ разительный примѣръ непоколебимой вѣры и вѣрности, который не умретъ въ исторіи.

Въ 1774 году, когда Пугачевъ двинулся со скопичами своими къ Казани, тамошній губернаторъ приказалъ всѣмъ жителямъ удалиться въ крѣпость. Столѣтній Кудрявцевъ не послѣдовалъ этому приказанію.

«Я останусь въ предмѣстіи», сказалъ онъ: «хочу видѣть самозванца, хочу избличить его передъ Богомъ и людьми».

Не владѣя уже ногами по причинѣ преклонныхъ лѣтъ и болѣзней, Кудрявцевъ упросилъ, чтобы его перенесли на креслахъ въ Казанскій дѣвичій монастырь. Вскорѣ мятежники ворвались и въ предмѣстіе и въ церковь, гдѣ находился великодушный старецъ. Пугачевъ предводительствовалъ ими. При видѣ злодѣя и сообщниковъ его, Кудрявцевъ забылъ свои немощи, одушевился новыми силами, и грозно и съ презрѣніемъ взглянулъ на возмутителей благосостоянія родины.

«Злодѣи! «воскликнулъ онъ», вы забыли Бога, измѣнили вѣрѣ,—измѣнили Императрицѣ. Страшитесь суда Божія! невинная кровь, вами пролитая, вопіетъ къ небесамъ; и вы дерзаете присутствіемъ своимъ осквернять храмъ Господень?»

Воспламененный гнѣвомъ Пугачевъ приказалъ предать Кудрявцева смерти. Злодѣи устремились на него съ саблями и копьями. Вѣрный сынъ отечества, пораженный уже многими ударами, плавая въ крови, снова возвысилъ голосъ, подкрѣпляемый благочестіемъ.

— «Я не страшусь смерти», взывалъ герой : «вы открываете мнѣ путь въ селенія небесныя. А для васъ ужасна будетъ и жизнь и смерть. Покайтесь; обратитесь къ Богу; вспомните присягу; истребите злодѣя : онъ ведетъ васъ къ пагубѣ!»

Въ это время засвистала пуля; мужественный голосъ Кудрявцева пресѣкъся вмѣстѣ съ жизнію его. Враждуя противъ добродѣтели и вѣры, Пугачевъ приказалъ зажечь храмъ Господень. По удаленіи буйныхъ скопищъ, погасили пламя, и полусгорѣвшее тѣло героя-страдальца отыскано и погребено въ той же церкви внукомъ его, Петромъ Алексѣвичемъ Татищевымъ. Въ стѣнахъ храма воздвигнуть памятникъ, возвѣщающій о славномъ подвигѣ Кудрявцева.

(Журн. для чтен. воспит. В. У. З. № 54).

2.

Въ началѣ отечественной войны, Императоръ Александръ приказалъ давать каждому плѣнному непріятельскому офицеру по два червонца, для удовлетворенія первыхъ потребностей ихъ. Взятому въ плѣнъ Французскому полковнику графу Сегюру также были предложены два червонца. Сперва онъ не хотѣлъ ихъ взять, но потомъ взялъ и отдалъ полонившему его лейбъ-казаку. Узнавъ, что два червонца сіи были даръ Монаршей, Донецъ не отказался отъ подарка, и въ замѣнъ отдалъ Сегюру найденный при немъ кошелекъ его, полный золота.

(Воен. Гал. Зим. Дворца т. 1. Орловъ-Денисовъ).

3.

При вторичномъ вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ (въ 1815 г.), Императоръ Александръ получилъ донесеніе отъ генерала Чернышева, что при волненіи Парижанъ только одно его присутствіе можетъ разрѣшить недоумѣнія, касательно принятія мѣръ для предупрежденія смуты. Въ слѣдствіе сего Императоръ рѣшился немедленно отправиться изъ Сенъ-Дизье въ Парижъ, опережая войско, которому до Парижа оставалось еще шесть или семь дней пути. Императоръ Австрійскій и Король Пруссій сопутствовали Государю. Монархамъ надлежало проѣхать болѣе двухъ сотъ верстъ землею непріятельскою, не занятою союзными войсками и дефилоемъ, около крѣпости Витри, гдѣ былъ непріятельскій гарнизонъ. Почему, для охраненія

въиценосныхъ путешественниковъ отъ Сень-Дизье до Мо, выслано было по пятидесяти казаковъ на каждую почтовую станцію, для очереднаго слѣдованія въ опасномъ путешествіи. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сень-Дизье, подлѣ коляски Императора Александра вдругъ появился вооруженный всадникъ на рыаномъ конѣ, — то былъ графъ Орловъ-Денисовъ. «Ты зачѣмъ графъ?» спросилъ Государь. «Мой долгъ охранять Васъ», отвѣчалъ Орловъ. Государь улыбулся, а Орловъ-Денисовъ продолжалъ скакать, не отставая отъ быстрыхъ почтовыхъ коней, появляясь то справа, то слѣва дороги, сопровождаемый лейбъ-казачьимъ урядникомъ, роста исполинскаго. Наконецъ онъ скрылся изъ вида, и, обогнавъ окольнымъ путемъ Монарховъ, встрѣтилъ ихъ у первой станціи. Съ удивленіемъ и страхомъ смотрѣли толпы народа на могучаго всадника въ красивой одеждѣ. Воинственный видъ его, пламенный взоръ, отвага полета поражали Французовъ, и прежде нежели проходящіе могли опомниться отъ изумленія, онъ уже исчезалъ изъ вида, упреждая на каждой станціи пріѣздъ Императора. Нѣсколько разъ убѣждалъ его Государь возвратиться въ Сень-Дизье. Не доѣзжая Шалона, казалось, онъ исполнилъ Монаршее желаніе. Солнце знойнаго июнскаго дня было близко къ закату, когда Монархи вѣхали въ Шалонъ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ Ихъ. У городскихъ воротъ уже ожидалъ Ихъ графъ Орловъ-Денисовъ, съ урядникомъ богатыремъ. Александръ пожалъ руку графа. На другой день, въ три часа по утру, графъ стоялъ у подъѣзда дома, занимаемаго Александромъ и также, какъ на канунѣ, сопровождалъ Его изъ Шалона до Парижа. Глядя на него Императоръ Францъ и Король Фридрихъ Вильгельмъ неоднократно говорили Государю, останавли-

ваясь на станціяхъ, что они ничего подобнаго не только не выдывали, но и вообразить себѣ не могли.

(Воен. Гал. Зик. Дворца т. 1. Орловъ-Денисовъ).

4.

Въ 1813 году, на каунѣ знаменитой побѣды подъ Кульмомъ, когда корпусъ, предводительствуемый графомъ Остерманомъ, отступалъ отъ города Пирны къ мѣстечку Кульму чрезъ Газгюбельскія дефилеи, были высылаемы изъ полковъ стрѣлки для удержанія непріятеля, который, преслѣдуя съ лѣвой стороны дороги Русское войско, нѣсколько разъ покушался ее перерѣзать. Очередь высылать стрѣлковъ дошла до лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Черкасовъ, старый гренадеръ, украшенный знакомъ отличія и получившій за примѣрное поведеніе и усердную службу двойной окладъ жалованья, горя желаніемъ сразиться съ непріятелемъ, выпросилъ себѣ позволеніе идти въ стрѣлки, гдѣ и былъ смертельно раненъ пулею въ грудь. Товарищи, привыкшіе уважать его за храбрость и любить за доброту, бросились къ раненому, чтобы отвести его на перевязочный пунктъ; но Черкасовъ, чувствуя приближеніе смерти, и видя, что солдаты, желавшіе спасти его, сами подвергались опасности быть захваченными непріятелемъ, склонилъ ихъ убѣдительными просьбами оставить его на полѣ сраженія. Прощаясь въ послѣдній разъ съ ними, онъ вспомнилъ, что на груди его виситъ священный знакъ отличія, заслуженный прежними подвигами, и опасаясь, чтобы этотъ залогъ любви къ отечеству не достался Французамъ, снялъ поспѣшно съ мундира крестъ, подалъ его одному изъ окружа-

шихъ его солдатъ, и сказалъ умирающимъ голосомъ: «возьми, отдай этотъ знакъ капитану и скажи ему, что я спокойно умираю за отечество, будучи увѣренъ, что этотъ крестъ не попадется въ руки врагамъ».

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З. т. 5).

5.

1828 года, во время Турецкой кампаніи, Симбирскаго пѣхотнаго полка рядовой Карней Нужинъ, при переправѣ нашего авангарда чрезъ рѣку Костржинъ, выпросился у ротнаго командира въ стрѣлки, для открытія непріятеля на противоположномъ берегу, и первый, бросившись въ рѣку, чтобъ найти бродъ, весело сказалъ товарищамъ: «братцы! за Царя все равно, — на полѣ умереть, или въ водѣ утонуть». Ободренные примѣромъ его прочіе стрѣлки смѣло пошли чрезъ рѣку и благополучно достигли другаго берега.

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З. т. 2 стр. 155).

6.

При вызовѣ охотниковъ на штурмъ Варшавы, вышелъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка карабинеръ Бурмистровъ, который выслужилъ уже положенныя лѣта къ отставкѣ. Молодые солдаты стали его упрекать, говоря, что онъ, отслуживъ свой срокъ, отнимаетъ у нихъ случай отличиться. Бурмистровъ отвѣчалъ имъ: «Теперь-то, когда отслужилъ свой срокъ,

я и желаю, вмѣсто отставки, положить свою голову за Царя и Православную Русь!» Желаніе его исполнилось : на приступѣ редутовъ онъ палъ, смертельно раненый пулею:

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. т. 73).

7.

По полученіи въ Преображенскомъ полку приказанія о вызовѣ охотниковъ на штурмъ Варшавы, еще прежде, нежели о томъ объявлено было въ ротяхъ, унтеръ-офицеръ 1-й роты Козьма Козьминъ убѣдительно просилъ ротнаго своего командира, капитана Загоскина, послать его въ охотники, говоря : «я знаю: всѣ унтеръ-офицеры пожелаютъ идти въ охотники и мнѣ, по жребію, можетъ быть, не достанется; но я имѣю смертную охоту сразиться съ непріателемъ и положить свои кости за Царя и Отечество, — мать сыра земля исповѣдуетъ и приобщитъ».

(Чтен. для солд. 1849 г. кн. 1).

8.

Отставной казакъ Андрей Назимовъ, житель Забайкальской стороны, возымѣлъ пламенное желаніе увидѣть Особу Государя Императора, и рѣшился сдѣлать путешествіе въ С. Петербургъ. Ни огромное разстояніе въ 7 тысячъ верстъ, ни скудость средствъ, ни семейныя узы — ничто не могло измѣнить его намѣренія и рѣшимости. Въ теченіе многихъ дѣтъ скопивъ

непрестанными трудами до 300 рубл. ассигнаціями и удѣливъ изъ этого часть семейству, состоящему изъ жены и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, онъ въ мартѣ 1840 года отправился пѣшкомъ изъ мѣста своего жительства.

По испытаніи трудностей продолжительнаго пути, нашъ Сибирякъ достигъ Петербурга въ четырнадцатый мѣсяцъ. Прежде всего надлежало искать случая быть представленнымъ своему атаману. Назимовъ обращается къ одной особѣ, состоящей при Его Высочествѣ и проситъ доложить Государю Наслѣдникъ благосклоннымъ и ласковымъ приемомъ восхищаетъ Назимова и, узнавъ о его желаніи, приказываетъ ему явиться на другой день въ ту же комнату, гдѣ былъ принять.

Въ назначенное время Сибирякъ явился въ комнату, гдѣ удостоился говорить съ Его Высочествомъ; ему сказано, что Государь вскорѣ будетъ. Его Величество изволилъ войти въ залу и, обратясь съ ласкою къ Назиму, спросилъ : «За чѣмъ пріѣхалъ ты сюда?» Подный благоговенія и обрадованный, что наконецъ имѣеть счастье видѣть передъ собою Особу Императора, онъ остался безмолвенъ; только обильныя слезы замѣнили слова его. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ ободрился и отвѣчалъ : «я не пріѣхалъ, а пришелъ въ Петербургъ пѣшкомъ, за семь тысячъ верстъ, съ Китайской границы, оставя на родинѣ на произволъ Бога жену и дѣтей своихъ, для того только, чтобы удостоиться видѣть Ваше Императорское Величество и всю Августѣйшую фамилію».

«Спасибо, братъ» я доволенъ тобою и благодарю тебя.

Сколько же времени ты шель?

— «Тринадцать мѣсяцевъ.

Потомъ Его Величество изволилъ разспрашивать Назимова о положеніи казаковъ въ отношеніи способовъ ихъ жизни, занятій и проч. Наконецъ угодно было Его Величеству спросить : «видѣлъ ли ты Мое семейство?» — Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество; осчастливьте позволеніемъ видѣть Государыню и все Августѣйшее семейство. — Тогда Государь приказалъ проводить его къ Ея Величеству Государынь Императрицѣ, а потомъ къ Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ и Княжнамъ, также показать Эрмитажъ и всѣ комнаты. Высочайшее приказаніе было исполнено. Назимовъ отъ всѣхъ Августѣйшихъ особъ былъ удостоенъ особенныхъ ласкъ и вниманія.

Наконецъ, проживъ въ Петербургѣ нѣсколько дней и удостоясь получить отъ всѣхъ Царственныхъ особъ щедрыя милости богатыми подарками и деньгами, нашъ Сибирякъ отправился на родину. Но преисполненный чувствъ благодарности къ Августѣйшему Дому, онъ рѣшился на новый подвигъ, и оставивъ прямой путь, ведущій на родину, пошелъ на западъ, чтобы побывать въ Кіевѣ и тамъ поклониться мощамъ Св. угодниковъ и принести теплыя, усердныя молитвы Предвѣчному о здравіи Государя и всей Августѣйшей фамиліи.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. т. 33).

III.

ПРИМѢРЫ РЕВНОСТИ КЪ СЛУЖБѢ, ВѢРНОСТИ ДОЛГУ И ПРИСЯГѢ.

1.

При осадѣ Очакова, въ 1788 году, генералъ Меллеръ-Закомельскій начальствовалъ во время приступа лѣвѣмъ крыломъ. Три его сына шли вмѣстѣ съ нимъ на смерть; они видятъ, что ихъ отецъ падаетъ отъ взрыва фугаса, но хладнокровно продолжаютъ свое дѣло; двое изъ нихъ были съ артиллерійскими охотниками впереди, и оба ранены въ непріятельскихъ укрѣпленіяхъ. Отецъ, оправившійся отъ удара, встрѣчаетъ ихъ: сердце его страждетъ, но онъ заглушаетъ въ себѣ родительскія чувства, продолжаетъ исполнять долгъ свой, и тогда только воспоминаетъ о храбрыхъ сыновьяхъ своихъ, когда русскія знамена развѣвались уже на валахъ Очакова.

(Р. И. 1850 г.).

2.

1805 года, ноября 20-го, во время Аустерлицкаго сраженія, генералу Дохтурову надлежало съ колонною своей пробиться сквозь многочисленнаго окружавшаго его непріятеля, и подь картечными выстрѣлами перейти плотвду, для занятія возвышенныхъ мѣстъ на другой сторонѣ рѣчки. При столь очевидной опасности, одинъ изъ приближенныхъ его сказалъ ему : «вспомните, что у васъ супруга и дѣти, а впереди неизбежная смерть». — Герой отвѣчалъ : «здѣсь честь — моя жена, а ввѣренныя мнѣ воины — мои дѣти». Съ этими словами, иднявъ вверхъ пожалованную ему Государыней Екатериной шпагу, онъ воскликнулъ : «Ребята! вотъ шпага Матушки нашей Екатерины! умремъ за Отца Государя и за славу Россіи; ура! съ нами Богъ и Александръ!»; сказалъ, бросился на непріятелей, пробился сквозь ряды ихъ и явился къ русскимъ войскамъ въ то время, когда почитали его или въ плѣну или погибшимъ.

(Чтен. для солд. 1852 г. кн. 2).

3.

Въ 1812 году 23-го августа, генераль Уваровъ былъ посланъ Кутузовымъ на подкрѣпленіе Кановницына, сражавшагося съ Французами подь Колоцкимъ монастыремъ. Кановницынъ былъ въ чинѣ моложе Уварова, и по прибытіи его на поле битвы, явился къ нему и спрашивалъ приказаній. «Петръ Петровичъ!» съ

благороднымъ самоотверженіемъ отвѣчалъ Уваровъ, «не время считаться старшинствомъ; вамъ порученъ арріергардъ; я присланъ на помощь вашу — приказывайте».

(Воен. Гал. Зимн. Дворца. Уваровъ).

4.

Когда Наполеонъ со всеми своими силами приближался къ Смоленску, то русскіе главнокомандующіе Барклай де Толли и князь Багратионъ, скрывая движеніе армій своихъ и стараясь задержать его, положили защищать Смоленскъ до послѣдней возможности. Надлежало избрать твердаго и безстрашнаго защитника. Выборъ палъ на Генерала Дохтурова. Но Дохтуровъ, заболѣвшій не задолго предъ тѣмъ горячкою, чувствовалъ себя еще очень слабымъ. Однако Барклай де Толли послалъ спросить у него, позволить ли ему здоровье его взять на себя оборону Смоленска? Дохтуровъ радостно изъявилъ готовность; бодрый явился предъ своимъ корпусомъ, и вполночь смѣнилъ Раевского.

(Воен. Гал. Зим. Дворца т. 2-й. Дохтуровъ).

5.

Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка 8-й Егерской роты рядовой Иванъ Ващенко, 8-го мая 1831 года, въ дѣлѣ при Рудкахъ, находился съ ротою для прикрытія орудій. Когда непріятель сдѣлалъ сильный натискъ на нашу дѣль, то егеря ударили въ штыки, а Ващенко,

бросаясь впередъ, убилъ сперва изъ ружья одного неприятельскаго стрѣлка, выстрѣлившаго по немъ, потомъ закололъ другаго штыкомъ, и принудилъ еще двухъ просить пощады. Послѣ этого, отобравъ у нихъ ружья, отдалъ музыкантамъ, а самъ взятыхъ имъ въ плѣнъ неприятельскихъ солдатъ представилъ генераль-адъютанту Бистрому, который и приказалъ ему записаться для получения слѣдующихъ за то червонцевъ. «Нѣтъ, ваше превосходительство», отвѣчалъ Ващенко, «деньги мнѣ теперь не нужны, а позвольте мнѣ теперь же, какъ можно скорѣе, возвратиться къ своему мѣсту».

(Р. И. 1832 г. мая 13-го).

6.

Въ 1828 году, наканунѣ штурма 1-го бастиона при кр. Варнѣ, командирамъ 13-го и 14-го Егерскихъ полковъ приказано вызвать охотниковъ. Число было ограничено шестью рядовыми изъ каждой роты. Послѣ понесенныхъ во время осады потерь, въ 3-й Егерской ротѣ 14-го Егерскаго полка на лицо оставалось не болѣе 55-ти человекъ — и тридцать человекъ изъ нихъ вышло въ охотники. Прапорщикъ Ганзенъ, командовавшій ротой за болѣзнію командира, былъ въ затрудненіи, кого должно выключить изъ числа вызвавшихся. Каждый наперерывъ старался объяснить ему права свои на назначеніе въ охотники; преимущественно передъ другимъ. Такое соревнованіе заставило избрать средство, обыкновенно употребляемое въ подобныхъ случаяхъ : бросили жребій. Одинъ изъ самыхъ лихихъ удалцевъ, рядовой Рудневъ, уже два

раза бывшій охотникомъ въ самыхъ опасныхъ экспедиціяхъ, не попалъ въ число избранныхъ. Когда уже смерклось, онъ пришелъ къ прапорщику Ганзену и просилъ позволить ему идти съ охотниками. Ему отвѣчали, что нельзя перемѣнить назначенія, и притомъ замѣтили, что онъ уже два раза былъ въ охотникахъ, почему совѣтовали не слишкомъ надѣяться на счастье, ибо оно не всякій разъ сохранить его невредимымъ. «Позвольте, ваше благородіе», возразилъ Рудневъ «и въ третій разъ попробовать счастья. Смерть хочется подрасться съ басурманомъ, и если останусь живъ, непременно принесу вамъ пару славныхъ пистолетовъ». Но видя, что ничто не могло поколебать офицера, Рудневъ просилъ позволенія сходить къ своему настоящему ротному командиру, который раненый лежалъ на пристани. Получивъ согласіе, Рудневъ возвратился отъ капитана съ запискою, въ которой тотъ просилъ дать возможность Рудневу, въ награду отличной службы его, участвовать въ штурмѣ. Потому изъ роты, вмѣсто 6-ти охотниковъ, отправлено было на сборный пунктъ семеро. На другое утро Рудневъ былъ изъ малаго числа счастливыхъ, возвратившихся изъ крѣпости. Онъ и товарищи его, окруженные непріателемъ со всѣхъ сторонъ, проложили себѣ путь штыками, бросились черезъ амбразуры бастиона въ крѣпостной ровъ и достигли благополучно до нашихъ траншей. Рудневъ не забылъ своего обѣщанія и принесъ пару пистолетовъ, отнятыхъ у непріятельскаго офицера. Послѣ сдачи крѣпости, Рудневъ получилъ знакъ отличія военнаго ордена, и былъ переведенъ въ лейбъ-гвардію Егерьскій полкъ.

(Опис. Турецк. войны. Лукьяновича):

7.

1828 года 18-го сентября, въ сраженіи съ Турками, рядовой лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Чепыженко, бывъ раненъ пулею въ грудь, вырвалъ ее изъ собственнаго тѣла, зарядилъ ею свое ружье, выстрѣлилъ въ непріятеля и — до конца сраженія не выходилъ изъ рядовъ.

(Биограф. генераль-адъют. Бистрома).

8.

Въ отечественную войну, когда происходилъ наборъ Земскаго войска въ Карачевскомъ уѣздѣ, въ первый же день явился съ указомъ объ отставкѣ Фанагорійскаго полка гренадеръ Егоръ Емельяновъ. Хотя ему было болѣе шестидесяти пяти лѣтъ, но онъ былъ еще свѣжъ и бодръ, и по этому его приняли на службу, и записали въ третье отдѣленіе, т. е. въ городскую службу. Не зная о назначеніи своемъ, онъ вышелъ спокойно, и вдругъ возвратился въ крайнемъ смятеніи. «Ваше высокочелобудіе!» сказалъ онъ начальнику «не прикажите обижать стараго служиваго! Я служилъ двадцать семь лѣтъ Богу и Великому Государю; былъ въ тридцати сраженіяхъ; получилъ много ранъ. Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ вездѣ назначалъ меня въ передовые, а вы записали меня въ запасные... Не бойтесь, я еще постою за себя! Вчера перешелъ я безъ привалу сорокъ верстъ... Какъ бывало вымолвить батюшка Суворовъ : надѣвай вѣтры...

впередь... чудо-богатыри! Богъ васъ водить... идемъ, куда велить — и сто верстъ казалось за десятокъ... Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, мы педадимъ промаха штыкомъ; постоимъ еще грудью за Вѣру и Царя Православнаго!» Тутъ всѣ стоящіе солдаты вскричали : «Умремъ за Вѣру и Царя Православнаго!» Во все время набора ни одинъ отъ службы не отговаривался, а ревностнаго Емельянова, по желанію его, помѣстили въ Земское войско.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. т. 75).

9.

Въ 1812 году, генераль Эртель, находясь съ своимъ отрядомъ въ Мозырѣ, неожиданно получилъ пакетъ, тайно провезенный парламентаромъ съ надписью на французскомъ языкѣ : «отъ коменданта Виленскаго». Не распечатывая пакета, генераль приказалъ остановить парламентаря, и поручилъ своему полковнику пригласить всѣхъ бывшихъ въ этомъ мѣстечкѣ русскихъ генераловъ. Собрались три или четыре генерала. Эртель, обратясь къ нимъ, сказалъ : «вотъ пакетъ, привезенный ко мнѣ изъ непріятельскаго лагеря; я счелъ, что не иначе могу распечатать его, какъ въ вашемъ присутствіи». Раскрывъ пакетъ, генераль Эртель прочелъ : «Отецъ, мать, сестра ваша, старшій братъ съ женою и тремя дѣтьми и двое другихъ вашихъ братьевъ, захвачены въ плѣнъ и находятся въ Виленской крѣпости. Судьба ихъ зависитъ отъ васъ. Если вы сладите Мозыръ — они будутъ освобождены; въ противномъ случаѣ они будутъ разстрѣляны. Извѣщая о семъ, честь имѣю быть и проч. генераль Рапшъ.

PS. Если вамъ угодно будетъ перемѣнить службу, то вы займете самое почетное мѣсто въ арміи моего Императора».

— Вотъ какъ бездѣльникъ обо мнѣ думаетъ! вскричалъ разсерженный русскій генералъ : но я покажу, что онъ во мнѣ ошибается! и тотчасъ же написалъ Рапцу :

М. Г.

«За извѣщеніе ваше о родныхъ моихъ, свидѣтельствую благодарность. Вы можете дѣлать съ плѣнными что хотите; но если намѣрены разстрѣлять невинныхъ, это не принесетъ вамъ никакой пользы, а удвоитъ только славу Эртеля».

Этотъ отвѣтъ отправленъ съ парламентомъ. Непріатели не исполнили своей угрозы и, по окончаніи кампаніи, Эртель имѣлъ счастье свидѣться съ своимъ семействомъ.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. № 353).

10.

Въ 1812 году, передъ Бородинскимъ сраженіемъ, Лейбъ-Гвардія Семеновскаго полка рядовой Черповъ находился въ числѣ больныхъ при лазаретныхъ каретахъ. Болѣзнь и походные труды совершенно ослабили силы его. Вдругъ онъ узнаетъ, что фельдмаршалъ Кутузовъ рѣшился вступить съ непріателемъ въ бой на поляхъ Бородинскихъ. Одна эта вѣсть придаетъ новыя силы Черпову. Онъ оставляетъ лазаретъ и спѣшитъ въ полкъ. Напрасно командиръ полка, видя слабость его, приказываетъ ему не ходить въ дѣло; напрасно

уговариваютъ его офицеры и товарищи. Черповъ остается непоколебимымъ; онъ проситъ со слезами, какъ милости, позволенія остаться въ рядахъ. И вотъ начинается сраженіе. Черповъ впереди, въ застрѣльщикахъ. При крайней слабости силъ, этотъ храбрый солдатъ не теряетъ бодрости и преодолагаетъ себя необыкновенною твердостью духа. Сраженіе кончилось, и Черповъ остался невредимымъ; но не прошло и двухъ дней, какъ смерть, пощадившая храбраго ереди громовъ и ужасовъ битвы, пресѣкло дни его въ лазаретной каретѣ. Товарищи со слезами схоронили трупъ усопшаго сослуживца подъ стѣнами роднаго города — Москвы, за сохраненіе котораго каждый изъ нихъ шелъ на роковую битву съ тѣми же чувствами, какими одушевлялся въ предсмертные, но славнѣйшіе часы своей жизни больной страдалецъ Черповъ.

(Чтеніе для солдатъ 1851 г.).

11.

Въ 1805 году; во время войны съ Французами, Азовскаго пѣхотнаго полка унтеръ-офицеръ Старичковъ былъ подъ знаменемъ. Когда въ одномъ жаркомъ дѣлѣ непріятель добился до знамени, Старичковъ сорвалъ его съ древка и спряталъ при себѣ. Его ранили, взяли въ плѣнъ, а онъ берегъ знамя до самой смерти своей. Когда наступилъ послѣдній часъ его, то онъ подозвалъ къ себѣ бывшаго также въ плѣну рядоваго Чайку, отдалъ ему знамя и приказалъ беречь и хранить его, пока не возвратится на родину. Послѣ того умеръ. Чайка свято берегъ знамя и, возвратясь изъ плѣна на родину, представилъ его начальству.

За такой поступокъ Государь Императоръ благоволилъ наградить Чайку чиномъ унтеръ-офицера и деньгами, а семейству Старичкова повелѣлъ выдавать изъ казны по 400 рублей въ годъ. Кромѣ того, жители города Калуги, откуда Старичковъ былъ родомъ, купили домъ и подарили его вдовѣ и семейству Старичкова.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. т. 38).

12.

Въ 1828 году, во время войны съ Турками, въ одномъ дѣлѣ турецкая конница напала на Тамбовскій пѣхотный полкъ; отчаянные изъ наѣзтниковъ ворвались въ средину и изранили кинжалами унтеръ-офицера Любанскаго, который былъ подъ знаменемъ. Любанскій упалъ, но знамени не отдалъ, а легъ на него и спряталъ подъ себя. Солдаты отбили наѣзтниковъ и знамя осталось цѣло.

За такой поступокъ, Любанскій былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія, произведенъ въ подпоручики и переведенъ лейбъ-гвардіи въ Павловскій полкъ.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. т. 38).

13.

Въ 1806 году, въ городѣ Судогдѣ, отъ громоваго удара произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣло много казенныхъ и частныхъ зданій. Во время пожара, при казначейской кладовой стоялъ на часахъ рядовой

Пичугинъ, который имѣлъ въ городѣ семейство и свой домикъ. При усилившемся пламени Пичугину сказали, что его семейство и домъ въ опасности; на это онъ отвѣчалъ: «если не спасутъ ихъ Богъ и добрые люди, то пусть горять, а я не оставлю своего поста». Послѣ, когда несчастіе отъ пожара сдѣлалось общимъ во всемъ городѣ, то Пичугину кричали со всѣхъ сторонъ: спасайся, теперь не до смѣны; на это онъ отвѣчалъ: «а Богъ и присяга!» и — пребылъ неподвиженъ. Домикъ его сгорѣлъ, и онъ нашелъ пепелище. Но когда поступокъ его былъ доведенъ до Высочайшаго свѣдѣнія, то Его Величество, за примѣрную вѣрность Пичугина, повелѣлъ: уволить его въ отставку, выдать на обзаведеніе 500 рубл. и производить ежегодно пенсіонъ.

(Р. И. 1837 г.).

14.

Въ сраженіи при Пулхилло, въ 1808 году, въ войнѣ съ Шведами въ Финляндіи. Могилевскаго Мушкетерскаго полка рядовой Григорій Петровъ, видя неизбежность плѣна, сохранилъ знамя своего полка; берегъ его въ теченіе полутора года бытности своей въ плѣну у Шведовъ, подвергая себя не малой опасности и наконецъ, бѣжавъ изъ Швеціи на лодкѣ, явился въ Копенгагенъ къ находившемуся въ то время при Датскомъ дворѣ нашему посланнику и представилъ ему спасенное знамя въ цѣлости.

Государь Императоръ Александръ Павловичъ, въ воздаяніе такого подвига рядоваго Петрова, Высочайше повелѣть соизволилъ: произвестъ его въ унтеръ-

офицеры и выдавать ему всегда жалованье по Фельд-фебельскому окладу.

(Р. И. 1850 г.).

15.

1834 года іюля 3-го дня, въ Петербургѣ, во время сильной грозы, ударомъ молніи зажженъ былъ сарай артиллерійской лабораторіи, въ которомъ хранилось до шести тысячъ конгревовыхъ ракетъ. Въ это время на часахъ у сарая стоялъ рядовой Нейшлотскаго Егерскаго полка Ларіонъ Кулябинъ, поступившій на службу въ 1831 году. Когда весь сарай объять былъ пламенемъ, и будка часоваго начала уже тлѣть, то находившіеся тутъ генералы и офицеры, замѣтивъ опасное положеніе часоваго, приказывали ему удалиться. На это Кулябинъ отвѣчалъ : «я могу отходить отъ будки лишь на десять шаговъ, и до смѣны не сойду съ своего поста». И дѣйствительно, онъ оставался на немъ, пока не былъ снятъ караульнымъ офицеромъ.

Рядовой Кулябинъ поступкомъ этимъ доказалъ, какъ твердъ Русскій солдатъ въ святой присягѣ, данной Богу и Государю, рѣшаясь лучше сгорѣть, чѣмъ нарушить свой долгъ. Въ награду за это, Его Императорское Величество повелѣть соизволил: Кулябина перевести лейбъ-гвардіи въ Егерскій полкъ и выдать ему 300 руб., а поступокъ опубликовать.

(Жур. для чтен. восп. В. У. З. т. 73).

16.

Лѣтомъ 1835 года, Уральскаго полка казакъ Затворниковъ былъ на Каспійскомъ морѣ захваченъ въ плѣнъ

тамошними морскими разбойниками, Киргизъ-Кайсаками. Взявъ его на свое судно, Кайсаки снова отправились на разбой въ море и хотѣли заставить Затворникова откликаться при встрѣчѣ съ русскими рыболовными судами по-русски, чтобы обмануть ихъ. На это Затворниковъ отвѣчалъ разбойникамъ : «хоть сейчас зарѣжьте, а души своей не продамъ чорту, — на своихъ не пойду». Киргизы мучили его, били, да съ тѣмъ и отстали. При этомъ были свидѣтелями другіе плѣнники наши. Когда же всѣхъ ихъ выручили и донесли о вѣрности и твердости Затворникова Государю Императору, то Его Величество изволилъ наградить его чиномъ урядника и пожаловать ему двѣсти рублей.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. т. 36).

17.

27-го іюля 1847 года, въ городѣ Кирсановѣ Тамбовской губерніи случился пожаръ: загорѣлось налворное строеніе, принадлежавшее купцу Волосатову и находившееся въ самомъ близкомъ разстояніи отъ каменнаго дома, въ которомъ помѣщалось Уѣздное Казначейство. Вскорѣ, при усилившемся вѣтрѣ, пламя обхватило четыре сосѣдніе деревянные дома.

Въ это время при казначействѣ стоялъ на часахъ рядовой Кирсановской Инвалидной команды, Иванъ Жданенко. Находясь въ очевидной опасности посреди пламени, будучи нѣсколько разъ обливаемъ водою, онъ терпѣливо перенесъ мучительное дѣйствіе огня, и оставался на часахъ до тѣхъ поръ, пока не былъ сведенъ съ поста, въ то время, когда изъ Казначейства все имущество было вынесено.

За эту примѣрную твердость въ исполненіи священнаго долга службы, Государь Императоръ пожаловалъ рядовому Жданенкѣ сто рублей серебромъ и Высочайше повелѣть соизволилъ : перевести его въ гвардію, если къ переводу не встрѣтятся особыхъ препятствій; въ противномъ же случаѣ произвести его въ унтеръ-офицеры, съ оставленіемъ въ прежней командѣ.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. т. 68).

IV.

ПРИМѢРЫ БЕЗПРЕКОСЛОВНАГО ПОВИНОВЕНІЯ И ДОВѢРЕННОСТИ КЪ ВЛАСТИ.

1.

Однажды Императоръ Петръ I, находясь вмѣстѣ съ Датскимъ Королемъ, началъ разговоръ о томъ, чьи солдаты лучше знаютъ службу и военную дисциплину. Король защищалъ своихъ и доказывалъ, что его солдаты, какъ издавна уже привыкшіе къ военному порядку, должны быть лучше Русскихъ, которые въ то время только что набраны были изъ крестьянъ, недавно обучены, а потому и не могли еще свыкнуться съ военной службой такъ, какъ его королевскіе старые солдаты. «Не спорю», сказалъ Императоръ Королю, «что мои новобранцы въ чемъ нибудь уступятъ вашимъ гренадерамъ; но такъ какъ первая доблесть военная есть непрекословное послушаніе, то въ этомъ то дѣлѣ мои молодцы не уступятъ никому въ свѣтѣ».

— Нѣтъ, отвѣчалъ Король, и въ послушаніи мои не уступятъ вашимъ; я въ нихъ увѣренъ. — «Ну, если такъ, ваше величество», сказалъ Императоръ, «то сдѣлаемъ сейчасъ опытъ. Позовите изъ караула на выдержку одного изъ своихъ солдатъ и прикажите ему выскочить вотъ изъ этого окна; а потомъ я позову своего и велю тоже сдѣлать; посмотримъ, что будетъ». Король согласился, велѣлъ позвать своего солдата и приказалъ ему выскочить въ окно. Окно было въ третьемъ этажѣ; солдатъ взглянулъ и сталъ отпрашиваться и просить помилованія. Но когда король настаивалъ, то солдатъ сталъ просить позволенія сходить напередъ къ своимъ и проститься. Король похвалилъ его за послушаніе и отпустилъ.

Послѣ того Императоръ Петръ приказалъ позвать гренадера своего съ гауптвахты. Гренадеръ вошелъ. «Здорово, товарищъ!» — Здравія желаю, Ваше Императорское Величество! — «Подойди сюда.» — Гренадеръ подошелъ. — «Прыгай сей часъ въ окно, да съ разбѣгу.» — Въ которое прикажете, Ваше Величество, — въ это? — «Да, въ это.» И гренадеръ въ одинъ мигъ вскочилъ на подоконникъ и хотѣлъ было уже ринуться... но Петръ удержалъ его, поцѣловалъ, наградилъ и отпустилъ. Король пожалъ плечами и сказалъ: «завидую вамъ, Государь, что имѣете такихъ солдатъ».

(Журн. для чтенія восп. В. У. З. т. 43).

2.

Въ 1812 году, при быстромъ преслѣдованіи Французовъ, бѣжавшихъ изъ Россіи, наши войска неоднократно нуждались въ продовольствіи; провіантскіе чиновники, не смотря на всю свою дѣятельность, не

успѣвали во-время доставлять войску все потребное. Однажды, когда войско находилось въ такомъ положеніи, князь Кутузовъ подъѣхалъ къ Измайловскому полку и спросилъ : «есть ли хлѣбъ?» Нѣтъ, ваша свѣтлость, отвѣчали солдаты. «А вино?» Нѣтъ ваша свѣтлость. «А говядина?» тоже нѣтъ. Принявъ грозный видъ, князь Кутузовъ сказалъ : «я вѣдоу повѣсить провіантскихъ чиновниковъ; завтра навезутъ вамъ хлѣба, вина, мяса, и вы будете отдыхать.» Покорнѣйше благодаримъ! «Да, вотъ что, братцы; пока вы станете отдыхать, злодѣй-то, недожидаясь васъ, уйдетъ». Гвардейцы воскликнули въ одинъ голосъ : намъ ничего не надобно; безъ сухарей и вина пойдемъ его догнать. При этихъ словахъ, фельдмаршалъ, поднявъ глаза къ небу и утирая слезы, произнесъ : «Великій Боже! Чѣмъ возблагодарить тебя за милость, что я имѣю счастье командовать такими молодцами!» Немолчаемое ура было отвѣтомъ Измайловцевъ.

(Описан. отеч. войны 1812 г. т. 4. стр. 211).

3.

Воины малочисленнаго русскаго отряда, расположеннаго на южной сторонѣ Варны, бывъ окружены со всѣхъ сторонъ Турками, сидѣли вечеромъ 15-го Сентября 1828 года вокругъ бивуачныхъ огней, съ унылымъ духомъ. «Плохо, братцы, будетъ намъ, сказалъ одинъ изъ солдатъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ : подмоги не даютъ намъ, и басурманы вчетверо насъ сильнѣе и крѣпко хорохорятся; того и гляди карачуна намъ дадутъ и искрошатъ словно артельную капусту.» Съ умою ли ты, возразилъ одинъ старый усатый гре-

надеръ, а Быстровъ-то на что? Да съ нимъ, братья, и на двѣ моря не сгинемъ, и хотябъ ихъ было по десятку на всякаго нашего—все трывъ трава! Гляди, вишь какимъ богатыремъ расхаживаетъ! продолжалъ ветеранъ, указывая на Бистрома; стало быть намъ не о чемъ сомнѣваться. «Оно такъ, отвѣчалъ первый изъ нихъ, почесывая затылокъ: а все-таки было бы покуражище, когдабъ на подмогу прислали хоть еще одинъ полкъ.» — Экой ты безтолковой! — сказалъ стоявшій вблизи гренадеръ: заладилъ одно: давай ему подмогу; а за чѣмъ тебѣ подмога? да въ Быстровъ-то одномъ сидитъ пять тысячъ войска; вотъ тебѣ и подмога!—Въ это время генераль Бистромъ, прохаживаясь по бивуакамъ и какъ бы предугадывая предметъ разговора солдатъ, подходитъ къ той самой кучкѣ, среди которой происходилъ описанный разговоръ. «Здорово, молодцы, храбрые гренадеры!» Здравія желаемъ ваше превосходительство! съ восторгомъ гаркнули солдаты на привѣтъ любимаго начальника. «Ужинали ли вы сего дня?» спросилъ генераль. Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчали солдаты. «Такъ ступайте же, выпейте по крышкѣ водки (*), закусите сухаремъ, чтобъ за ушами затрещало, и поѣшьте каши. А тамъ съ Божіей помощію примемся и за работу; зададимъ басурманамъ славнаго трезвону, чтобъ они своихъ не узнали. Гдѣ имъ бѣло-сухарникамъ устоять противу русскаго православнаго солдата, вскормленнаго арженымъ артельнымъ хлѣбомъ и ротнымъ квасомъ!» сказалъ Бистромъ. — «Точно такъ, ваше превосходительство! Ради стараться!» отвѣчали единодушно солдаты, готовые по одному слову отца-младца броситься на враговъ, не думая болѣе о числѣ ихъ. «Ты такъ и глядишь, чтобъ заколотъ

(* Манериза крышка.

трехъ Турокъ,» сказалъ Карлъ Ивановичъ, обращаясь какъ бы нарочно къ тому самому солдату, который предсказывалъ бѣду своимъ товарищамъ. «Больше заколю, ваше превосходительство, и не пикнуть,» отвѣчалъ солдатъ, вытянувшись въ струнку. «Молодецъ!» сказалъ Карлъ Ивановичъ, потрепавъ его по плечу. «Русскому солдату стыдно идти на одного Турка. Давай ему полдюжины на брата, такъ есть надъ чѣмъ поработать штыкомъ. Мы должны, ребята, оправдать довѣренность, сдѣланную намъ Государемъ Императоромъ, и развѣ по мертвымъ тѣламъ нашимъ пройдутъ Турки въ Варну. Я просилъ Государя, продолжалъ Карлъ Ивановичъ, дать мнѣ 1-й баталіонъ лейбъ-гренадеровъ, и я отстою Варну. Слышите-ли ребята! не ударьте же лицомъ въ грязь!» Благодаримъ покорно! ради стараться! отвѣчали солдаты, восхищенные словами героя. Бистромъ, одушевивъ воиновъ, немедленно возвратился въ свой редутъ: солдаты пошли ужинать, вышли отъ души за здоровье отца — командира и возвратились на свои бивуаки. Скоро все смолкло. Костры погасли и всѣ воины уснули глубокимъ сномъ.

На другой день Омеръ-Врѣоне сдѣлалъ нападеніе на отрядъ генерала Бистрома и первый баталіонъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка оказалъ чудеса храбрости, а рядовой Синюгинъ, который обѣщалъ Бистрому заколоть больше трехъ Турокъ, оправдалъ на дѣлѣ свои слова; дѣйствительно, онъ закололъ пять Турокъ. Знакъ отличія военнаго ордена былъ наградою Синюгину за его храбрость.

(Биограф. генералъ-аѣют. Бистрома).

V.

ПРИМѢРЫ ЛЮБВИ И ПРЕДАННОСТИ КЪ НАЧАЛЬНИКАМЪ.

1.

Березовской станицы войска Донскаго урядникъ Евсей Селезневъ много лѣтъ служилъ при Суворовѣ и былъ имъ очень любимъ. Нерѣдко случалось, что Суворовъ увлекался своею пылкію слишкомъ далеко, въ самый жестокій картечный огонь. Тогда Селезневъ, нигдѣ и никогда ни на шагъ не отлучавшійся отъ Суворова, по-просту бралъ его лошадь за поводъ и силою увлекалъ назадъ. Суворовъ сердился, кричалъ, бранился, билъ Селезнева нагайкой, но Селезневъ не слушался, говоря: «не пущу, и безъ тебя пойдутъ, а твоя жизнь для насъ дороже».

Прослуживъ отечеству 30 лѣтъ и имѣя нѣсколькихъ сыновей на службѣ, этотъ почтенный старикъ пошелъ охотою служить и въ войну 1807 года съ Французами. За то ему тогда же поручена была и почетная обязанность — храненіе войсковой хоругви.

(Чтен. для солд. 1849 — 1850 г. кн. 5).

2.

Однажды Суворовъ бѣжалъ по лагерю въ простой солдатской курткѣ. «Эй, старикъ, стой!» закричалъ ему вслѣдъ сержантъ, присланный отъ генерала Дерфельдена съ бумагами: «скажи, гдѣ присталъ главнокомандующій?»—«А чортъ его знаетъ», отвѣчалъ Суворовъ. «Какъ, вскричалъ сержантъ: я привезъ къ нему отъ генерала бумаги».—«Не отдавай», кричалъ Суворовъ: «онъ теперь или размертвецки пьянъ, или горланить пѣтухомъ». Тутъ сержантъ замахнулся на него палкой. «Моли Бога, старичишка, за свою старость: не хочу рукъ марать; ты, видно, не русскій, что такъ ругаешь нашего отца». Суворовъ убѣжалъ. Черезъ часъ онъ пришелъ домой; сержантъ ужъ былъ тамъ. Увидя Суворова, онъ хотѣлъ броситься къ его ногамъ, но главнокомандующій обнялъ его и сказалъ: «ты доказалъ любовь къ начальнику на дѣлѣ: хотѣлъ поколотить меня, за меня же» и изъ рукъ своихъ подчивалъ его водкою.

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З. № 304).

3.

Во время Кульмскаго сраженія, въ 1813 году, два офицера лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, братья Пенскіе, были ранены. Старшій изъ нихъ, получивъ смертельную рану и узнавъ отъ доктора, что ему остается жить только полчаса, просилъ объ одномъ только: чтобы донесли его до Карла Ивановича Бистрома, его полко-

ваго командира. Товарищи, окружавшіе раненаго, исполнили его желаніе. «Карлъ Ивановичъ!» сказалъ Пенскій Бистрому: «мнѣ остается жить нѣсколько минутъ и я хочу умереть подлѣ васъ». Чрезъ нѣсколько минутъ храбрый офицеръ испустилъ духъ на груди добраго своего начальника.

(Биограф. генераль-адъют. Бистрома).

4.

Въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, когда лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ вытѣснилъ Французовъ изъ селенія Госсы, а третій баталіонъ обошелъ селеніе, баталіонный командиръ, полковникъ Жерве, съ офицерами первые перелѣзли чрезъ каменную ограду, а за ними бросились и егеря и погнали уже Французовъ; вдругъ многочисленный непріятель окружилъ ихъ; они твердо отстаивали свое мѣсто, но многіе офицеры уже были ранены. Тогда гренадеръ Коренной, пересадивъ баталіоннаго командира Жерве и другихъ раненныхъ офицеровъ своихъ чрезъ ограду, самъ собралъ удалыхъ, отчаянныхъ егерей и сталъ отстаивать, пока другихъ раненныхъ офицеровъ прочіе егеря спасали съ мѣста сраженія. Коренной съ горстью лихихъ стрѣлковъ стоялъ крѣпко и удерживалъ мѣсто сраженія, крича: «не сдаваться, ребята!» Сначала они отстрѣливались, но многочисленность непріятелей стѣснила нашихъ такъ, что они отбивались штыками, и всѣ пали, одни убитые, а другіе раненные; Коренной оставался одинъ. Французы, удивляясь храброму гренадеру, щадили его и кричали, чтобъ онъ сдался; но Коренной, въ отвѣтъ, поворотилъ ружье, взялъ за дуло и отбивался прикла-

домъ. Тогда нѣсколько штыковъ непріятельскихъ положили его на мѣстѣ. Получивъ 18 ранъ и обезсиливъ совершенно, онъ отдался непріятелямъ и былъ представленъ Наполеону. Императоръ Французовъ, узнавъ о подвигѣ Кореннаго, поставилъ его въ примѣръ всей своей арміи и, приказавъ врачамъ своимъ перевязать ему раны, отпустилъ изъ плѣна.

(Краткій очеркъ Исторіи лейбъ-гвард. Финлянд. полка).

5.

Во время штурма крѣпости Анапы (1828 г.), когда Турки были прижаты къ крутизнѣ, командиръ 4-й роты 14-го Егерскаго полка, штабъ капитанъ Томиловскій, бросившись впередъ, схватился на самомъ краю обрыва съ турецкимъ офицеромъ, который одинъ съ горьстью храбрыхъ отчаянно сопротивлялся, отвергая предложеніе сдаться плѣннымъ. Долго боролись они и Русскій одолѣлъ.... Томиловскій сбросилъ офицера съ крутизны, но и самъ, потерявъ равновѣсіе, былъ увлеченъ въ бездну паденіемъ противника. Камень, выдавшійся изъ крутой стѣны берега, удержалъ его, и ушибенный паденіемъ, онъ избѣгнулъ неминуемой смерти. Турецкій гарнизонъ, желая спасти хоть часть своихъ товарищей, выслалъ изъ крѣпости, вдоль берега моря, прикрытаго крутизною, небольшою отрядъ, который снизу могъ обстрѣливать край обрыва. Увидѣвъ Томиловскаго, висѣвшаго надъ бездною, Турки открыли огонь и прострѣлили ему ногу. Два солдата роты его, не смотря на явную смерть, угрожавшую имъ при малѣйшей неосторожности, спустились по

выдавшимся камнямъ, и взявъ свои ружья за штыки, подали приклады своему командиру. Будучи раненъ, онъ не могъ стать на ноги, и отъ чрезмѣрнаго усилія поднять его одинъ изъ солдатъ потерялъ равновѣсiе и упалъ въ пропасть. Другой, видя, что онъ одинъ спасти начальника не въ силахъ, возвратился на верхъ, позвалъ новаго товарища и готовился вторично спуститься съ утеса. Тронутый самоотверженiемъ и преданностию подчиненныхъ, Томиловскiй запрещалъ имъ подвергать себя почти вѣрной смерти, и требовалъ, чтобы они удалились, оставя его на произволь судьбы. Между тѣмъ другiе солдаты сняли съ убитыхъ Турокъ нѣсколько поясовъ, связали ихъ вмѣстѣ, бросили конецъ Томиловскому, послѣ долгихъ усилiй вытащили его на верхъ и съ торжествомъ принесли на плечахъ въ укрѣпленный лагерь. Онъ держалъ въ рукахъ богатую турецкую саблю, отнятую имъ у своего противника, какъ трофеемъ побѣды. Къ сожалѣнiю, храбрый Томиловскiй вскорѣ умеръ отъ воспаления, бывшаго слѣдствiемъ полученныхъ имъ ранъ.

(Опис. Турец. войны, Лукьяновича.).

6.

Генералъ Дороховъ четырнадцать лѣтъ командовалъ Гусарскимъ Изюмскимъ полкомъ; имя его осталось донынѣ памятно Изюмцамъ. Желая похвалить молодаго гусара, старые усачи до сихъ поръ говорятъ: «тебя похвалилъ бы Дороховъ!» При возвращенiи Изюмскаго полка изъ турецкаго похода въ 1830 году, проходя черезъ Московскую губернiю, офицеры испросили позволенiе отправиться въ городъ Верею, чтобы посѣтить

могилу Дорохова, хотя Верея далеко была въ сторонѣ отъ дороги ихъ. Явись туда съ старыми гусарами, они отслужили панихиду, надѣлили бѣдныхъ милостынею, и видя слезы старыхъ гусаръ у могилы незабвеннаго начальника, клялись служить Царю и отечеству, какъ служилъ Дороховъ.

(Воен. Гал. Зим. Дворца т. 1. Дороховъ).

VI.

ПРИМѢРЫ НЕУСТРАШИМОСТИ, МУЖЕСТВА И ПРИСУТСТВІЯ ДУХА.

1.

Въ 1700 году, Карлъ XII разбилъ Русскихъ подъ Нарвою, и, въ противность условію, удержавъ въ плѣну всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, отослалъ ихъ въ Швецію. Шведское правительство разсудило отправить часть русскихъ плѣнниковъ моремъ изъ Стокгольма въ Готенбургъ; между ними былъ и князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ. На фрегатѣ Русскихъ было болѣе, чѣмъ Шведовъ. Князь сообщилъ сотоварищамъ своего несчастія отважную мысль освободиться, и, получивъ ихъ согласіе, условился, чтобы, въ вечернюю службу (это было въ субботу), когда запоютъ «Всемирную славу» и дойдутъ до словъ *«держайте убо, держайте людие Божии»* — вмигъ броситься всѣмъ на Шведовъ, обезоружить ихъ и овладѣть фрегатомъ. Все это было исполнено въ точности; противившихся однихъ перекололи, другихъ столкнули въ воду, иныхъ перевязали и заперли подъ палубу,

оставивъ на волѣ одного шкипера, которому приказали везти себя къ Кронштату или Ревелю, подъ опасеніемъ смерти въ случаѣ измѣны. Шкиперъ благополучно привелъ ихъ въ Ревель, гдѣ фрегатъ вошелъ въ гавань съ пушечною пальбою.

(Анекдоты о Петрѣ Великомъ, Голицова).

2.

Въ Октябрѣ 1706 года, Петръ Великій предпринялъ сухопутный походъ къ Выборгу, въ намѣреніи овладѣть этимъ укрѣпленнымъ городомъ, имѣвшимъ въ то время не слишкомъ сильный гарнизонъ. Войска начали подходить туда 11-го числа, а такъ какъ они шли тогда берегомъ, то и замѣчено было, что нѣсколько купеческихъ судовъ тянулось отъ города въ море. Царь, желая захватить ихъ, немедленно приказалъ бывшему съ нимъ и весьма имъ любимому лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержанту Михаилу Щепотьеву, взявъ небольшую команду, съѣсть съ нею въ лодки, какія только найдутся у берега, и остановить уходящія суда. Это было уже вечеромъ; пока искали лодокъ, поднялся густой туманъ; шведскія суда успѣли далеко уйти въ море, и когда Щепотьевъ съ своею флотиліею, состоявшею изъ пяти, по большей части рыбацкихъ лодокъ, отвалилъ отъ берега, уже наступила ночь. Вся команда, посланная на поискъ, состояла изъ сержанта Щепотьева, бомбандира Преображенскаго полка Дубасова, флотскихъ унтеръ-офицеровъ: Скворцова и Сенявина и 48-ми сухопутныхъ рядовыхъ. Не смотря на туманъ и ночное время, лодки пошли по направленію, которое должно было привести ихъ

къ судамъ; но, вмѣсто того, они въ темнотѣ наѣхали на крейсировавшій въ тѣхъ мѣстахъ шведскій адмиралтейскій ботъ Эспернъ о 4-хъ пушкахъ и съ экипажемъ въ 108 человекъ, между которыми было 8 офицеровъ. Не разбирая какое это было судно, и не смотря на неравенство силъ, русскія лодки немедленно атаковали ботъ, положили на мѣстѣ большую часть его команды, а остальныхъ заперли подъ палубу. На помощь атакованнымъ подоспѣлъ другой ботъ, но побѣдители отразили его выстрѣлами изъ пушекъ на взятыхъ суднѣхъ и привели послѣднее къ мѣсту, гдѣ Петръ Великій сталъ лагеремъ.

Петръ, изумленный, какъ самъ онъ писалъ къ бывшему наставнику своему Зотову, этимъ «*преудивительнымъ и чуднымъ боемъ*», щедро наградилъ побѣдителей, а тѣла убитыхъ отправилъ въ Петербургъ и велѣлъ предать ихъ тамъ землѣ, съ воинскими почестями, въ сопровожденіи цѣлаго баталіона.

(Журн. для чтен. воспит. В. У. З. № 177).

3.

Въ августѣ 1771 года, съ небольшимъ черезъ годъ послѣ знаменитаго Чесменскаго боя, одинъ изъ участвовавшихъ въ немъ, молодой мичманъ Ушаковъ, командовалъ нанятаю у Грековъ трекатерою (*) «Архангель Михаилъ». Съ этимъ судномъ онъ находился въ отрядѣ капитанъ-лейтенанта Ростиславскаго, посланномъ по распоряженію главнокомандовавшаго русскимъ фло-

---

(*) Небольшое вооруженное судно, употреблявшееся въ прошломъ столѣтіи у Грековъ для перевоза войскъ и разныхъ тяжестей.

томъ въ Архипелагѣ, графа Орлова, къ острову Паросу, для забранія оттуда десанта. Это порученіе было выполнено благополучно; но на обратномъ пути, въ ночи на 8-е сентября, трекатера мичмана Ушакова разлучилась съ прочими судами и была застигнута штилемъ между Аѳонскою горою и островомъ Лемносомъ. Экипажъ ея состоялъ изъ командовавшаго мичмана, трехъ матросовъ русскихъ, двадцати семи наемныхъ Албанцевъ и двухъ сотъ семи человекъ разныхъ чиновъ Шлиссельбургскаго мушкатерскаго полка, взятыхъ съ острова Пароса. Во время штиля, 12-го числа, отъ острова Лемноса показались пять турецкихъ галеръ, шедшія съ поспѣшностію прямо на трекатеру. Опасность была близка и велика; силы слишкомъ несоразмѣрны; но Ушаковъ не потерялъ присутствія духа, и не смотря на весьма худо вооруженное судно, не поколебался многолюдству противопоставить отчаянное мужество. Одаренный отъ природы характеромъ пылкимъ, презиравшимъ всякую опасность, онъ въ немногихъ, но сильныхъ словахъ предложилъ офицерамъ и командѣ защищаться до послѣдней возможности, а въ случаѣ неизбежной потери судна взорвать его. Слова начальника, сказанныя русскому солдату кстати и въ рѣшительную минуту, не могли не произвести желаннаго дѣйствія и единодушное *ура* было на нихъ отвѣтомъ. Даже самые Албанцы приняли участіе въ общемъ порывѣ великодушной рѣшимости. Ушаковъ, успокоенный съ этой стороны, установилъ по борту и шканцамъ пустыя водяныя бочки одну подлѣ другой, на подобіе и въ замѣнъ туровъ, употребляемыхъ въ полѣ; протянулъ сверхъ борта веревки (лиры) и велѣлъ навѣсить на нихъ платье, постели и т. п.; а какъ корма судна была наименѣе защищена, то прорубилъ въ ней новый портъ и поставилъ туда

небольшую пушку. Сверхъ того, на принадлежавшіе къ трекатерѣ баркасъ и ялъ было посажено достаточное число вооруженныхъ людей, дабы, въ случаѣ надобности, поворачивать судно буксиромъ, а во время абордажа неожиданно ударить на непріятеля. Распорядясь такимъ образомъ, распредѣливъ по мѣстамъ людей, и велѣвъ имъ до дальнѣйшаго приказанія лечь на палубу и непоказываться, мичманъ хладнокровно ожидалъ непріятеля.

Надежда на превосходство свое въ силахъ и молчаніе русскаго судна усугубили смѣлость Турокъ. Съ трекатеры даже не отвѣчали на первыя ихъ ядра, но когда они стали падать съ разстоянія болѣе близкаго, тогда и атакуемые открыли сильный огонь изъ пушекъ, а потомъ и изъ ружей. Турки, не смотря на это, продолжали идти, и имѣя намѣреніе принять трекатеру на абордажъ, зашли къ ней съ двухъ сторонъ съ кормы и съ праваго борта. По сигналу, сдѣланному съ передовой галеры, она и прочія четыре остановились, но чрезъ нѣсколько минутъ раздался страшный обычный у Турокъ вопль: «Аллахъ!» и весла снова пришли въ движеніе. Это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы оправиться и потомъ дружище, одновременно произвести нападеніе.

Ушаковъ допустилъ непріятеля на близкій ружейный выстрѣлъ и принялъ его картечью; когда же галеры пришли въ разстояніе выстрѣла пистолетнаго, онъ, при крикѣ *ура!* съ барабаннымъ боемъ, открылъ съ атакуемыхъ сторонъ безумолкный батальный огонь изъ ружей. Турки, не ожидавшіе такого отпора, пришли въ замѣшательство, повертели назадъ и прекратили пальбу; но чрезъ полчаса возобновили нападеніе съ усугубленными криками и усиліями. Ушаковъ, допустивъ ихъ вторично на пистолетный выстрѣлъ, вто-

рично встрѣтилъ картечью и бѣглымъ огнемъ изъ ружей, и встрѣтилъ такъ сильно, что первыми двумя залпами отогналъ людей отъ весель, произвелъ въ густыхъ непріятельскихъ массахъ большое опустошеніе и заставилъ убѣдѣвшихъ искать убѣжища подъ банками (скамьями на галерѣ). Съ третьимъ залпомъ упала большая мачта первой галеры, и всѣ пять судовъ, съ большимъ урономъ въ людяхъ, съ потерю множества весель, побротили назадъ къ Лемносу, подъ убійственнымъ огнемъ трекатеры.

Пальба замолкла только при наступленіи ночи. Въ продолженіе боя съ трекатеры сдѣлано было сто пятьдесятъ выстрѣловъ изъ пушекъ и болѣе четырехъ тысячъ выстрѣловъ изъ ружей; кромѣ пяти пробоннъ въ корпусѣ, она получила нѣсколько значительныхъ поврежденій въ такелажѣ и парусахъ и имѣла двадцать пять чело-вѣкъ убитыми и ранеными. Штиль благоприятствовалъ исправленію поврежденій, а вскорѣ за тѣмъ подувшій попутный вѣтеръ далъ трекатерѣ возможность вступить подъ паруса. 16-го того же мѣсяца она счастливо достигла острова Тассо, и тамъ присоединилась къ флоту графа Орлова. Мужественный подвигъ Ушакова доставилъ ему орденъ Св. Георгія 4-го класса, награду лестную особенно въ первомъ офицерскомъ чинѣ. Того же удостоился и храбрый его сподвижникъ, Шлиссельбургскаго мушкетерскаго полка капитанъ Костинъ.

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З. № 174).

4.

Въ 1772 году, во время войны съ Турками, когда главный предводитель русскаго флота, графъ Орловъ,

узналъ о производившихся у непріятелей, въ самое время перемирія, угрожающихъ движеніяхъ, онъ, принимая разныя необходимыя предосторожности, между прочимъ отправилъ къ сирійскимъ и египетскимъ берегамъ флота лейтенанта Патаніоти-Алексіано, съ однимъ фрегатомъ, одною полакою и одною фелукою. Ему было поручено развѣдывать о строящихся на островѣ Родосѣ судахъ и тамошнихъ вооруженіяхъ до устья Нила, гдѣ Порта съ поспѣшностію продолжала въ безопасности свои военныя приготовленія.

Лейтенантъ Алексіано вышелъ изъ порта Трио, на островѣ Паросѣ, октября 6-го дня; но случившіеся жестокіе противные вѣтры удержали его въ пути до 19-го октября, и удалили изъ вида его эскадры полаку, бывшую подъ командою лейтенанта Паламиды. На другой день, 20-го октября, находясь на высотахъ острова Кипра, Алексіано получилъ съ подтвержденіемъ извѣстія, что два большія вооруженныя судна, каждое о 20-ти пушкахъ, съ экипажемъ изъ 700 Варварійцевъ, и другія разной величины суда уже вышли изъ Александрійскаго порта и стоятъ на якорѣ, подъ пушками крѣпости Даміетты, а пять 20-ти пушечныхъ судовъ, съ множествомъ мелкихъ, находятся при Александриі, готовые къ отплытію туда же и ожидаютъ только прибытія изъ Дамаска главнаго своего начальника, Селимъ-Бея, которому Султанъ поручилъ возбудить Сирійцевъ и Египтянъ къ вооруженію на христіанъ поднятіемъ знамени Магомета.

Узнавъ объ этомъ, лейтенантъ Алексіано рѣшился предупредить соединеніе Александрійской эскадры съ Даміеттскою, и для того поспѣшилъ къ Даміеттѣ. Онъ прибылъ туда утромъ 21-го числа съ фрегатомъ и фелукою и, приблизившись къ непріятелю, поднялъ на своихъ судахъ русскій флагъ. Жестокій, перекрестный

огонь Турокъ съ кораблей и крѣпости не могъ воспринять отважному русскому лейтенанту овладѣть однимъ небольшимъ турецкимъ судномъ, ворваться въ портъ, бросить якорь межъ двухъ большихъ судовъ и, послѣ двухъ-часоваго отчаяннаго боя, одержать блистательную побѣду. Турки потеряли множество убитыми и ранеными. Замѣтивъ опасную течь на своихъ судахъ, они бросились въ море на шлюбкахъ, баркасахъ, и старались вплавь пробраться къ берегу. Алексіано потопилъ два судна и захватилъ нѣсколько мелкихъ въ добычу.

Но эта побѣда еще не удовлетворила его. Удалясь изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ съ крѣпости, онъ рѣшился предупредить Селимъ-Бей, и 22-го октября, передъ полуднемъ, замѣтилъ идущее прямо къ Даміеттѣ большое судно подъ турецкимъ флагомъ. Допустивъ Бей на весьма близкое разстояніе, Алексіано вдругъ выставилъ русскій флагъ и открылъ огонь изъ пушекъ.

Эта нечаянность до того устршила бывшаго на суднѣ непріятеля, что онъ, безъ всякаго сопротивленія, спусти флагъ, отдался военно-плѣннымъ и перевезенъ фелукою на фрегатъ и на другія въ портъ взятыя суда. Въ числѣ плѣнныхъ находился Селимъ-Бей съ тремя главнѣйшими агами, другими офицерами и служителями, коихъ считалось 120 человекъ; на суднѣ же найдено : Магометово знамя, семь другихъ знаменъ, четыре булавы, восемь пушекъ и множество разнаго оружія. Извѣстіе о сожженіи египетской флотиліи и взятіи въ плѣнъ Селимъ-Бей произвело ужасное смятеніе въ Александріи: тамошній паша, опасаясь вторичнаго прихода русской эскадры, приказалъ разгружать суда и снять съ нихъ войско, для защиты крѣпости и гавани. Пользуясь ужасомъ, наведеннымъ на

непріятеля, Алексіано послѣ того смѣло производилъ разбѣды у египетскаго берега; пресѣкъ всю непріятельскую торговлю и распространилъ тревогу по всему Египту и Сиріи, куда онъ отправился въ половинѣ ноября. Но возобновленіе на конгрессѣ въ Бухарестѣ перемирія на четыре мѣсяца остановило ходъ военныхъ дѣйствій, и Алексіано, по распоряженію графа Орлова, возвратился къ флоту.

Въ награду за такой отважный подвигъ онъ, со всѣми участниками въ этой экспедиціи, получилъ отъ графа, для общаго раздѣла, весь непріятельскій грузъ, исключая трофеевъ, которые были отправлены въ Петербургъ къ Высочайшему Двору.

(Съверн. Пчела 1844, № 19).

Ъ.

Въ 1812 году, послѣ двукратнаго пораженія Косецкаго и занятія Минска, генераль графъ Ламбертъ двинулся къ Борисову. Непріятельская дивизія Домбровскаго, защищавшая этотъ городъ, заняла укрѣпленный мостъ на рѣкѣ Березинѣ. Графъ Ламбертъ, чувствуя всю важность этого поста, атаковалъ мостъ 9-го ноября съ 14-мъ Егерскимъ полкомъ. Увлеченный своею храбростію, онъ былъ тяжело раненъ близъ самаго редута. Баталіоны, увидя его раненымъ, заколебались, а непріятель, замѣтя безпорядокъ, удвоилъ огонь и усилія. Но графъ Ламбертъ, сохраняя въ эту трудную минуту совершенное спокойствіе и хладнокровіе, сказалъ окружавшему его войску: «Егеря! я остаюсь съ вами; и здѣсь — или умру, или дождусь, пока вы для меня очистите въ Борисовѣ квартиру».

Громогласное «ура!» было общимъ отвѣтомъ ; штыки храбрыхъ егерей очистили предмѣстное укрѣпленіе и дорогу въ городъ.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. т. 2).

6.

Въ 1788 году, когда російская эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала графа Войновича, на Черномъ морѣ отъ жестокой бури потеряла мачты, а корабль «Крымъ» потонулъ, адмиральскому кораблю «Преображеніе Господне» предстояла такая же участь: онъ былъ полонъ воды и погружался безпрестанно въ море. Всѣ ждали конца и неизбѣжной смерти, предавались отчаянію и не хотѣли ничего дѣлать. Матросы надѣвали бѣлыя рубашки. Сенявинъ, видя, что его уже не слушаютъ, самъ взялъ топоръ, взлѣзъ на верхъ и обрубилъ ванты, которыя держали упавшія мачты и этимъ увеличивали опасность корабля. Примѣръ его неустрашимости сильно подѣйствовалъ на другихъ; лучъ надежды блеснулъ въ сердцахъ; всѣ принялись за работу. Тогда Сенявинъ спустился въ трюмъ, который былъ наполненъ водою, и хотя насосы не могли уже дѣйствовать и отливаться; но онъ умолялъ однакожь матросовъ не унывать и надѣяться на помощь Божію; собиралъ вмѣстѣ съ ними кадки и ушаты и всякаго рода посуду, которою можно было черпать; трудился неутомимо три часа, исправилъ нѣсколько насосовъ, и привелъ воду въ такое положеніе, что она начала убавляться : корабль былъ спасенъ!

(Журн. для чтен. восп. В. У. З. № 66).

7.

Во время Италійской войны въ 1799 году, отчаянное и долгое сраженіе при Требїи нѣсколько ослабило наши войска. Непрїатель, во время этой битвы, искусно пользуясь всѣми выгодами, доставленными ему и мѣстоположеніемъ и превосходствомъ силъ, посреди самага дѣла успѣлъ опрокинуть одинъ изъ нашихъ полковъ и двинулся впередъ сильною колонною, одолевая всѣ препятствїа. Наши отступали, и непрїатель торжественно прошелъ первую линїю. Суворовъ бдительно слѣдилъ за каждымъ шагомъ ввѣреннаго ему войска, и приказавъ подкрѣпить отступающїя колонны свѣжимъ баталіономъ гренадеръ, мгновенно явился самъ посреди бѣгущихъ въ безпорядкѣ солдатъ. Обгоняя ихъ, онъ кричалъ : «заманивайте, заманивайте ихъ, ребята! и наша денежка не щербата : скоро пробьетъ и нашъ часъ!» и потомъ вдругъ скомандовалъ : «стой! впередъ! Ура! наша взяла!» Вмигъ торжествующій непрїатель опрокинутъ, гренадеры съ казаками подоспѣли, и удвоенное пораженіе умножило совершенную гибель Французовъ.

(Жур. для чт. восп. В. У. Э. № 11).

8.

Во время войны съ Французами въ 1807 году, бригадный начальникъ, генераль-лейтенантъ графъ Каменскій, изъ ввѣренной ему 14-й дивизїи откомандировалъ Углицкїй мушкетерскїй полкъ, для воспрепятствованїа непрїателю въ переправѣ чрезъ рѣку Алле.

По причинѣ узкой дефилеи у Бергфридскаго моста, цѣлому полку не было возможности дѣйствовать для защиты этого пункта; почему 22-го января отъ полка поставленъ былъ штабсъ-капитанъ Андреевъ 1-й въ деревню Бергфриде съ командуемою имъ 1-ю гренадерскою ротою, состоявшею изъ 137-ми человекъ, для прикрытія пяти орудій у моста. На эту роту, въ 10-мъ часу утра, непріятель сдѣлалъ нападеніе съ 15,000 войска и множествомъ пушекъ; съ полной надеждою истребить горсть Русскихъ и взять у нихъ орудія, онъ двинулся подъ картечь на плотину и на мостъ колонною до трехъ тысячъ человекъ.

Но едва Французы приблизились къ пушкамъ, штабсъ-капитанъ Андреевъ, не допуская ихъ до самыхъ орудій, ударилъ въ штыки, опрокинулъ всю колонну и самъ, напавъ на начальника непріятельскаго отряда, въ виду всего Углицкаго полка, изрубилъ его. Такая неустрашимость подобно электрической искрѣ сообщилась отъ начальника всѣмъ его подчиненнымъ; трехтысячная французская колонна, опрокинутая, пораженная сотнею храбрыхъ, очистила для нихъ и мостъ и плотину и, преслѣдуемая даже за плотиною, потерпѣла значительный уронъ. Подъ градомъ пуль и картечь непріятельскихъ, восхищаясь храбростію своихъ гренадеръ, стройно возвратился торжествующій Андреевъ за мостъ и по прежнему занялъ свою позицію.

Изумленный своею потерею, непріятель удвоилъ силы и вторично устремился на мостъ и пушки. Штабсъ-капитанъ Андреевъ, сохраняя полное хладнокровіе и неустрашимость, опять допустилъ его до самыхъ почти орудій, и снова ударилъ на него въ штыки еще стремительнѣе. Тогда бывшая на мосту сцена повторилась въ видѣ несравненно ужаснѣйшемъ прежняго.

Многочисленная французская колонна, занявшая со-

бою всю длину и ширину моста и плотины, стѣсняясь собственною массою, потеряла все мужество, обратилась въ бѣгство и дала возможность храбрымъ гренадерамъ Андреева устилать непріятельскими трупами мостъ и плотину до того, что тѣла падали черезъ перила въ рѣку Алле. Такимъ поражениемъ непріятель столько былъ устрaшенъ, что не смотря на чрезмѣрное превосходство силъ своихъ въ третій разъ уже не посмѣлъ приступомъ отнимать у Андреева сохраняемый имъ мостъ и пупки.

(Съверн. Пчела 1833 г. № 153).

9.

Въ войну 1806 — 1807 годовъ съ Французами, въ отрядѣ генералъ-лейтенанта князя Волконскаго, подъ Станиславовымъ, ядро оторвало ногу Украинскаго мушкетерскаго полка рядовому, имя котораго, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Лѣкаръ перевязалъ рану и офицеръ посадилъ раненаго на свою лошадь. Раненый взялъ въ руку оторванную свою ногу, висѣвшую на жилѣ и преспокойно отправился въ обозъ. По возвращеніи войскъ, лѣкаръ объявилъ, что антоновъ огонь достигъ до живота, и что раненый долженъ умереть.

Услышавъ этотъ приговоръ врача, раненый нисколько не встревожился; напротивъ, обратясь къ своимъ товарищамъ, увѣрялъ ихъ, доказывая это и своимъ спокойствіемъ, что онъ страждетъ мало, что смерть его легка и что онъ встрѣчаетъ ее равнодушно. Видя слезы своихъ товарищей, онъ утѣшалъ ихъ, рассказывалъ о страданіяхъ своего отца, умершаго у себя въ домѣ отъ каменной болѣзни, и о родномъ своемъ

братъ, сгорѣвшемъ въ пожарѣ; благословлялъ Бога за то, что Онъ не допустилъ его до подобныхъ этимъ мученій и сподобилъ умереть за вѣру, Царя и родину, и молилъ о ниспосланіи стольже славной смерти и его сыну. Священникъ не имѣлъ пужды увѣщавать или утѣшать умирающаго, который давалъ всеѣмъ примѣръ необыкновенной твердости и величія духа, вполнѣ сохранялъ ихъ до послѣдняго дыханія, и умеръ, какъ истинный христіанинъ и солдатъ. Слезы его начальниковъ и товарищей почтили память героя, котораго имя одному Богу извѣстно.

Р. И.

10.

Въ 1807 году, во время дѣйствій нашего флота на Средиземномъ морѣ, лейтенантъ Скалонскій командовалъ бригомъ «*Александръ*», на которомъ находилось восемь шестифунтовыхъ пушекъ и тридцать человекъ команды. Стоя съ бригомъ своимъ въ Браццо, для защиты этого острова, онъ неустрашимо сопротивлялся тремъ канонирскимъ французскимъ лодкамъ, изъ коихъ каждая имѣла по двадцати-четыре-фунтовому орудію, и шебекъ, имѣвшей восемь большой величины пушекъ, и носившей имя : *Наполеонъ*. Какъ лодка, такъ и шебека были наполнены людьми для абордажа. Наконецъ, будучи предуведомленъ съ берега о намѣреніи генерала Мармона послать эту превосходную силу для завладѣнія бригомъ «*Александръ*», лейтенантъ Скалонскій рѣшилъ сдѣлать непріятелю отчаянный отпоръ. Приготовивъ бригъ свой къ бою, онъ созвалъ своихъ подчиненныхъ и сказалъ имъ : «друзья! види-

те-ли?... это — французскій Наполеонъ пользуется безвѣтріемъ, идетъ насъ побѣдить; припомните, что вы Русскіе — отдадимъ ли мы Александра?... долой фуфайки!... намъ будетъ жарко».... Кровавое сраженіе, продолжавшееся съ полуночи до разсвѣта, окончилось прогнаніемъ Французовъ, съ потерей съ ихъ стороны 217 человекъ убитыми и одной канонерской лодки, потопленной со всѣми людьми.

За столь славный подвигъ лейтенантъ Скалонскій былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

(Сѣверн. Пчела 1836 г. № 254).

11.

Въ 1804 году, селеніе Мигри (на Кавказѣ) было занято 1500 персидскими сарбазами. Они производили ужасныя неистовства надъ жителями, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей. Вѣсть объ этомъ дошла до генерала Котляревскаго. Въ одну темную ночь, нашъ неустрашимый герой, съ четырьмястами солдатъ, спустившись въ трехъ мѣстахъ съ вершинъ каменистыхъ горъ, окружающихъ селеніе, напалъ на Персіанъ; большая часть ихъ была истреблена; весьма немногіе, пользуясь темнотою и знаніемъ мѣстности, спаслись отъ штыковъ русскихъ. Котляревскій съ отрядомъ расположился въ садахъ по лѣвому берегу Мигричая. Черезъ десять дней послѣ этого, 16,000 Персіанъ появились на правомъ берегу и, расположась лагеремъ, намѣревались вытѣснить Русскихъ. Котляревскій приказалъ солдатамъ спрятаться въ садахъ и отнюдь не показываться Персіанамъ. Кому нужно было выйти, тотъ выходилъ ползкомъ, такъ, чтобъ его не было

видно. Самъ Котляревскій съ офицерами каждый день обѣдалъ и ужиналъ на подмосткахъ, сдѣланныхъ въ вѣтвяхъ огромнаго дерева. Персидскія пули свистали надъ ихъ головами, не причиняя ни малѣйшаго вреда. Все это изумило Персіанъ : будучи отъ природы крайне суевѣрны, они приписывали это волшебству и, простоявъ шесть дней на правомъ берегу Мигричая, ночью удалились, не предпринявъ ничего рѣшительнаго. Между тѣмъ, къ Русскимъ подошло подкрѣпленіе въ полтораста человекъ. Котляревскій послалъ развѣдать, куда удалились Персіане. Посланные донесли, что 10,000 переправились за Араксъ, а 6,000 расположились лагеремъ по лѣвую сторону Аракса, не далеко отъ селенія Корчеванъ (въ Нахичеванской провинціи). «Ну, ребята!» сказалъ Котляревскій : «выходите изъ своихъ норъ ; ночью походъ въ однихъ мундирахъ, безъ зарядовъ, ружья съ примкнутыми штыками ; покажемъ трусамъ, какъ должно нападать на непріятелей». По захоженіи солнца, отрядъ выступилъ съ большою осторожностію. Около полуночи наши достигли селенія Корчеванъ, изобилующаго виноградными садами. Здѣсь нашли нѣсколько пьяныхъ персидскихъ сарбазовъ. Солдаты начали было ихъ колоть штыками, но Котляревскій, запретивъ, велѣлъ идти далѣе. Приблизившись къ лагерю, русскій отрядъ встрѣтилъ часоваго. «Кимъ сенъ?» (кто ты)? Молчаніе. «Кимъ сенъ»? Отвѣта нѣтъ. Раздался выстрѣлъ и крикъ : Русь! — Лагерь встрепенулся. «Скорымъ шагомъ, на штыки, маршъ!» скомандовалъ Котляревскій, — и началась рѣзня! Русскіе кололи безъ пощады; никто не думалъ защищаться; смерть на русскихъ штыкахъ свободно разгуливала по лагерю. Персіане имѣли для переправы чрезъ Араксъ нѣсколько небольшихъ паромовъ; нѣкоторые хотѣли на нихъ спастись, но бросаясь тол-

нами, въ безпорядкѣ, тонули. Ужасъ непріятелей такъ былъ великъ, что многіе, прося пощады, изъявляли готовность принять христіанскую вѣру. Отрядъ былъ почти весь истребленъ; весьма немногіе успѣли спастись. Персіяне же, бывшіе на правомъ берегу Аракса, еще при началѣ сраженія обратились въ бѣгство, оставивъ лагерь. Послѣ этого Котляревскій съ отрядомъ возвратился въ Мигри.

(Сѣвер. Пчела, 1840 г. № 255).

12.

Въ Турецкую кампанію 1807 года, 16-го іюня непріятельскія войска сдѣлали высадку на островъ Тенедось, въ то самое время, когда нашъ флотъ не могъ подать помощи нашей крѣпости, защищаемой только 800-ми человекъ бывшаго Козловскаго мушкетерскаго полка. Цѣлый день производивъ по крѣпости жестокую пальбу съ своихъ кораблей, Турки сдѣлали на другой день десантъ съ противоположащаго Анатольскаго берега, гдѣ стоялъ лагеремъ 20-ти тысячный ихъ корпусъ изъ отборнаго азійскаго войска. Двѣ только роты изъ 178-ми человекъ, съ однимъ орудіемъ, удерживали, съ четырехъ часовъ утра до половины третьяго часа по-полудни, стремленіе непріятели, не допуская его выдти на берегъ. Сраженіе было отчаянное: непріятельскій авангардъ изъ 500 человекъ Арабовъ, осмѣлясь броситься на Русскихъ съ саблями, былъ принятъ въ штыки, и безъ остатка истребленъ, не смотря на картечные выстрѣлы турецкой гребной флотиліи.

Вскорѣ приблизился второй отрядъ турецкаго десанта, на 67-ми гребныхъ судахъ разной величины.

Спрятавшись въ виноградникѣ, противъ того мѣста, гдѣ непріятель покушался выйти на берегъ, Русскіе неожиданно поднялись изъ засады, сдѣлали по Туркамъ залпъ и съ крикомъ «ура!» бросились въ штыки. Турки смѣшались и были опрокинуты къ морю; они бросались въ беспорядкѣ на суда, топили другъ друга или погибали отъ сильнаго нашего ружейнаго огня. Одна лодка, потерявъ возможность удалиться на веслахъ изъ-подъ выстрѣловъ, была причалена къ берега и взята Русскими.

Эта неудача не отвратила Турокъ отъ ихъ предпріятія. Удалясь отъ этого мѣста, они вышли на другомъ, открытомъ. Но не смотря на то, что Турки въ десять разъ превосходили числомъ Русскихъ, послѣдніе бросились въ средину ихъ и вступили въ отчаянную рукопашную битву. Картечи съ турецкихъ лодокъ поражали и своихъ и нашихъ. Преодоливаемые многочисленностію, Русскіе стали уже отступать, какъ вдругъ громкая команда храбраго маіора Гедеонова: «строй каре!» оживила неустрашимыхъ. Въ одно мгновеніе каре состроилось; орудіе было выдвинуто на уголь каре и начало сильно поражать непріятелей, которые со всѣхъ сторонъ направили на Русскихъ огонь. Около двухъ часовъ, подъ знойнымъ небомъ, изнемогая отъ усталости, наши герои дрались въ такомъ положеніи, какъ вдругъ на возвышеніи показалось русское знамя. «Съ нами Богъ!» воскликнули всѣ, и сраженіе возобновилось съ новымъ ожесточеніемъ: къ нашимъ войскамъ приспѣли еще двѣ роты мушкетеровъ, 200 человекъ Албанцевъ и нѣсколько храбрыхъ Тенедосцевъ, подъ начальствомъ самого полковника Козловскаго мушкетерскаго полка. Съ этою помощію Турки были разбиты и обращены въ бѣгство; они по-

кушались пробиться къ своимъ судамъ, но ихъ отрѣзали и разсѣяли.

Отбивъ у непріятелей 6 знаменъ, побѣдители съ торжествомъ возвратились въ крѣпость.

(Чтен. для солд. 1850 г.).

13.

Въ 1807 году, въ войнѣ съ Французами, войсковаго старшины Сулина 7-го уряднику Тропину говорятъ, что отца его Французы взяли въ плѣнъ. Тропинъ рѣшился умереть или сыскать и освободить изъ плѣна отца своего. Скрытно объѣхалъ онъ непріятелей и увидѣтъ двухъ французскихъ драгуновъ на коняхъ, вѣдущихъ отца его пѣшаго. Тропинъ бросился на нихъ и одного убилъ изъ пистолета, а другаго сбилъ съ коня дротикомъ. Отецъ его взявъ лошадь убитаго драгуна, и оба, не смотря на преслѣдованіе непріятеля, присоединились къ разбѣду.

Въ награду храбрости и сыновей любви урядника Тропина, генералъ Платовъ исходатайствовалъ ему крестъ.

(Чтеніе для солд. 1851 г.).

14.

Въ 1807 году, во время войны съ Турками, верховный визирь переправился съ главною турецкою арміею чрезъ Дунай у Калараша, противъ Силистріи. Вознамѣрившись отрѣзать корпусъ генерала Милорадовича отъ

главныхъ силъ русской арміи, находившихся въ Бессарабиѣ. Турки въ одно и то же время послали сильный корпусъ на лѣво вверхъ по рѣчкѣ Мостицѣ, и отрядъ на право къ Слободзеѣ, что и принудило гренадерскій баталіонъ Олонецкаго мушкетерскаго полка, стоявшій въ Слободзеѣ, выступить оттуда къ м. Урзичени, для прикрытія находившихся тамъ госпиталя и вагенбурга корпуса генерала Милорадовича. Между тѣмъ въ Слободзейскомъ монастырѣ, по какому-то нечаянному случаю, остались находившіеся для залога: унтеръ-офицеръ Елисеѣвъ, ефрейторъ Дьяконовъ и рядовые: Волковъ, Амиска и Дулковъ. Турки, переправясь вплавь чрезъ рѣку Яломицу, бросились къ монастырю и при первомъ нападеніи убили унтеръ-офицера Елисеѣва; но рядовые успѣли затворить ворота. Сотрудниками ихъ были: Сербъ Гавріилъ и одинъ монастырскій служитель, которые оба имѣли свои ружья. Ефрейторъ Дьяконовъ, принявшій начальство, напомнилъ своимъ товарищамъ Бога, Государя и Россію, долгъ христіанскій, долгъ присяги и службы, и товарищи его единодушно рѣшились защищаться до послѣдней капли крови. Тогда Дьяконовъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: въ башнѣ, которая находилась надъ воротами, прикрытыми деревяннымъ, довольно низко-спускавшимся навѣсомъ, онъ поставилъ двухъ человѣкъ; въ двухъ другихъ башняхъ, на исходящихъ углахъ, въ каждой по одному человѣку, для обстрѣливанія воротъ перекрестными выстрѣлами; а на стѣнѣ, на которой были бойницы, также двухъ человѣкъ, для обороны калитки, бывшей съ другой стороны. Въ числѣ этихъ шести человѣкъ находился и самъ комендантъ — ефрейторъ Дьяконовъ. У всѣхъ ружья и патроны были исправны, мужества много, и они рѣшились дорого продать свою

жизнь. Турки нѣсколько разъ приступали къ воротамъ, старались отворить ихъ, но всякій разъ первые, которые подходили къ стѣнѣ, падали жертвами выстрѣловъ оборонявшихся. Турки также стрѣляли, но всѣ выстрѣлы ихъ попадали въ стѣны и башни, и ни одинъ изъ оборонявшихся не былъ раненъ. Видя невозможность овладѣть воротами, Турки бросились къ калиткѣ, которую пытались зажечь, но оборонявшіеся, за недостаткомъ воды, лили въ калитку виноградное вино, находившееся близъ нея въ бочкахъ, отъ чего и это покушеніе Турокъ осталось тщетнымъ.

Уже перестрѣлка продолжалась долго, а патроновъ оставалось мало, какъ вдругъ вдали послышался батальный бой, (то были стрѣлки, высланные изъ баталіона на помощь оставшимся въ монастырѣ). Боясь быть отрѣзанными, Турки были поражены такимъ страхомъ, что покинувъ множество принадлежавшихъ убитымъ ихъ товарищамъ лошадей, бросились бѣжать къ Яломицѣ. Жители Слободзейскіе рассказывали потомъ, что до 50-ти Турокъ утонуло въ этой рѣкѣ; вѣроятно они были ранены и у нихъ не достало силъ переплыть черезъ нее. Передъ воротами, калиткою и около монастыря найдено было сорокъ тѣлъ убитыхъ Турокъ. Солдаты, выйдя изъ монастыря, нашли брошенное Турками знамя, догнали двухъ Турокъ, которые не успѣли переплыть черезъ рѣку, и взяли ихъ въ плѣнъ.

По окончаніи всего дѣла, побѣдители, забравъ лошадей и оружіе убитыхъ Турокъ, съ знаменемъ и двумя плѣнными, присоединились къ баталіону, и раздѣлили добычу съ Сербомъ и монастырскимъ служителемъ. Госудагъ Императоръ Александръ Павловичъ,

получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ, достойно награди́лъ храбрый подвигъ Олонецкихъ героевъ.

(Р. И. 1850 г.).

15.

Въ продолженіе шведской войны, въ 1808 году, при осадѣ Свеаборга, во время сильной пальбы изъ шведской крѣпости, одинъ брандсугель проломилъ въ нашей батарее зарядный ящикъ, наполненный начиненными бомбами и брандсугелями, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась кипа пакли. Окружавшіе тотъ ящикъ артиллеристы ожидали, что онъ будетъ взорванъ; послѣдствія могли бы нанести сильный вредъ всей батарее. Но въ то самое время, бомбардиръ Иванъ Фодотовъ съ неустрашимостію кинулся на ящикъ, успѣшно отвезъ его въ отдаленное мѣсто и затушилъ. Этимъ подвигомъ спасъ онъ людей и самые снаряды.

Государь Императоръ, пожаловавъ Фодотова знакомъ отличія военнаго ордена и фейрверкеромъ 1-го класса, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: выдать ему въ награжденіе 500 рублей и похвальный листъ, съ описаніемъ отважнаго его подвига.

(Журн. для чтенія восп. В. У. З. т. 65).

16.

Въ 1810 году, въ войну съ Турками, послѣдніе въ превосходномъ числѣ напали на нашу команду, провожавшую раненыхъ и снаряды. Послѣ упорнаго и дол-

таго сопротивленія, всѣ наши офицеры были переранены и изъ конвоя осталось только 43 человекъ. 32-го Егерскаго полка рядовой Василій Пестряковъ принялъ надъ ними начальство, напалъ на Турокъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и продолжалъ свой путь съ ранеными и транспортомъ. За этотъ подвигъ рядовой Пестряковъ былъ Всемилостивѣше произведенъ въ прапорщики.

(Р. И. 1850 г.).

17.

Въ 1815 году, когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы, наши войска перешли за Рейнъ. Нѣсколько отрядовъ были направлены для блокированія разныхъ Французскихъ крѣпостей. Въ числѣ ихъ генераль-маіору Ушакову, съ его бригадою и восемью эскадронами Бѣлорусскаго и Ахтырскаго Гусарскихъ полковъ, велѣно было идти къ Суассону, защита котораго была ввѣрена полковнику Жерару. Прибывъ къ Суассону, Ушаковъ смѣнилъ наблюдавшія его прусскія войска и послалъ къ Жерару адъютанта съ письмомъ, которымъ предлагалъ ему сдать городъ. Сначала Жераръ не принялъ письма и не хотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры, считая посланнаго прусскимъ офицеромъ; но узнавъ, что онъ Русскій и отъ русскаго генерала, принялъ письмо и вошелъ въ сношенія съ Ушаковымъ. Наконецъ чрезъ нѣсколько дней Жераръ пригласилъ его въ городъ, къ обѣду, со всѣмъ штабомъ. Въ назначенный день Ушаковъ поѣхалъ съ офицерами своего штаба въ Суассонъ, имѣя цѣлю при личномъ свиданіи уговорить упорнаго коменданта къ сдачѣ крѣпости.

Въѣхавъ въ Суассонъ, Ушаковъ узналъ отъ встрѣтившаго его Жерара, что онъ уже болѣе не комендантъ и что на его мѣсто назначенъ генералъ Грюндлеръ. Это обстоятельство измѣнило намѣренія Ушакова. Онъ поѣхалъ къ новому коменданту и послѣ непродолжительныхъ съ нимъ разговоровъ, были подписаны условія сдачи, какъ въ самое это время въ городѣ раздались выстрѣлы. Въѣжавшій въ комнату адъютантъ Жерара объявилъ, что весь Суассонъ въ возстаніи, и требуютъ головы Ушакова. Пьяные солдаты кричали, что комендантъ продалъ ихъ русскому генералу. Желая успокоить умы, Жераръ вышелъ къ кричавшимъ и старался уговорить ихъ, но они, забывъ долгъ службы и подчиненности, посадили его въ казематъ. Минута была критическая, и Ушаковъ подвергся бы неминуемой смерти, если бы не спасло его присутствіе духа. Онъ вышелъ къ двумъ ротамъ гвардейскихъ саперъ, подоспѣвшимъ, по требованію Грюндлера, къ комендантскому дому, и объявилъ имъ, что вполнѣ на нихъ полагается, и что они, какъ ветераны гвардіи, конечно будутъ умѣть оцѣнить довѣріе, дѣлаемое русскимъ генераломъ храбрымъ французскимъ войскамъ. Саперы единодушно вызвались защищать Ушакова, а между тѣмъ подоспѣвшія два орудія разсылали бунтовщиковъ и водворили спокойствіе въ городѣ. Послѣ этого происшествія, онъ возвратился въ лагерь, и Суассонъ былъ сданъ ему на капитуляцію.

(Воен. Гал. Зим. Дворца, т. 5. Ушаковъ.).

18.

Во время командованія въ Финляндіи полкомъ, Карлъ Ивановичъ Бистромъ узнаеть, что одна изъ

ротъ вѣреннаго ему полка, оставивъ своихъ офицеровъ, выступила въ полной аммуниціи съ ружьями въ Швецію, близъ границъ которой квартировала, въ намѣреніи передаться Шведамъ. Онъ сѣлъ на лошадь и, обскакавъ роту стороной близъ границы, нагрянулъ на нее, какъ снѣгъ на голову. Это было въ началѣ царствованія Императора Павла I-го. Дѣло важное, неслыханное въ русской арміи! Кто бы на мѣстѣ Карла Ивановича, при столь затруднительномъ случаѣ, не былъ приведенъ въ смятеніе? Но этотъ неустрашимый герой, забывъ опасное свое положеніе, смѣло подѣхалъ къ ротѣ и закричалъ богатырскимъ голосомъ: «стой!» Рота остановилась. «Во фронтъ!» скомандовалъ Карлъ Ивановичъ, и рота исполнила приказаніе. «Заряжай ружье боевымъ патрономъ!» продолжалъ командовать неустрашимый Бистромъ и рота повиновалась его приказанію. «Ребята,» сказалъ Карлъ Ивановичъ, ставъ передъ ротою и, такъ сказать, заградивъ собою дорогу къ Швеціи: «вы хотѣли уйти къ Шведамъ, измѣнить присягѣ; вы хотѣли посрамить имя русскаго солдата постыднымъ бѣгствомъ къ неприятелю; хотѣли оставить вашихъ начальниковъ. Я даю вамъ случай избавиться отъ меня. Стрѣляйте!» вскричалъ Карлъ Ивановичъ, указывая на обнаженную грудь свою, «и тогда дѣлайте что хотите; живой же не допущу васъ до такого срама». Неустрашимость Карла Ивановича поразила сердца солдатъ, вовлеченныхъ въ безумное предпріятіе обманомъ нѣсколькихъ негодяевъ, хотѣвшихъ избѣгнуть справедливаго съ нихъ взысканія по службѣ отъ ротнаго командира. Слова Карла Ивановича пробудили совѣсть въ преступныхъ. «Отецъ! прости насъ!» закричали единодушно солдаты, «вотъ кто попуталъ насъ уйти къ Шведу», воскликнула рота, указывая на

нѣсколькихъ товарищей, извѣстныхъ своимъ дурнымъ поведеніемъ. Карлъ Ивановичъ наказалъ на мѣстѣ виновныхъ, простилъ роту и привелъ ее обратно на прежнія квартиры. Эта рота въ послѣдствіи времени загладила свой проступокъ привязанностію къ любимому ею начальнику и готовностію привести въ жертву жизнь за своего отца командира.

(Биогр. генер. адъют. Бастрома.).

19.

Въ сраженіи подъ Шумлою въ 1828 году, неприятельская граната попала въ одинъ передковый ящикъ, отъ чего взорвало въ немъ три заряда и ящикъ загорѣлся. 9-й артиллерійской бригады, 2-й легкой роты юнкеръ Колоколовъ, увидѣвъ это, подошелъ къ горящему ящику и рѣшился вытаскать изъ него заряды. Этимъ мужественнымъ примѣромъ ободрилъ онъ еще трехъ товарищей, которые, вмѣстѣ съ нимъ выбравъ всѣ снаряды, залили горѣвшій ящикъ бывшею въ багкахъ водою.

Всѣ они были потомъ примѣрно награждены.

(Журн. для чтен. восп. В. У. Э., т. 65).

20.

Въ турецкую кампанію 1828 года, когда наблюдательному корпусу при крѣпости Силвстрія были доставлены изъ крѣпости Гирсово турецкія пушки и мортиры, генералъ Ротъ приказалъ въ ночь устроить

мортирную батарею, и съ разсвѣтомъ послать въ подарокъ пашѣ Сидистрійскому у нихъ же отнятое добро. Гарнизонъ оставался въ бездѣйствіи около часу; наконецъ со всѣхъ бастіоновъ посыпались ядра, бомбы и гранаты, какъ картечь изъ жестянки. Дѣйствіе непріятельскихъ орудій время отъ времени становилось сильнѣе, въ особенности огонь сосредоточивался на нашу Mortирную батарею № 14. Бомбы и гранаты осыпали ее, частые разрывы снарядовъ производили непріятное впечатлѣніе на молодыхъ солдатъ, бывшихъ въ прикрытіи, и мало еще ознакомившихся съ артиллерійскимъ огнемъ. Въ это время непріятельская пудовая бомба упала въ самую средину нашей батареи. Трубка ея горѣла свѣтлымъ огнемъ. Всѣ посторонились отъ непріятной сосѣдки и ожидали ея дѣйствія. Бомбардиръ Демьянъ Рудаченко (1-й батарейной роты 16-й артиллерійской бригады) подошелъ, взялъ ее, отнесъ къ амбразурѣ и кинулъ въ ровъ; еще мгновение — и черепа бомбы поднялись высоко. Тогда храбрый Рудаченко, обратясь къ товарищамъ, сказалъ: если бы вы меньше смотрѣли, а больше дѣлали, тогда бы не было несчастія». Почти вслѣдъ за тѣмъ упала опять на батарею полупудовая граната. Рудаченко снова повторилъ урокъ, и гранату на лету разорвало, безъ всякаго вреда для прислуги и прикрытія.

(Журн. для чтенія восп. В. У. З., т. 65).

21.

Въ 1820 году, во время дагестанскаго похода, князь Мадатовъ проходилъ съ своимъ отрядомъ весьма трудною гористою дорогою. Бурные потоки послѣ сильныхъ

дождей, стремясь съ горъ, заграждали путь огромными камнями; крутизны и подножія горъ были покрыты дремучими лѣсами. На самой возвышенной точкѣ дороги находилась ужасная пропасть, около 6-ти сажень шириною и болѣе 200 глубиною. Черезъ нее брошены были три дубовыя дерева съ вѣтвями, — шаткій ненадежный мостъ, безъ перилъ, не болѣе 3-хъ футовъ ширины. Князь Мадатовъ, бывавшій всегда впередъ, первый переѣхалъ черезъ опасный мостъ, гдѣ, при малѣйшей ошибкѣ всадника въ управленіи лошадью, гибель казалась неизбѣжною. Когда всѣ сопровождавшіе князя послѣдовали его примѣру и перешли на другую сторону, то одинъ офицеръ спросилъ у Мадатова : «какъ называется этотъ страшный мостъ, оставшійся позади?» — «Чертовскій,» отвѣчалъ генералъ: «не думаю, чтобы онъ былъ достоинъ другаго имени.»

(Воен. Гал. Зим. Дворца, т. 1. Мадатовъ).

22.

Въ 1824 году 28-го февраля, русскій корпусъ генералъ-адъютанта графа Сацъ-При взялъ съ боя Реймсъ. На другой, день Наполеонъ съ 30-ти тысячною армією, взявъ Суассонъ, двинулся къ Реймсу. По странному случаю, союзныя войска, оставивъ Суассонъ, не уведомляли о томъ графа Сацъ-При. Послѣ тщетныхъ усилій защитити городъ Реймсъ, русскія войска должны были отступить, а одинъ баталіонъ Рязанскаго полка, подъ командою подковника Скобелева, оставался съ присоединившимися къ нему стрѣлками еще на позиціи за городомъ. Отступление его лежало чрезъ

форштатъ, уже занятый непріятелемъ; отъ прочихъ войскъ нашихъ былъ онъ отдѣленъ рѣкою. Неустрашимый Скобелевъ поставилъ свой баталіонъ въ каре: три фаса его отстрѣливались отъ непріятеля, четвертою стороною прислонялся онъ къ рѣкѣ. Французская кавалерія быстро на него налетѣла; онъ встрѣтилъ ее дружнымъ батальнымъ огнемъ. Французы поколебались, остановились и, выждавъ еще залпъ, поворотили назадъ. Это ободрило нашихъ; другая, третья атака были отражены съ такимъ же успѣхомъ. Между тѣмъ не было надежды на спасеніе. Форштатъ былъ не ближе версты. Уже нѣкоторые офицеры давали чувствовать начальнику, что надлежитъ спасать людей, которые здѣсь погибнуть безъ всякой пользы, полковникъ, съ сердцемъ исполненнымъ горести, уже готовъ былъ склониться на эту мучительную крайность. Въ это самое время приносятъ въ каре, на шинели, тяжело раненаго графа Сенъ-При. Онъ оставался по сю сторону города и восхищался геройскою обороною Рязанскаго полка; вдругъ осколкомъ гранаты раздробило ему лѣвое плечо. «Спасите мою честь, любезный Скобелевъ!» сказалъ графъ полковнику : «въ случаѣ моего плѣна, она въ опасности ; презирать же смерть, еслибъ я и не умѣлъ прежде, то выучился бы у храбрыхъ вашихъ Рязанцевъ.» — Полковникъ отвѣчалъ ему : «ваше сіятельство! съ честью разлучить насъ не сильна не только предстоящая смерть, но и разрушеніе всего міра. Клянусь за себя и за всѣхъ моихъ товарищей, что священная для насъ особа ваша будетъ только тогда во власти непріятелей, когда падетъ послѣдній изъ насъ». Потомъ, обратясь къ баталіону, вскричалъ громогласно : «повторите мою клятву, друзья! Мы показали, какъ Русскіе дерутся; покажемъ теперь какъ они умираютъ!» Кивера слетѣли съ го-

ловъ: всѣ перекрестились и воскликнули : «клянемся!» Непрiятель сдѣлалъ еще двѣ сильныя атаки, и онѣ были отражены, какъ прежнія. Между тѣмъ смерклось. Французы устремили все свое вниманiе на городъ, и горсть храбрыхъ Рязанцевъ была ими оставлена. Пробравшись черезъ городъ, въ который уже съ другой стороны вступили Французы, баталiонъ рязанскаго полка двинулся къ Бери-о-Баку и тамъ соединился съ прочими войсками. Избавленный храбрыми русскими воинами начальникъ ихъ, графъ Сенъ-При, былъ отправленъ изъ Реймса въ безопасное мѣсто, но не спасенъ отъ смерти : онъ скончался отъ раны чрезъ шестнадцать дней.

(Путевыя письма Греча).

25.

Въ 1806 году, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ добровольнаго признанiя Ибрагимъ-ханомъ верховной власти Русскаго Императора надъ Карабагскимъ ханствомъ, Аббасъ-Мирза съ безчисленнымъ множествомъ войскъ вторгнулся въ предѣлы Карабага. Полковникъ Карягинъ и маiоръ Котляревскiй съ 600-ми человекъ солдатъ 17-го Егерскаго полка (*) и двумя орудiями, идучи въ Шушу, встрѣтились съ Аббасъ-Мирзою въ урочищѣ, называемомъ Кара-Агачъ-Баба. Русскiе укрѣпились на татарскомъ кладбищѣ, бывшемъ на курганѣ; Персiяне окружили ихъ со всѣхъ сторонъ. Четверо сутокъ Русскiе храбро защищались противъ полчищъ персидскихъ, у которыхъ впрочемъ не было ни

(*) Нынѣ Эриванскiй Карабачскiй.

одной пушки. Наконецъ, Персіяне отрѣзали воду отъ русскаго отряда. Жажда, голодъ, палящій зной и раны, полученныя Карягинымъ, Котляревскимъ и большею частію солдатъ, заставили командира рѣшиться на отчаянный подвигъ. Котляревскій предложилъ, чтобы въ эту же ночь, если можно тайно, а если нельзя, то напроломъ сквозь персидскія войска, идти въ Шахъ-Булахъ. Это предложеніе было принято единодушно. Зарядивъ орудія картечью, отрядъ, состоявшій только изъ 150-ти человекъ, выступилъ въ походъ. Солдаты повезли на себѣ орудія, потому что на оставшихся трехъ лошадяхъ ѣхали раненые : Карягинъ, Котляревскій и одинъ офицеръ; другихъ раненыхъ несли на рукахъ. Пользуясь темнотою ночи, Русскіе уже миновали было главный отрядъ, какъ вдругъ нечаянно встрѣтились съ неприятельскимъ обѣздомъ. Началось сраженіе. Выстрѣлы встревожили персидскій лагерь и Русскіе скоро окружены были неприятелемъ. Темнота ночи и отчаянная храбрость солдатъ спасли ихъ отъ меча неприятельскаго. Они пробились сквозь тысячи сабель и ускользнули отъ Персіянъ, которые впрочемъ и не посмѣли ихъ преслѣдовать. Передъ разсвѣтомъ русскій отрядъ уже былъ у самыхъ стѣнъ Шахъ-Булаха. Безпечные Персіяне, занимавшіе Шахъ-Булахъ, спали; пушечные выстрѣлы разбудили ихъ. Предложеніе о сдачѣ они отвергли, и Русскіе рѣшились взять замокъ штурмомъ. Удачный выстрѣлъ ядромъ отворилъ ворота замка. Оробѣвшіе Персіяне бросались со стѣнъ. Кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ, погибъ отъ штыковъ Русскихъ. Замокъ былъ взятъ, и храбрый отрядъ въ немъ заперся.

На слѣдующій день, войска Аббасъ-Мирзы окружили Шахъ-Булахъ и, послѣ тщетныхъ усилій взять приступомъ замокъ, рѣшились осадю принудить Рус-

скихъ къ сдачѣ. Находясь въ осадѣ 17 дней и терпя крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, Русскіе рѣшились наконецъ покинуть замокъ. Оставивъ 30 человекъ солдатъ, чтобы дѣлать оклики и не подать Персіанамъ повода думать о ихъ выступленіи, въ темную ночь, тихонько вывезли они орудія и раненыхъ, и, когда довольно уже отдалились, послали проводника къ остальнымъ, съ приказаніемъ, чтобы тѣ поспѣшили съ ними соединиться. Это было въ точности исполнено. Между тѣмъ Персіане, узнавъ о выступленіи Русскихъ изъ замка, продолжали преслѣдовать ихъ; при селеніи Касанетъ они напали на русскій отрядъ съ ожесточеніемъ и едва не овладѣли орудіями, но русскіе штыки скоро взяли ихъ обратно. Наконецъ, послѣ долгой борьбы, мужество и героизмъ Русскихъ восторжествовали. При р. Мардагиртъ храбрый, непобѣдимый отрядъ соединился съ войсками князя Циціанова, который спѣшилъ къ нимъ на помощь, и Персіане удалились.

(Подвиги Рус. воин. въ странѣ Закавказ., гл. 1. ч. 2).

24.

15-го августа 1828 года, во время штурма Ахальцыха, баталіону 42-го Егерскаго полка и 4-му взводу Донской баттарей приказано было ворваться въ Ахальцыхъ, правѣ бреши, что и было выполнено съ успѣхомъ. Донцы ворвались въ городъ при помощи егерей, срубили налесады, изъ котораго сдѣлали на-скоро мостъ черезъ ровъ, и за тѣмъ втащили свои орудія на скали, откуда начали поражать непріятеля; онъ, въ свою очередь, защищался отчаянно. Тучи турецкихъ

пуль рѣштели лафеты, клеймили орудія и валили на чѣмъ не прикрытыхъ артиллеристовъ; но мѣтко посылаемая по-очередно изъ двухъ орудій картечь, держала Турокъ въ почтительномъ отдаленіи. Вдругъ крыша сакли, не выдержавъ тяжести, рухнула и лафетъ пушки опустился въ саклю, почти до самаго клина: пришлось дѣйствовать изъ единорога. Между тѣмъ турецкія пули успѣли перебить столько артиллеристовъ, что едва доставало ихъ и для дѣйствовавшего орудія. Рѣдкіе выстрѣлы изъ единорога, вѣроятно, дали поводъ непріятелю заключить, что взводъ ослабѣлъ въ надлежащемъ своемъ дѣйствіи; почему нѣсколько десятковъ Турокъ, бѣжавшихъ вереницею по саклямъ, съ правой стороны взвода, бросились на едва дѣйствовавшее орудіе.

Взводный командиръ, видя все это, и считая рѣшительно невозможнымъ, съ восемью человекъ оставшихся артиллеристовъ, отбить значительнаго числомъ непріятеля, и отстоять свои орудія, вскричалъ:

«Ребята! неужели прійдется разстаться съ нашими друзьями? А вѣдь больно : три года вѣрно, неизмѣнно они съ нами служили». — Какъ, ваше благородіе! намъ разстаться съ нашими родными пушками? отдать ихъ поганымъ басурманамъ? Нѣтъ! не бывать тому! вскричалъ казакъ Кундрюковъ, выхватывая изъ ноженъ саблю.

«Не бывать тому, ваше благородіе!» подхватилъ другой казакъ, Григорій Силкинъ. «Умремъ, а не отдадимъ ихъ! Позвольте намъ, ваше благородіе, поподчивать саблями этихъ гололобыхъ!»

Офицеръ махнулъ рукою и артиллеристы съ крикомъ «ура! въ сабли!» понеслись за Кундрюковымъ и Силкинымъ на встрѣчу Туркамъ. Тѣ, увидѣвъ восемь человекъ съ оружіемъ въ рукахъ, быстро несущихся,

остановились, и вѣроятно думая, что за этими восемью выскочить еще сотня такихъ же отчаянныхъ молодежь, не разсуждая долго, показали тылъ.

Казачи, въ свою очередь, немедленно возвратились къ орудіямъ и не желая получить въ другой разъ подобное посѣщеніе, зажгли сакли, находившіяся съ правой стороны отъ орудій: подоспѣвшіе же къ нимъ егеря помогли стащить орудія съ крыши сакли въ ровъ.

(Чтеніе для солдатъ, 1851 г.).

25.

7-го Октября 1813 года, на другой день Лейпцигскаго сраженія, когда наша пѣхота ворвалась въ городъ чрезъ Дюбенскія ворота, Генераль-Маіоръ Эмануель съ своимъ конвоемъ, состоявшимъ изъ трехъ офицеровъ, трехъ унтеръ-офицеровъ и шести рядовыхъ, слѣдовалъ со стрѣлками въ г. Лейпцигъ. Дошедъ до большой площади, онъ повернулъ на право, съ намѣреніемъ ѣхать къ Люденскимъ воротамъ, для обозрѣнія движеній отступающаго непріятели, но, не доходя еще до этого вѣзда, увидѣлъ скакавшихъ человекъ двѣнадцать кирасировъ Наполеоновой гвардіи, составлявшихъ конвой генерала Лористона. Достигнувъ, остановить и потопить ихъ было минутнымъ дѣломъ. Продолжая потомъ свой путь къ Люценскому вѣзду, и увидѣвъ бѣгущихъ и бросающихъ оружіе Французовъ, онъ наскочилъ на нихъ и взялъ въ плѣнъ французскаго Генерала Дювена. Но Эмануель не замѣтилъ, что такимъ образомъ онъ неожиданно очутился посреди непріятели. Находившійся при немъ Кіев-

скаго драгунскаго полка Поручикъ Сакунь сообщилъ ему объ этой опасности. Эмануель окинулъ взоромъ всю окрестность и удостоверился въ справедливости сказаннаго. Въ такихъ обстоятельствахъ одно только присутствіе духа и отважность могли его спасти отъ угрожающей бѣды. Давъ шпоры лошади, онъ поскакалъ къ пункту, куда стремился непріятель, — къ разломанному мосту; тутъ увидѣлъ онъ нѣсколько французскихъ офицеровъ, поспѣшно перебиравшихся на противоположную сторону по одному только бревну, упавшему отъ разрушеннаго моста, а позади ихъ переправлялся какой-то человекъ, ведя за собою лошадь, которая поскользнулась и упала въ воду; за этимъ слѣдовалъ и другой. Эмануель повелительнымъ голосомъ приказалъ двумъ послѣднимъ сдаться въ плѣнъ, угрожая смертью, если не исполнять. Эти слова и обѣщаніе пощады заставили ихъ воротиться по тому самому бревну и сдаться. Одинъ изъ нихъ, раскрывъ свой сюртукъ, объявилъ, что онъ Графъ Лористонъ. Его посадили на казацкую лошадь. Но въ то самое время, какъ Эмануель собирался переѣхать поперекъ пересѣкающей ему дорогу улицы Люденскаго предмѣстія, вдругъ, съ правой стороны, въ нѣсколькихъ шагахъ, увидѣлъ онъ цѣлый французскій батальонъ, шедшій въ порядкѣ, со многими офицерами впереди. Тутъ у Эмануеля мгновенно родилась одна изъ тѣхъ вдохновенныхъ мыслей, которыя въ минуту великой опасности, всегда являлись у него для спасенія отъ бѣды. Не запинаясь ни секунды, онъ громкимъ голосомъ закричалъ имъ: «бросайте оружіе!» Батальонъ хотя и заколебался нѣсколько отъ неожиданнаго появленія Русскихъ въ тылу своемъ и отъ возгласа, сдѣланнаго такимъ повелительнымъ тономъ, однако ни на что еще не рѣшался: офицеры погля-

дывали другъ на друга въ недоумѣнн; но Эмануель, не давъ имъ ономниться, вторично оглушительнымъ голосомъ закричалъ : «бросайте оружіе!» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ удивительнымъ присутствіемъ духа, обращаясь къ тремъ офицерамъ и махая саблею, скомадовалъ : «маршъ! маршъ!» Офицеры, обнаживъ палаши, бросились стремительно, и этимъ смѣлымъ нападеніемъ принудили батальонъ, взводъ за взводомъ, положить оружіе и сдать военнопленными, безъ малѣйшаго сопротивленія. Такимъ образомъ достались въ плѣнъ : майоръ Ожеро, 15 штабъ и оберъ-офицеровъ и 400 нижнихъ чиновъ. Чтобы скрыть отъ плѣнныхъ малочисленность своего отряда, Эмануель приказалъ имъ идти впередъ, а самъ отправился вѣлѣдъ за ними и лично представилъ всѣхъ Императору Александру.

(Р. И., 1846 г.).

26.

Въ 1812 году, когда Наполеонъ съ несметными своими войсками приближался къ Смоленску, въ г. Красномъ, отстоящемъ въ 46-ти верстахъ отъ Смоленска, былъ оставленъ, по распоряженію русскаго главнокомандующаго, генералъ Невѣровскій, съ 7000 человекъ и 10-ю оружіями. Невѣровскій зналъ, что для отступающей нашей арміи чрезвычайно важно было удержать хоть на нѣсколько часовъ натискъ непріятеля, и рѣшился защищаться. Французы атаковали Красный; Русскіе упорно отстояли его; но, уступая превосходной силѣ, принуждены были очистить городъ; Французы заняли его и овладѣли двумя нашими ору-

діями. Между тѣмъ Невѣровскій, замѣтивъ, что непріятельская конница пошла стороною, чтобы опередить и окружить его, началъ отступать къ Смоленску. Тогда Мюратъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ французскихъ генераловъ, командовавшій непріятельскимъ авангардомъ, устремился на него съ 15000 конницы. Невѣровскій, свернувъ всѣ полки своя въ каре, сказалъ солдатамъ : «ребята! помните чему васъ учили; поступайте такъ, и никакая кавалерія не побѣдитъ васъ; не торопитесь въ пальбѣ; стрѣляйте мѣтко въ лице непріятели; третья шеренга передавай ружья, не суеться; никто не смѣй начинать пальбы безъ моей команды.» Приказаніе было выполнено точно. Непритель, опрокинувъ драгуновъ и казаковъ, изрубивъ артиллеристовъ и отнявъ еще пять орудій, мчался на Невѣровскаго съ двухъ сторонъ. Его подпустили на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Вдругъ, по командѣ Невѣровскаго, грянулъ залпъ изъ русскихъ ружей, и французскіе всадники и лошади устлали трупами своими землю. Одинъ французскій полковникъ съ нѣсколькими удалцами домчался уже до угла одного изъ нашихъ кареевъ и палъ на штыкахъ Русскихъ. Атакующія линіи быстро повернули назадъ и ускакали безпорядочно, съ большою потерею. Невѣровскій велѣлъ ударить отбой пальбѣ и привѣтствовалъ солдатъ: «видите, ребята», радостно сказалъ онъ имъ, «какъ легко исполняющей свою обязанность пѣхотѣ побѣждать кавалерію. Благодарю васъ и поздравляю!» Единодушное «ура!» и «рады стараться», раздались ему въ отвѣтъ.

Отбросивъ Французовъ, Невѣровскій началъ отступать далѣе. Мюратъ, удивленный мужествомъ Русскихъ и приведенный въ негодованіе тѣмъ, что гореть войновъ осмѣливается защищаться противъ многочислен-

ныхъ полковъ его, рѣшился, во что бы то ни стало, подавить дерзкихъ. Онъ удвоилъ кавалерійскія атаки съ тыла и фланговъ. Идя кареями и заслоняясь деревьями, которыми обсажена дорога, Невѣровскій отбивался удачно. Мюратъ предложилъ ему сдаться; отвѣтомъ былъ презрительный отказъ. Обращаясь къ солдатамъ, Мюратъ вызывалъ ихъ положить оружіе; солдаты отвѣчали : « умремъ, а не сдадимся! » Мюратъ безпрестанно вводилъ въ дѣло свѣжія войска, и всѣ они были отбиваемы. Сорокъ разъ возобновлялась отчаянная атака и сорокъ разъ Невѣровскій мужественно отражалъ непріятелей, прогонялъ ихъ назадъ и все шель далѣе. Наконецъ французскій генералъ, изумленный этимъ необычайнымъ подвигомъ, утомленный своими усиліями, принужденъ былъ отказаться отъ преслѣдованія.

Этотъ блистательный подвигъ Невѣровскаго прославилъ его не только между соотечественниками, но и въ другихъ странахъ. Сами Франгузы, вина распоряженія Мюрата превозносили Невѣровскаго. Одинъ, описывая Красненское дѣло, сказалъ : « самая блистательная храбрость нашихъ солдатъ истощилась; ударяя въ густую колонну, они рубятъ ее, но не могутъ сломить (*). » Другой отзывался такъ : « Невѣровскій отступалъ какъ левъ (**). »

(Воен. Гал. Зим. Дворца. Невѣровскій).

27.

Укрѣпленіе Абинское, находящееся на пути отъ Кубани къ берегу Чернаго моря, 26-го мая 1840 года,

---

(*) Февъ. (**) Сегюръ.

въ два часа по полуночи, было окружено толпами собравшихся въ окрестностяхъ горцевъ, числомъ до 12,000 человекъ. Гарнизонъ укрѣпленія состоялъ изъ 15-ти оберъ-офицеровъ и 676-ти рядовыхъ, подъ начальствомъ подполковника Веселовскаго. Съ крикомъ и выстрѣлами внезапно бросились горцы на укрѣпленіе. Градъ пуль, ручныхъ гранатъ и картечи, которыми они были встрѣчены, не остановили ихъ стремленія. Отважно, съ явнымъ пренебреженіемъ смерти и съ удивительною быстротою и легкостью, спускались они въ ровъ и влѣзали на брустверь, бросаясь на видимую и неизбежную смерть. Панцырники ихъ неоднократно врывались въ укрѣпленіе, но всегда были или истребляемы или опрокидываемы назадъ. Наконецъ, не смотря на усиліе гарнизона, многочисленная толпа проникнула въ одинъ бастіонъ и, съ распущенными знаменами, бросилась во внутрь укрѣпленія. Тогда подполковникъ Веселовскій, не теряя присутствія духа, взялъ оставленный имъ резервъ изъ 40-ка человекъ, встрѣтилъ штыками вторгнувшуюся толпу и отбросилъ ее за укрѣпленіе, отнявъ два знамени. Этотъ храбрый поступокъ остановилъ дерзость нападающихъ и воспламенилъ до высочайшей степени мужество гарнизона. Непріятель, отбитый со всѣхъ сторонъ, обратился въ бѣгство, унося, по извѣтному обычаю восточныхъ народовъ, тѣла убитыхъ товарищей. Въ рукахъ гарнизона осталось 10 раненыхъ; въ укрѣпленіи и во рвахъ найдено 685 тѣлъ.

Всѣ защитники укрѣпленія были примѣрно награждены.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., т. 25).

28.

Въ 1844 году, 16-го іюля, за два часа до разсвѣта, толпа горцевъ въ 3,000 человѣкъ, въ темную ночь и въ совершенной тишинѣ, приблизилась къ Головинскому укрѣпленію, возведенному на восточномъ берегу Чернаго моря. Укрѣпленіе состояло изъ 4-хъ баталіоновъ, изъ коихъ 1-й и 4-й обращены къ морю, а 2-й и 3-й къ противоположной отъ него сторонѣ; во рву поставлены палисады и доски, набитыя желѣзными гвоздями. Гарнизонъ содержали двѣ роты Черноморскаго линейнаго № 7-го баталіона; вооруженіе составляли 18 пушекъ и 6 мортиръ. — До 200 конныхъ горцевъ съ шумомъ и крикомъ бросились къ 3-му бастиону; часовые сдѣлали тревогу, гарнизонъ сталъ въ ружье и резервъ подвинуть къ мѣсту атаки. Это была лишь фальшивая атака; но почти въ то же время, пѣшіе подползли къ самому гласису, противъ 2-го баталіона и, сдѣлавъ залпъ по командѣ, находившейся тамъ при орудіяхъ, стремительно бросились въ ровъ; передніе, попавъ на гвозди, завалили его своими трупами, по которымъ слѣдующіе, разрубивъ палисадъ, хлынули на брустверъ и ворвались въ укрѣпленіе.

Залпъ горцевъ передъ атакой стоилъ жизни нѣсколькимъ солдатамъ и артиллеристамъ на 2-мъ бастионѣ.

Первый горецъ, перелѣзшій чрезъ брустверъ, былъ изрубленъ гарнизонной артиллеріей подпоручикомъ Мякушинымъ; но двое другихъ въ то же мгновеніе разрубили ему голову. Онъ успѣлъ только сказать одному артиллеристу: «бѣги къ Топоркову, скажи, чтобы онъ задалъ добрый фейерверкъ,» — и умеръ. Въ этихъ

краткихъ словахъ выразилась геройская рѣшимость гарнизона; фейерверкеру Топоркову было поручено взорвать пороховой погребъ, въ случаѣ крайности.

Овладевъ 2-мъ баталіономъ, горцы бросились къ 1-му и 3-му баталіонамъ, но встрѣченные ружейными выстрѣлами и картечью изъ орудій, повернутыхъ внутрь укрѣпленія, зашли за камнями и за стѣнами строившагося вновь каменнаго пороховаго погреба и открыли сильный огонь противъ команды, которая находилась на 3-мъ бастионѣ. Поручикъ Завадскій, коему порученъ былъ этотъ пунктъ, потерявъ нѣсколько челоуѣкъ и видя невозможность держаться, присоединился къ главному резерву.

Резервъ съ самаго начала дѣла находился на внутрѣнной площади укрѣпленія. Совершенная темнота ночи, неумолкающая пальба на первыхъ 3-хъ бастионахъ и, наконецъ, вторженіе непріятеля чрезъ 2-й бастионъ, побудили воинскаго начальника Черноморскаго линейнаго № 6-го баталіона, маіора Янчина, не вводить въ дѣло резерва — послѣдней надежды для спасенія укрѣпленія. Онъ отступилъ къ 4-му бастиону, въ которомъ находился пороховой погребъ; обративъ орудіе внутрь укрѣпленія и по фасамъ, онъ рѣшился ожидать разсвѣта, чтобы сдѣлать послѣднее усиліе, а покуда ограничиться недозволеніемъ непріятелю распространиться по укрѣпленію и выйти на среднюю площадь.

Между тѣмъ, горцы грабили нѣкоторыя занятыя ими строенія, а конные увозили добычу и трупы своихъ убитыхъ. Такъ прошелъ цѣлый часъ.

При первомъ появленіи свѣта, іеромонахъ Макарій благословилъ воиновъ на предстоящій имъ подвигъ, и резервъ тронулся. Поручикъ Завадскій направился вправо къ 1-му бастиону, а маіоръ Янчинъ съ двумя

горными единорогами дабушировали чрезъ площадку на ту часть форта, которая была въ рукахъ непріятеля. Залпъ картечью былъ сигналомъ атаки, и обѣ части дружно ударили въ штыки на горцевъ. Натискъ былъ такъ быстръ и неожиданъ, что непріятель ни минуты не держался. Вся толпа хлынула изъ укрѣпленія, преслѣдуемая штыками и поражаемая картечью съ 1-го и 3-го бастіоновъ. Многіе горцы остались жертвами дерзкаго предпріятія; внутри укрѣпленія собрано 106 труповъ, но вдвое болѣе увезено и разбросано въ окрестностяхъ укрѣпленія; въ плѣнъ взято 5 горцевъ и отбито 3 большихъ значка.

Государь Императоръ, извѣстясь съ особеннымъ благоволеніемъ о мужественной оборонѣ Головинскаго укрѣпленія, Всемилостивѣйше пожаловалъ майору Ячнину и прочимъ офицерамъ слѣдующіе чины и кресты, нижнимъ чинамъ 40 знаковъ отличія военнаго ордена и всему гарнизону годовое жалованье.

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З., № 54).

29.

Начальникъ Лабинской линіи, полковникъ Вильде, въ 1833 году былъ назначенъ начальникомъ Кубанской линіи. По сдачѣ должности, онъ отправился туда, 9-го апрѣля, изъ укрѣпленія Махосhevскаго въ укрѣпленіе Прочный Окопъ, съ конвоемъ изъ 25-ти человекъ казаковъ, съ урядникомъ Дойскаго казачьяго № 40-го полка. Кромѣ того, при немъ находились: переводчикъ его изъ Черкесовъ, урядникъ Поповъ и артиллерійскій солдатъ.

Слѣдуя изъ Чамдинской станицы къ посту Урун-

скому, онъ послалъ 4-хъ казаковъ впередъ осмотрѣть балки, въ которыхъ могъ скрываться непріятель. Станица Чамлинская отстоитъ отъ поста Урунскаго на 35 верстъ. На половинѣ дороги, авангардные казаки прискакали къ нему съ извѣстіемъ что они открыли въ балкѣ до 25-ти хищниковъ. Полковникъ Вильде, имѣя съ собою три повозки, остановилъ ихъ; казакамъ приказалъ спѣшиться, устроилъ оборону, и въ ту же минуту былъ окруженъ болѣе чѣмъ сотнею отборныхъ черкесскихъ всадниковъ, которые также спѣшились. Полковникъ Вильде, видя невозможность въ открытомъ полѣ защищать себя и команду, вспомнилъ, что впереди, за нѣсколько сажень, на курганѣ есть неглубокая яма, и что если онъ успѣетъ добраться до нея, то будетъ закрытъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Съ рѣшимостью бросился онъ сквозь толпы горцевъ, пробился и поспѣшно ретировался къ кургану; но на этомъ маломъ разстояніи потерялъ убитыми: переводчика, урядника Попова, девять Донскихъ казаковъ и самъ былъ раненъ въ лѣвую ногу пулею, а другая пуля пробила ему фуражку, содравъ съ головы часть кожи. Поровнявшись съ курганомъ, онъ бросилъ повозки и свое имущество, съ намѣреніемъ занять грабежемъ алчныхъ хищниковъ на время, пока самъ съ командою успѣетъ вскочить въ яму и приготовиться въ ней къ оборонѣ. Расчетъ былъ вѣренъ: горцы занялись грабежемъ, а полковникъ Вильде со всѣми остальными казаками, изъ которыхъ четверо были ранены, занялъ яму, на аршинъ наполненную водою, но вполне закрывавшую людей отъ выстрѣловъ. Спрятавшись такимъ образомъ, онъ приказалъ казакамъ не терять ни одного патрона даромъ, а при атакѣ Черкесъ стрѣлять не иначе, какъ почти въ упоръ.

Черкесы, по разграбленіи поклажи повозокъ, окру-

жили курганъ и продолжали пальбу съ часъ; но выстрѣлы ихъ не дѣлали никакого вреда осажденнымъ, пули попадали въ землю или дѣлали рикошеты. Предводитель хищнической партіи, князь Джанхіеровъ, видя бесполезность пальбы и не слыша ни одного выстрѣла защищавшихся, приказалъ своимъ кинуться въ штыки. Едва они гикнули и подскочили на такое разстояніе, что ни одна пуля не могла пропастъ даромъ, грянулъ залпъ и восемь горцевъ пали на мѣстѣ; прочіе отхлынули, подхвативъ убитыхъ. Черезъ полчаса, изъ-за бугра кто-то заговорилъ по русски, сдѣлавъ предложеніе казакамъ выдать полковника Вильде, съ обѣщаніемъ не трогать ихъ и возвратить имъ всѣхъ лошадей и даже тѣла убитыхъ. На это казаки отвѣчали, что никто живой не дастся, и что если горцы захотятъ еще попробовать штурмовать курганъ, то на вѣрно половина ихъ будетъ убита.

Передъ закатомъ солнца, горцы вторично бросились въ штыки, но мѣткими выстрѣлами почти въ упоръ были опять отбиты съ большимъ урономъ; послѣ чего, когда солнце уже закатилось, горцы по раздѣлѣ добычи и вѣроятно боясь, что атакованные получатъ подмогу, отступили и переправились черезъ Лабу.

Когда совершенно смеркось, полковникъ Вильде вышелъ съ командою изъ ямы, просидѣвъ въ водѣ 7 часовъ, перевязалъ раны у себя и у казаковъ, осмотрѣлъ поле битвы, нашелъ двухъ казаковъ живыми, но раненныхъ нѣсколькими пулями, взялъ ихъ съ собою и отправился по дорогѣ къ Урунскому посту; но какъ разстояніе до поста было 17 верстъ, а онъ самъ и казаки были въ совершенномъ изнеможеніи, то долженъ былъ нѣсколько разъ отдыхать на дорогѣ, шелъ эти 17 верстъ всю ночь и прибылъ на постъ въ 8 часовъ утра.

(Газета Кавказъ, 1848 г., № 8).

1848 года, 12-го мая, сорокъ казаковъ Донскаго № 39 полка, сопровождавшихъ на кавказскую линію курьера, возвращались въ крѣпость Грозную. Партія Чеченцевъ, болѣе 400 человекъ, подъ предводительствомъ трехъ Наибовъ, замѣтивъ эту малочисленную команду, отрѣзала ей путь къ Грозной и понеслась на Донцевъ, считая ихъ вѣрною своею добычею.

Командовавшій казанами хорунжій Погожевъ, видя передъ собою непріятеля вдесятеро сильнѣйшаго, спѣшилъ казаковъ и построилъ ихъ въ кружокъ. Чеченцы подскочили на ивотолетный выстрѣлъ, съ обнаженными шапками. Донцы опрокинули ихъ выстрѣлами. Старшій изъ Наибовъ, Талгикъ, окруживъ казаковъ, открылъ сильный огонь и нѣсколько разъ бросался въ шапки, но не успѣлъ разстроить кружка. Донцы съ непоколебимою стойкостію и хладнокровіемъ, отстрѣливаясь безъ суеты, болѣе получаса держались противъ всей толпы непріятельской. Наконецъ Чеченцы, замѣтивъ, что войска подбѣгаютъ изъ крѣпости Грозной, сдѣлали послѣднее усиліе и всею массою хлынули на казаковъ. Черезъ нѣсколько мгновеній пороховой дымъ разсѣялся, и тогда только войска, подоспѣвшіе изъ крѣпости, увидѣли горсть казаковъ, закрытыхъ густою толпою непріятелей. Чеченцы бѣжали, и въ преслѣдованіи были разсѣяны картечными выстрѣлами.

Государь Императоръ, въ награду за столь блистательный подвигъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: хорунжаго Погожева произвестъ въ слѣдующій чинъ; казакамъ, болѣе отличившимся въ этомъ дѣлѣ,

назначить шесть знаковъ военнаго ордена и всѣмъ выдать по пяти рублей серебромъ.

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З., Т 72).

31.

Весною 1849 гола, партія Мюридовъ, до ста человекъ, съ двумя значками, скрытно зашла, въ ожиданіи добычи, на правомъ берегу Казикумыкскаго Койсу, среди скалъ, между которыми пролегаетъ дорога изъ укрѣпленія Ходжалъ-Махи въ Цудахарскій фортъ.

28-го апрѣля слѣдовалъ по этой дорогѣ провіантскій транспортъ, изъ осьми вьючныхъ лошадей, съ конвоемъ, состоявшимъ изъ двухъ унтеръ-офицеровъ и 25-ти человекъ рядовыхъ, подъ командою Самурскаго пѣхотнаго полка прапорщика Добашинскаго. Хищники пропустили передовой патруль; но когда конвой порвнялся съ засадою, они сдѣлали залпъ изъ ружей, и съ гикомъ бросились въ шашки. Первыми выстрѣлами убиты: прапорщикъ Добашинскій и унтеръ-офицеры.

Въ это рѣшительное мгновеніе, въ самомъ пылу рукопашнаго боя, рядовой Уколовъ принялъ начальство надъ своими товарищами, и, подавая имъ примѣръ неустрашимости, отразилъ всѣ нападенія, которыя непріятель возобновлялъ съ ожесточеніемъ, въ надеждѣ одолѣть нашихъ численнымъ превосходствомъ.

Между тѣмъ, изъ Цудахара и Ходжалъ-Махи подошли подкрѣпленія, и хищники бѣжали безъ всякой добычи и понеся чувствительную потерю.

Государь Императоръ, извѣстясь о семъ подвигѣ, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: рядоваго Уко-

лова произвести въ унтеръ-офицеры и въ слѣдъ за тѣмъ въ прапорщики, выдавъ ему сто рублей серебромъ; нижнимъ же чинамъ, отстоявшимъ транспортъ, выдать по пяти рублей на человѣка.

(Чтеніе для солд. 1851 г. Кн. 1.)

32.

Укрѣпленіе Михайловское, блистательно отразившее горцевъ въ 1844 году, вновь было атаковано ими въ 1847 году.

Необыкновенное разлитіе рѣки Шахе, случившееся въ этомъ году и значительно повредившее оборонительныя верки форта, возбудило въ горцахъ надежду на успѣхъ при новомъ штурмѣ. Почему, составивъ скопище до 6000 человѣкъ, они рѣшились отомстить за прежнее пораженіе и окружили укрѣпленіе. Гарнизонъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ храбраго маіора Банковскаго, приготовился къ оборонѣ.

Иеромонахъ Макарій Каменецкій, отличившійся при штурмѣ 1844 года, прочелъ молитву о дарованіи побѣды и окропилъ воиновъ святою водою.

28-го ноября, въ 8 часовъ утра, конныя и пѣшія толпы горцевъ ринулись—одна противъ лѣваго фронта, другая вдоль морскаго берега, по направленію между блокаузомъ и моремъ, третья противъ передняго фронта укрѣпленія. Первая толпа, доскакавъ до волчьихъ ямъ, прикрывающихъ лѣвый фронтъ, спѣшилась. На каждой лошади было по два всадника и рядомъ съ каждою бѣжалъ еще одинъ пѣшій, держась за стремя. Въ продолженіе ихъ движенія, сдѣлано изъ каждаго орудія по три картечныхъ выстрѣла. Сойдя съ лошадей,

горцы, подъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ 9-ти орудій, съ величайшею смѣлостію и хладнокровіемъ, перебрались чрезъ волчи-ямы, въ которыхъ многіе погибли, спустились въ ровъ и выломали въ нѣсколькихъ мѣстахъ палисадъ; иные перешли даже чрезъ палисадъ, становясь одинъ другому на плечи и бросаясь на брустверь.

Между тѣмъ, орудія, поставленныя на флангѣ, дѣйствовали картечью. Не взирая на убійственный огонь артиллеріи, около 20-ти человекъ горцевъ успѣли вскочить на туры, поставленные на кронѣ бруствера, гдѣ и водрузили значки. Маіоръ Банковскій, наблюдавшій за ихъ дѣйствіями, во-время двинулъ общій резервъ, подъ командою Черноморскаго линейнаго № 15-го баталіона подпоручика Куряжскаго. Получивъ благословеніе отъ Іеромонаха Макарія, резервъ кинулся къ лѣвому фронту съ крикомъ «ура!» и штыками опрокинулъ въ ровъ ворвавшихся въ укрѣпленіе Горцевъ.

Вторая партія съ дерзостію прорвалась между блокаузомъ и морскимъ берегомъ, подъ картечнымъ огнемъ 3-хъ орудій, находившихся на блокаузѣ; ворвалась въ форштатъ хозяйственныхъ заведеній и ринулась прямо къ воротамъ. Не имѣя съ собою топоровъ, горцы рубили ворота шашками, усиливались даже выломать ихъ дружнымъ натискомъ плечами и съ часъ держались около воротъ, поражаемые ружейными выстрѣлами сверху въ низъ, съ вышки, построенной надъ воротами, ручными гранатами и нарочно подѣланными гарнизономъ пиками. Нѣсколько смѣльчаковъ пытались верхомъ перескочить съ гласиса на брустверь чрезъ палисадъ; небольшому числу пѣшихъ даже удался этотъ дерзкій скачекъ; но они пали мертвые между брустверомъ и палисадомъ.

Въ 10¹/₂ часовъ утра, горцы, отбитые съ лѣваго и

приморскаго фронтовъ, начали поспѣшно отступать, подбирая раненныхъ и тѣла убитыхъ. Первая партія скрылась въ туже лощину, изъ которой вела атаку, а вторая подожгла сѣно и строеніе форштата, и отступила не прежнимъ путемъ мимо блокауза, а чрезъ рѣку Шахе, поражаемая картечью.

Третья партія Горцевъ была встрѣчена картечнымъ и ружейнымъ огнемъ передняго фронта и, не дойдя 100 сажень до бруствера, поворотила назадъ, не смотря на примѣръ предводителей ея, тщетно бросавшихся впередъ со значками, чтобы ввести ее въ бой.

Въ 11 часовъ всѣ нападавшіе горцы скрылись, потерявъ до 500 человекъ убитыми и ранеными, и оставивъ въ рукахъ побѣдителей 4 значка и одного плѣннаго.

Государь Императоръ, получивъ извѣстіе объ этомъ блистательномъ подвигѣ, Всемилостивѣйше соизволилъ: майора Банковскаго произвестъ въ слѣдующій чинъ и наградить орденомъ Св. Георгія 4-й степени; прочихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ отраженіи горцевъ, произвестъ въ слѣдующіе чины; нижнимъ чинамъ назначить 12 знаковъ отличія военнаго ордена и всѣмъ вообще чинамъ гарнизона пожаловать полуголовое жалованье.

(Жур. для чт. восп. В. У. З., Т. 64).

33.

24-го Мая 1846 года, утромъ, къ командиру Гребенскаго казачьяго полка, подполковнику Суслову, прискакалъ нарочный изъ станицы Шелкозаводской, съ извѣстіемъ, что большая конная неприятельская партія

стоитъ подь Акбулатъ-Юртомъ. Въ слѣдствіе этого, подполковникъ Сусловъ отправился изъ Червленной въ Амиръ-Аджи Юртъ, и рассчитывая, что согласно съ распоряженіемъ генералъ-лейтенанта Фрейтага, колонна подь начальствомъ Барона Меллера-Закомельскаго можетъ въ скоромъ времени придти къ нему на помощь, переправился чрезъ Терекъ, съ частию своихъ казаковъ, а именно: съ 7-ю офицерами и 82-мя казаками и помчался на встрѣчу непріятеля. Проскакавъ верстъ 8, онъ открылъ на курганахъ непріятельскіе пикеты, и вскорѣ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ многочисленными партіями горцевъ.

Между постыднымъ бѣгствомъ и славною смертію выборъ не затруднителенъ. Казаки спѣшились и зарѣзавъ кинжалами своихъ лошадей, сдѣлали изъ нихъ около себя брустверь. 1,500 Чеченцевъ стремительно напали на нихъ; но не смотря на непрерывныя атаки ожесточеннаго непріятеля, Гребенцы держались упорно и мѣткимъ огнемъ поражали переднихъ смѣлчакъ.

При этомъ дѣлѣ находился и отставной гвардіи капитанъ Хастатовъ, живущій въ своемъ помѣстьѣ, близъ станицы Шелковаводской. Онъ поскакалъ на тревогу по извѣстію о появленіи непріятеля, и не переставалъ ободрять казаковъ и шутить съ ними въ продолженіе всего боя.

Между тѣмъ, въ продолжительной перестрѣлкѣ почти всѣ ружейные патроны были уже потрачены. Для послѣдней защиты, прежде славной смерти, подполковникъ Сусловъ приказалъ приготовить пистолеты и кинжалы; выстрѣлы казаковъ начали рѣдѣть; атака Чеченцевъ непрерывно усиливалась. Но вдругъ подошла помощь и Чеченцы послѣпно ушли въ горы.

(Чтен. для солд., 1850 г.)

34.

20-го сентября 1848 года, взрывомъ мины въ Ахтинскомъ укрѣпленіи сбросило съ 1-й батареи кегернову мортирку въ крѣпостной ровъ. Чтобы не дать неприятелю воспользоваться ею, многіе охотники вызвались достать ее; но эта честь была предоставлена рядовому Ивану Гродько, молодому солдату, прежде всѣхъ вызвавшемуся на это дѣло.

Въ 4 часа по полудни, подѣ неприятельскими пулями онъ спустился на веревкѣ въ ровъ; отрылъ мортирку и втащилъ ее въ укрѣпленіе.

За такой подвигъ Гродько былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія и переведенъ въ гвардію.

(Чтен. для солд., 1850 г.)

35.

Въ 1828 году, при осадѣ крѣпости Варны, Турки въ большомъ числѣ расположились близъ Лимана, противъ нашего редута № 1. Главнокомандующій графъ Воронцовъ приказалъ прогнать ихъ и капитанъ Могилевскаго пѣхотнаго полка Павловъ самъ вызвался съ одною своею ротой на этотъ отважный подвигъ. Въ ночь съ 18-го на 19-е августа, онъ стремительно напалъ на неприятеля, многихъ Турокъ положилъ на мѣстѣ, остальныхъ прогналъ и взялъ 5 знаменъ.

За такой подвигъ капитанъ Павловъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени.

(Съверн. Пчела, 1833 г., № 166).

36.

27-го Июля 1850 года, изъ укрѣпленія Марамбы возвращалась въ Сухумъ команда, прикрывавшая доставленные въ это укрѣпленіе выюки съ провіантомъ. На привалѣ, рядовой 3-й линейной роты Черноморскаго линейнаго № 11 баталіона Антонъ Тупченко отдѣлился отъ команды и пошелъ къ рѣкѣ Мерхаулкѣ за водою. Скрывавшіеся вблизи хищники, выскочивъ изъ засады, надѣли ему на голову башлыкъ, чтобы заглушить его крикъ, и увлекли въ горы.

Продержавъ его ночь въ аулѣ, одинъ изъ хищниковъ, князь Наврузъ-Маршани, повелъ его на другой день связаннаго по дорогѣ въ Келисурамъ, вѣроятно, съ намѣреніемъ доставить его въ Сухумъ, выдать за бѣглаго и получить денежное вознагражденіе. Дорогою, Наврузъ приготовлялъ пистолетъ, чтобы заставить страхомъ Антона Тупченко идти безъ сопротивленія и отказаться отъ всякаго покушенія къ побѣгу. Но Тупченко, сохранивъ полное присутствіе духа, внезапно оборвалъ связывавшіе его ремни, напалъ на Навруза, вырвалъ у него изъ рукъ пистолетъ и, въ борьбѣ съ нимъ, нанесъ ему пистолетомъ нѣсколько ударовъ по головѣ, отъ которыхъ Наврузъ палъ мертвый. Скрывшись поспѣшно въ кустахъ, Тупченко прошелъ потомъ окольными путями въ Келисурамъ, и оттуда достигъ до Сухума.

Главнокомандующій, сдѣлавъ извѣстнымъ по войскамъ Кавказскаго корпуса молодецкій поступокъ Антона Тупченки, назначилъ ему знакъ отличія военнаго ордена Св. Георгія.

(Журн. для чтен. воспит. В. У. З.).

1848 года, 11-го мая, на правомъ флангѣ Кавказской линіи выслана была изъ Ахметъ-Горскаго укрѣпленія команда, въ числѣ 50-ти человекъ 3-го Кавказскаго линейнаго баталіона, за дровами. Скрывавшаяся не вдалекѣ партія горцевъ; около 400 человекъ, подъ предводительствомъ Канамета Тлагоглукова, внезапно бросилась на эту команду въ шашки, но была мужественно отражена. По первымъ выстрѣламъ, воинскій начальникъ укрѣпленія, штабсъ-капитанъ Грумецкій, выслалъ на помощь 40 человекъ пѣхоты и 60 казаковъ Донскаго № 38 полка, подъ начальствомъ есаула Семиколѣнова. Пѣхота смѣло ударила въ штыки, а казаки бросились въ пики на встрѣченнаго по дорогѣ сильнаго непріятеля. Такимъ образомъ обѣ команды, окруженныя вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, съ необычайною храбростію старались проложить себѣ дорогу, чтобы соединиться. Горцы, усиливаясь людьми, стекавшимися изъ-за рѣки Лабы и раздраженные геройскимъ мужествомъ команды, безпрестанно кидались въ шашки, руками сорвали съ нѣсколькихъ ружей штыки и шашками изрубили 15 ружейныхъ стволовъ. Но храбрая горсть Ахметъ-Горскаго гарнизона, не взирая на несоразмѣрность силъ, мужественно отражала атаки, бросаясь въ штыки, и наконецъ обѣ команды успѣли соединиться. Въ этихъ схваткахъ убитъ храбрый есаул Семиколѣновъ. Послѣ него приняли начальство: надъ пѣхотою—фельдфебель Бондаренко, надъ казаками—урядникъ Петровъ. Въ это самое время, неприятельская партія, болѣе ста человекъ, дѣйствовала противъ самаго укрѣпленія, чтобы недопустить помо-

щи высланнымъ командамъ; но воинскій начальникъ, успѣшно отразивъ ихъ пушечными выстрѣлами, смѣло выступилъ изъ укрѣпленія съ послѣднимъ резервомъ при орудіи, и отгѣснилъ ближайшаго къ укрѣпленію непріятеля.

Послѣ двухъ-часоваго жестокаго боя, непріятель, разбитый на голову, бѣжалъ чрезъ лѣсъ за Лабу, понеся значительную потерю.

Государь Императоръ, по полученіи извѣстія о такомъ подвигѣ, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: фельдфебеля Бондаренко произвестъ въ прапорщики, а урядника Петрова—въ хорунжіе, и выдать имъ особое денежное награжденіе на обмундировку; вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество соизволилъ назначить шесть знаковъ военнаго ордена для награды наиболѣе при этомъ случаѣ отличившихся и по три рубля серебромъ на каждого изъ нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ этомъ подвигѣ.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., Т. 72).

38.

Въ 1846 году, шайка хищниковъ, въ числѣ осьми человекъ, напала на казака Новосадковской станицы, бывшаго съ женою въ саду, верстахъ въ двухъ отъ станицы. Ранивъ казака, хищники взяли его и жену въ плѣнъ, и пробирались лѣсомъ къ берегу Терека. Казакъ той же станицы Василій Докторовъ, работавшій въ полуверстѣ отътуда въ своемъ саду, услышавъ выстрѣлъ, поспѣшилъ на мѣсто происшествія, и, не найдя товарища, бросился по слѣдамъ хищниковъ, крича въ лѣсу разными голосами, чтобы показать, что онъ не

одинъ. Пробѣжавъ болѣе версты, онъ настигъ ихъ на берегу Терека, сдѣлавъ выстрѣлъ и забывъ о собственной опасности, бросился въ рѣку, чтобы выручить товарища; хищники, обманутые его крикомъ и полагая, что ихъ преслѣдуетъ цѣлая команда, оставили добычу и разсѣялись по лѣсу.

Въ награду такой смѣлости и самоотверженія, Главнокомандующій назначилъ казаку Гребенскаго полка Василию Докторову знакъ отличія военнаго ордена.

(Журн. для чтен. восп. В. У. Э., т. 62).

VII.

ПРИМѢРЫ САМООТВЕРЖЕНІЯ, ТВЕРДОСТИ И ВЕЛИЧІЯ ДУХА.

1.

Во время войны съ Турками, 1788 года, гребная наша флотилія пришла въ пристань Глубокую, и начальствовавшій ею Принцъ Нассау-Зигенъ, имѣя надобность условиться съ Суворовымъ на счетъ военныхъ дѣйствій, послалъ къ нему въ Кинбурнъ на дуббель-шлюпкѣ капитана Сакена. О турецкомъ флотѣ не было слуховъ, какъ вдругъ онъ показался въ виду Кинбурна, и малыя его суда, благопріятствуемыя попутнымъ вѣтромъ, начали входить въ Лиманъ. Сакенъ, исполнивъ свое порученіе у Суворова, долженъ былъ возвращаться назадъ. Видя предстоящую ему опасность отъ турецкихъ судовъ, онъ при разставаніи съ полковникомъ Козловскаго пѣхотнаго полка Марновымъ, сказалъ: «положеніе мое опасно; но честь свою я могу еще спасти: если Турки атакуютъ меня двумя судами, я возьму ихъ; съ тремя буду сражаться; отъ

четырехъ не побѣгу; но если нападутъ больше, тогда прощай Федоръ Ивановичъ, мы болѣе не увидимся!» Сакенъ сдержалъ свое слово. Преслѣдуемый тринадцатью непріятельскими судами, онъ спустилъ въ бывшую у него небольшую шлюпку девять матросовъ и приказалъ имъ извѣстить о своемъ положеніи Принца Нассау, и сказать, что ни онъ, ни дуббель-шлюпка не будутъ въ рукахъ непріятельскихъ. Вскорѣ, когда онъ уже былъ противъ устья Буга, четыре турецкія галеры начали достигать его, и настигнувъ, сцѣпились съ дуббель-шлюпкою. Сакенъ не потерялъ присутствія духа; съ зажженнымъ фитилемъ сошелъ въ крѣпѣ-камеру (*) и, чрезъ нѣсколько мгновеній, вмѣстѣ съ судномъ своимъ и съ абординовавшимъ его непріателемъ, взлетѣлъ на воздухъ. Такое самоотверженіе изумило непріятелей, и послѣ этого событія они не имѣли духу сваливаться съ нашими судами на абордажъ.

Императрица Екатерина II, получивъ отъ князя Потемкина донесеніе объ этомъ происшествіи, щедро наградѣла родственниковъ Сакена денежными пенсіями и другими наградами.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., т. 48).

2.

Не задолго до Пултускаго сраженія 1806 г., генералъ Багговутъ объѣзжалъ свои передовыя цѣпи, которыя небольшая рѣка Вкра раздѣляла отъ непріятельскихъ передовыхъ цѣпей. Желая прекратить без-

---

(*) Мѣсто, гдѣ на корабляхъ и прочихъ военныхъ судахъ хранится порохъ.

полезную перестрѣлку часовыхъ, и увидя на другомъ берегу двухъ непріятельскихъ офицеровъ, Багговуть далъ знакъ, что хочетъ говорить съ ними. Офицеры приблизились къ берегу. Багговуть сошелъ съ лошади, объяснился съ ними, и когда они согласились на его предложеніе, Багговуть, вынимая изъ кармана платокъ, нечаянно размахнулъ имъ. Стоявшій вблизи егеръ почелъ движеніе его знакомъ палить, приложился, выстрѣлилъ и убилъ одного изъ французскихъ офицеровъ наповаль. Багговуть ужаснулся, и пока товарищъ убитого не могъ опомниться отъ негодованія, спѣшилъ объяснить ему нечаянность поступка часоваго: «Видите» продолжалъ Багговуть послѣ своего объясненія «что здѣсь несчастная ошибка. Русскіе не способны къ вѣроломству — я виноватъ, и готовъ за неумышленную вину удовлетворить васъ. Смотрите, я стою неподвижно. Прикажите прицѣлиться и стрѣлять въ меня». Онъ замолчалъ, сложилъ руки и вытянулся, ожидая выстрѣла. Непріятельскій часовой прицѣлился, но въ то мгновеніе, когда онъ спускалъ курокъ, офицеръ, изумленный самоотверженіемъ Багговута, ударилъ часоваго по рукѣ; выстрѣлъ пролетѣлъ мимо, и офицеръ, привѣтствуя Багговута, вскричалъ: «Генералъ, вы герой! живите для славы соотечественниковъ вашихъ». Спокойно поѣхалъ Багговуть далѣе, какъ будто вовсе не думая, что за минуту жертвовалъ своею жизнію за русскую честь.

(Воен. Гал. Эп. Дворца, т. 1. Багговуть).

3.

При мѣстечкѣ Фридландѣ, въ 1807 году, многочисленный непріятель сильно порывался овладѣть выгод-

нымъ положеніемъ, занимаемымъ русскими войсками. Командиръ Павловскаго Гренадерскаго полка, расположеннаго на томъ мѣстѣ, генералъ Мозовскій, страдалъ въ это время жестокою простудою; но, узнавъ объ усиліяхъ непріятеля, продолжалъ болѣзнь, сѣлъ на лошадь, подѣхалъ къ полку и съ крикомъ : «ребята впередъ!» врѣзался въ непріятельскую колонну. Солдаты, оживленные присутствіемъ и примѣромъ начальника, опрокинули непріятеля, преслѣдовали его и перешли рѣку, но тамъ встрѣтили превосходившее ихъ число враговъ. Мозовскій не колебался : «за мной ребята!» воскликнулъ онъ, и снова устремился впередъ. Подчиненные ринулись по слѣдамъ начальника и нѣсколько часовъ выдерживали сильную перестрѣлку. Уже побѣда, казалось, готова была увѣнчать героя, какъ вдругъ пуля прострѣлила ему правую руку; онъ упалъ съ лошади, кровь лилась изъ его раны и онъ примѣтно слабѣлъ; но мысль, что полкъ ему ввѣренный, подвергается опасности, одушевилъ героя новою твердостью. Не имѣя болѣе силъ говорить, Мозовскій далъ гренадерамъ знакъ посадить его на лошадь, и перевязавъ правую руку платкомъ, взялъ въ лѣвую шпагу, и провозгласивъ въ третій разъ : «впередъ!» бросился въ штыки. Въ это время другая пуля прострѣлила ему ногу. Въ изнеможеніи силъ и отъ чрезмѣрнаго истеченія крови, неустрашимый Мозовскій вторично упалъ съ лошади, но крики нападающаго непріятеля привели его въ чувство. «Друзья!» сказалъ онъ : «перевяжите на-скоро мои раны; теперь не время думать о жизни; непріятель усиливается: исполнимъ долгъ нашъ : умремъ или побѣдимъ! ребята впередъ!» и герой нашъ впереди, въ толпѣ непріятелей, въ сильномъ непрерывномъ огнѣ, не чувствовалъ болѣз-

ни и ранъ; онъ желалъ только отразить непріятеля или умереть, и судьба опредѣлила ему славную смерть: роковая картечь нанесла рѣшительный ударъ Мозовскому. Послѣдній его взглядъ обратился на храбрыхъ гренадеръ и послѣднимъ его словомъ было: «друзья, не робѣйте!»...

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., т. 2., стр. 153).

4.

1807 года 18-го августа, генералъ-маіоръ Панчулидзевъ, командовавшій войсками въ крѣпости Анапѣ, командировалъ 22-го Егерскаго полка маіора Витезя съ двумя Егерскими ротами, однимъ орудіемъ и 30-ю казаками на подкрѣпленіе 145-ти Черноморскимъ казакамъ, которые должны были проходить по дорогѣ, занятой Черкесами. Прежде нежели маіоръ Витезь успѣлъ соединиться съ казаками, многочисленныя толпы Черкесовъ атаковали ихъ и бросились на нихъ съ запальчивостію. Казаки, не потерявъ присутствія духа, спѣшились, и, построясь въ боевой порядокъ, сближались съ отрядомъ маіора Витезя, безпрестанно отстрѣливаясь. Но что бы соединиться съ отрядомъ, надлежало пройти еще одну версту. Тогда маіоръ Витезь рѣшительно и храбро пробился сквозь непріятельскія толпы и, занявъ выгоднѣйшую позицію, построился въ каре. Черкесы, въ числѣ болѣе 4,000 съ двумя орудіями, окружили двухъ-ротное каре маіора Витезя, но онъ отстрѣливался и штыками удерживалъ ихъ запальчивость. Бой продолжался болѣе двухъ часовъ. Изъ 15-ти офицеровъ, находившихся въ отрядѣ, 13 было ранено, въ томъ числѣ 7 человекъ довольно тяжело. Самъ же маіоръ Витезь получилъ тяжелую рану, и

лежа на землѣ въ совершенномъ изнеможеніи, ободрялъ своихъ подчиненныхъ храбро сражаться и умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Конной артиллеріи поручикъ Козловъ, дѣйствовавшій орудіемъ съ большимъ хладнокровіемъ, наносилъ величайшій вредъ непріятелю, и получивъ сильную рану пулею въ лѣвую ногу на вылетъ, упалъ на землю; но видя критическое положеніе отряда, приказывалъ даже поднимать себя и самъ наводилъ единственное орудіе, съ нимъ бывшее. Такое рѣдкое присутствіе духа и самоотверженіе, равно какъ и мужество и примѣрная храбрость всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ отряда, успѣли сохранить орудіе и удержать непріятеля. Между тѣмъ посланный на помощь къ нимъ отрядъ, подъ начальствомъ 12-го Егерскаго полка подполковника Краббе, напалъ на непріятеля и принудилъ его поспѣшно отступить въ горы.

(Подвиги Русск. воин. въ странѣ Закавказ., гл. 1. ч. 2.)

5.

«Достигнувъ пѣшкомъ баттарей Вейде», говоритъ г. Любенковъ, участвовавшій въ Бородинской битвѣ, «я замѣтилъ, что у этого храбраго офицера рука была пробита пулею; кровь текла изъ руки, но онъ не обращалъ на то вниманія, и радовался только искусному дѣйствию своей баттарей». — «По крайней мѣрѣ вели завязать себѣ рану, чтобы быть въ силахъ исполнить приказаніе графа», — сказалъ я ему. Сильный отъ природы, неутомимый, онъ вырвался изъ рукъ солдата, который, заложивъ рану кускомъ пакли, завязывалъ ее платкомъ, и продолжалъ кричать: «Второе и третіе

орудіе по правой колоннѣ! — хорошо, ребята, мастерски, не даромъ выстрѣлы!» Мы пожали другъ другу руки, и я возвратился.»

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., № 30).

6.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1819 года, 12,000 Лезгинъ, подъ предводительствомъ славнаго разбойни Сурхай-Хана Казыкумыкского, внезапно вышли изъ горъ и ворвались въ селеніе Чирахъ, въ ханствѣ Курахскомъ, въ 150-ти верстахъ отъ Кубы. При селеніи было небольшое укрѣпленіе съ гарнизономъ изъ роты Апшеронскаго пѣхотнаго полка. Часть этого слабаго гарнизона находилась въ самомъ селеніи. Лезгины нашли въ казармахъ 80 полусонныхъ гренадеръ, и перерѣзали большую ихъ часть; но другіе, защищаясь, успѣли скрыться въ крѣпостцѣ. Прапорщикъ Щербина, услышавъ тревогу, выскочилъ изъ дома, скликалъ разсѣянныхъ солдатъ и, видя себя отрѣзаннымъ отъ крѣпостцы, пробился сквозь толны дикарей къ высокому каменному минарету, чтобы, засѣвъ въ немъ, или отсидѣться, или дорого продать свою жизнь. Онъ отстрѣливался тамъ до разсвѣта; прошелъ день — стрѣлки наши били Лезгинъ сверху на выборъ; за то десятки пуль пронизывали малѣйшія скважины и число храбрыхъ рѣдѣло. Великодушный штабсъ-капитанъ Овечкинъ, оставшійся главнымъ начальникомъ крѣпостцы, сдѣлалъ двѣ вылазки, желая выручить товарищей изъ засады. Но Щербина кричалъ ему: «возвратись, береги людей для охраны крѣпости; они нужнѣе меня. Я обрекъ себя на смерть, но умру не даромъ». Нако-

ночь разсвирѣпѣвшіе горцы отбили двери, ворвались внутрь минарета, рѣзались тамъ съ Апшеронцами на кинжалахъ, и истребивъ всѣхъ, по узкой лѣстницѣ устремились вверхъ; но тамъ ждалъ ихъ герой Щербина, который ударами своей сабли поражалъ по очереди каждаго горца, показывавшагося изъ подъ пола. Лезгины отказались отъ приступа и стали подрывать башню. Два дня держался Щербина, не сдаваясь; на третій минареть рухнулъ, и ожесточенные горцы, вытацивъ Щербину полураздавленного изъ-подъ развалинъ, въ глазахъ осажденныхъ замучили до смерти.

Совершивъ такой безчеловѣчный подвигъ, Лезгины устремились на крѣпостцу Чирахъ и окружили ее. Крѣпостца состояла изъ небольшого, обрытаго ровомъ четырехугольника, съ круглыми по угламъ бастіонами и высокимъ брустверомъ надъ амбразурами. Ее обороняли 400 человекъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка. Подъ убійственнымъ картечнымъ огнемъ подступали къ ней бѣшеные горцы, спустились въ ровъ и залегли подъ самыми ея стѣнами. Завязалась ружейная перестрѣлка; но чтобъ бить неприятелей, надобно было стрѣлять стоя на гребнѣ бруствера, и храбрые наши войны наносили и принимали вѣрную смерть. Не разъ пытались Лезгины на приступъ, но всегда были опрокидываемы съ большимъ урономъ. Потери и со стороны осажденныхъ были немаловажны. Безстрашная, но вмѣстѣ и бесполезная вылазки, гдѣ немощная отвага уступала вѣрной силѣ, еще уменьшили число защитниковъ. Всѣ офицеры и солдаты показали примѣръ дивной храбрости и запечатлѣли ее своею жизнью въ бояхъ грудь о грудь. Остался живъ только заслуженный штабсъ-капитанъ Овечкинъ; при немъ человекъ сто, изъ которыхъ болѣе половины раненыхъ, и онъ самъ съ прострѣленной ногой. Положе-

нѣе гарнизона становилось часъ отъ часу отчаяннѣе. Осада длилась уже три дня, а у нихъ ни капли воды, чтобы омыть раны, чтобы промочить губы, запекши- ся отъ крови и жажды. Правда, нѣсколько удалцевъ, спускаясь ночью со стѣны, прокрадывались къ источ- нику; но немногимъ удавалось воротиться, и велико-душныя войны платили собственною кровью за воду, почерпнутую для спасенія братьевъ. Солдаты грызли пули, глотали порохъ, думая освѣжить себя, но жаръ, усталость и бессонница только усугубляли ихъ стра- данія. Они уже послѣдними пулями посылали мечь за павшихъ товарищей. Между тѣмъ Лезгины снова требовали сдачи, сколько разъ предложенной, столько же разъ отвергнутой съ презрѣнiемъ. Изнеможен- ные солдаты теряли уже духъ. «Товарищи!» сказалъ имъ Овечкинъ: «я дѣлилъ съ вами всѣ раны; неразъ видалъ васъ впередъ, и никогда не видалъ въ побѣ- гѣ.... Не дайте же мнѣ при концѣ жизни увидѣть васъ, какъ трусовъ, безъ оружія, а себя въ ностыд- номъ плѣну. Не опозоримъ имени русскаго солдата, или прежде пристрѣлите меня, и тогда дѣлайте что хотите, если не можете дѣлать того, что должно».... Такъ говорилъ Русскій и Русскимъ! Сказанное съ жа- ромъ, было принято съ восторгомъ; солдаты крикнули ура!, и поклявшись на штыкахъ умереть не сдава- ясь, снова кинулись на стѣны, и снова загремѣлъ ру- жейный и пушечный огонь.

Прошло еще нѣсколько часовъ четвертаго дня и храбрый Овечкинъ, исходя кровью, изнемогая отъ судорогъ, впалъ въ смертное оцѣпенѣніе. Тогда фельд- фебель одной изъ ротъ обратился къ солдатамъ съ предложеніемъ сдаться. «Надежды на помощь нѣтъ», говорилъ онъ имъ: «и порохъ на исходѣ, а мы ужъ какъ тѣни отъ ранъ, отъ жажды, отъ истомы! Если не

сдадимся теперь, то черезъ часъ Лезгины безъ выстрѣла возьмутъ крѣпость, и насъ переберутъ, какъ мухъ руками. Слышите ли, какъ они общають честный плѣнь?» Клятвопреступныя слова, недостойныя солдата, поразили замиравшаго Овечкина, и жизнь вспыхнула негодованіемъ въ его благородномъ сердцѣ. Онъ неожиданно подошвалъ къ себѣ фельдфебеля и ударомъ руки повергъ его на землю. — «Свяжите, сбросьте со стѣны этого бездѣльника!» вскричалъ онъ : «я застрѣлю перваго, кто помянетъ о сдачѣ. Поднимите, поднесите меня къ пушкѣ!» Надобно знать, что амбразуры орудій заслонялись тамъ досками, чтобы при заряданіи не было видно артиллеристовъ. Дрожащею рукою схвативъ фитиль, онъ скомандовалъ : «отнимай доску!» и пушка грянула. Но сотни пуль влетѣли въ открытое отверстіе, и онъ, прострѣленный двумя—въ бокъ и въ ухо, покатился долой съ платформы. Солдаты, воспламененные храбростію и вѣрнымъ исполненіемъ своего долга и присяги Царю и Отечеству своего начальника, дрались съ ожесточеніемъ и умирали безъ ропота.

Лезгины готовились къ приступу; гибель храбрыхъ была неизбѣжна, — какъ вдругъ вдали засверкали штыки. Русскія войска спускались съ окрестныхъ вершинъ Кавказа. Одно появленіе обратило въ бѣгство толпы горцевъ, которые безъ оглядки разбѣжались во всѣ стороны. Помощь подоспѣла во-время; изъ цѣлаго баталіона въ крѣпости осталось всего семьдесятъ человекъ живыхъ, а раненныхъ только восемь. Неприятельскихъ тѣлъ насчитали до тысячи пяти сотъ.

(Жур. для чтен. восп. В. У. З., т. 2).

7.

14-го апрѣля 1824 года, Ямбургскаго уѣзда въ деревнѣ Кобылякахъ загорѣлась ночью изба крестьянина Семена Николаева, котораго на бѣду не было дома, а хозяйка такъ перепугалась, что едва только сама успѣла выскочить изъ огня, а своихъ двоихъ дѣтей выхватить не успѣла. Крестьяне сбѣжались и принялись тушить пожаръ. Въ это время случился въ деревнѣ и прибѣжалъ на пожаръ казакъ 7-го Черноморскаго эскадрона, Василий Грабъ. Весь домъ былъ въ огнѣ, а малютки, которыхъ уже душилъ и припекалъ жаръ, испускали отчаянный крикъ. Грабъ кинулся въ огонь, вскочилъ въ окно, схватилъ обоихъ дѣтей и съ ними опять выскочилъ въ окно же, живъ и здоровъ. Самъ помѣщикъ селенія и всѣ крестьяне засвидѣтельствовали передъ начальствомъ, что страшно было смотрѣть, какъ Василий Грабъ полѣзъ въ огонь, и они думали уже, что казакъ погибъ; но казакъ полѣзъ въ огонь съ молитвою и вынесъ младенцевъ. Господь помиловалъ его и ихъ.

Государь Императоръ за славное дѣло это пожаловалъ казаку Грабу медаль съ надписью : «за спасеніе погибающихъ» и пять сотъ рублей.

(Чтен. для солд. 1849 г., кн. 1).

8.

Въ декабрѣ 1852 года, два хищника, напавъ, ночью, на рядоваго Драгунскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка Ивана Дулатьева близъ полковой штабъ-квартиры, увели его за

Сулакъ въ непокорное селеніе Міатлы. Тамъ онъ со- держался сперва въ ямѣ, а потомъ пользовался нѣко- торою свободою, изыскивая случай къ побѣгу. Въ концѣ того же декабря, такимъ точно образомъ, два хщника увели въ плѣнъ унтеръ-офицера помянутаго полка, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, Петра Готовицкаго. Они привели его въ с. Міатлы и, заковавъ въ кандалы изъ горячаго желѣза, посадили въ яму; но когда замѣтили, что онъ отъ такого содержанія за- болѣлъ, то, боясь лишиться за него выкупа, помѣсти- ли его въ саклѣ. Готовицкій и Дудатьевъ показываютъ, что въ одинъ вечеръ, признанный ими болѣе удоб- нымъ къ побѣгу, Дудатьевъ назначилъ Готовицкому мѣсто, и когда послѣдній вышелъ, подъ надзоромъ женщины, на дворъ сакли, то Дудатьевъ, пользуясь темнотою, взялъ Готовицкаго, который былъ въ кан- далахъ, на плечи и бѣжалъ съ нимъ къ рѣкѣ, въ ко- торой и скрылись. Въ селеніи скоро сдѣлалась тревога, и когда преслѣдовавшіе миновали ихъ, то они, повер- нувъ въ противоположную сторону, скрылись въ гу- стомъ лѣсу. Дудатьевъ разбилъ бывшія на Готовиц- комъ кандалы и чрезъ шесть дней оба они прибыли въ Евгеньевское укрѣпленіе. Все это время Дудатьевъ несъ Готовицкаго на себѣ, потому что онъ, имѣя на ногахъ раны отъ кандаловъ, и будучи притомъ въ послѣднее время изнуренъ голодомъ, не могъ идти.

Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать рядовому Дудатьеву серебряную медаль, съ надписью «за спасеніе погибавшихъ», сто пятьде- сять рублей серебромъ и повелѣлъ похвальный посту- покъ его сдѣлать извѣстнымъ по Арміи.

(Приказъ Военнаго Министра 12-го Іюня 1853 г., № 41.)

9.

Въ 1824 году, въ маѣ мѣсяцѣ, Киргизы, узнавъ, что корпусный командиръ ѣдетъ изъ Оренбурга въ Уральскъ, вздумали напасть на него. 50 отборныхъ наѣздниковъ перебравшись черезъ рѣку Уралъ и залегли въ лѣску близъ дороги, не доѣзжая Лебяжьего форпоста; но увидавъ, что съ корпуснымъ командиромъ былъ довольно сильный конвой, напасть не рѣшились, а подошли къ Лебяжьему и зажгли большой ометъ сѣна, чтобы надѣлать суматохи, выманить казаковъ на луга, а потомъ угнать изъ станицы скоть. Хоружій Митрясовъ, замѣтивъ воровъ, кинулся за ними съ 12-ю казаками. Киргизы покинули скоть и бросились за Уралъ. Митрясовъ переплылъ за ними, а они навели его, верстахъ въ 15-ти отъ линіи, на сильную засаду. Казаки спѣшились, начали отстрѣливаться, окруженные со всѣхъ сторонъ. Дѣло шло хорошо, да одинъ мѣткій стрѣлокъ киргизскій подползъ довольно близко къ казакамъ, прилегъ за бугоръ и уже тремя выстрѣлами сряду ранилъ казака и двухъ лошадей. Два казака, Ялововъ и Букляшевъ, взялись уходить его; поползли ему на встрѣчу, припали на рѣжки, приложились и выжидали, чтобы онъ приподнялъ голову изъ-за бугра. Но тотъ самъ ихъ замѣтилъ и лежалъ смирно. Наскучивъ дожидаться, Ялововъ сказалъ своему товарищу: «стрѣлай ты по немъ, я его выманю, покажу ему лобъ» «Нѣтъ» отвѣчалъ Букляшевъ: «ты лучше меня стрѣляешь: стрѣлай ты, а я ему покажу лобъ». Сказано, сдѣлано: Букляшевъ приподнялся, показалъ ему лобъ; Киргизъ приподнялъ голову, да сталъ прикладываться, а Ялововъ въ это время положилъ его на

мѣстѣ. Киргизы, зная, что къ казакамъ должна быть скоро со станицы подмога, струсили и разбѣжались.

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З., т. 36).

10.

Въ день Карскаго штурма, Эриванскій Карабинерный полкъ посланъ былъ для овладѣнія укрѣпленнымъ предмѣстiemъ Орта-Капы. Рядовой, бывшій въ застрѣльщикахъ, приблизился къ непріятельскому бастіону, опередилъ товарищей, первый полѣзъ на валъ, стараясь схватить стоявшее на немъ знамя, но былъ пораженъ пулею въ грудь. Товарищи, проходя мимо, увидѣли его умирающимъ и услышали послѣднія слова его: «прощайте братцы, да только городъ возьмите!»

(Опис. Турец. войны, Лукьяновича.).

11.

Во время персидской кампаніи, въ 1827 году, 2-й баталіонъ Грузинскаго Гренадерскаго полка, подъ начальствомъ полковника Барона Фридрихса IV, былъ внезапно атакованъ при селеніи Ванандѣ значительными персидскими силами. Во время сраженія, когда капитанъ Подлуцкій, подоспѣвшій на помощь князю Чавчавадзе, получилъ смертельную рану, Персіяне бросились къ нему, чтобы отрѣзать голову; но унтеръ-офицеръ Кабесковъ, съ нѣсколькими гренадерами, стремительно напалъ на непріятелей, и проложивъ себѣ

дорогу штыками до тѣла своего капитана, вынесъ его изъ толпы. Штабсъ-капитанъ Вретовъ, бросившись съ стрѣлками на непріятеля и находясь впереди солдатъ, вдругъ палъ, пораженный пулею. Непріятели въ значительномъ числѣ стеклись около тѣла; но фельдфебель Яковлевъ съ нѣсколькими стрѣлками храбро разсѣялъ эту толпу и, вынеся своего командира на плечахъ, возвратился опять на мѣсто сраженія. Прапорщикъ Лавровъ, тяжело раненный и оставленный замертво, былъ окруженъ Персіянами, изъ которыхъ одинъ занесъ уже саблю, чтобы отсѣчь ему голову; но въ ту самую минуту полковникъ Баронъ Фридрихсъ съ малымъ числомъ солдатъ бросился къ нему на помощь, прогналъ непріятеля и спасъ молодого офицера.

(Подвиги рус. воин. въ стран. Закавказ., гл. 1 ч. 2).

12.

Въ 1829 году, во время турецкой кампаніи, фрегатъ Штандартъ и бриги Орфей и Меркурій были, 14-го мая, въ крейсерствѣ у Константинопольскаго пролива. Однажды на разсвѣтѣ они увидѣли турецкій флотъ, въ числѣ осьмнадцати вымпеловъ, шедшій вдоль береговъ Анатолиі къ W. Усмотрѣвъ нашихъ крейсеровъ, онъ немедленно устремился за ними. Фрегатъ и бригъ Орфей успѣли уйти къ Сизополю, гдѣ стоялъ нашъ флотъ; но Меркурій, оставъ отъ нихъ, былъ достигнуть лучшими ходами непріятельскаго флота: однимъ 110-ти пушечнымъ кораблемъ, подъ флагомъ Капитана-Паши, и однимъ 74-хъ пушечнымъ. Въ исходѣ втораго часа по полудни, они находились отъ брига на полутора пушечныхъ выстрѣла. Въ это время вѣтеръ

стихъ и Казарскій, капитанъ брига «Меркурій», въ надеждѣ удалиться, обратился къ дѣйствию веслами. Но и эта утѣшительная надежда не долго продолжалась; въ половинѣ третьяго часа, вѣтеръ опять посвѣжѣлъ, корабли начали приближаться и открыли огонь изъ погонныхъ своихъ орудій. Видя совершенную невозможность избѣжать столь неравнаго сраженія, Казарскій, собравъ всѣхъ своихъ офицеровъ, составилъ военный совѣтъ; на которомъ корпуса штурмановъ перучикъ Прокофьевъ первый предложилъ взорвать брига на воздухъ. Въ слѣдствіе того положено единогласно, защищаться до послѣдней крайности, и наконецъ, свалившись съ какимъ нибудь непріятельскимъ кораблемъ, зажечь крѣпость-камору, для чего былъ положенъ на щипль и заряженный пистолетъ. Нижніе чины также объявили свою готовность драться до послѣдней капли крови.

Успокоенный такими чувствованіями экипажа, капитанъ-лейтенантъ Казарскій прекратилъ дѣйствіе веслами и, приказавъ отрубить ялъ, висѣвшій за кормою, открылъ огонь изъ ретирадныхъ пушекъ. Вскорѣ затѣмъ, 110-ти пушечный корабль началъ спускаться, чтобы занять правую сторону и сдѣлать залпъ вдоль брига; но послѣдній избѣжалъ столь пагубнаго дѣйствія, взявъ направленіе къ N. Такимъ образомъ, еще около получаса, онъ терпѣлъ только отъ однихъ погонныхъ пушекъ, но послѣ того былъ поставленъ между двумя кораблями, изъ коихъ каждымъ сдѣлано по бригу два залпа; съ корабля Капитанъ-Паши закричали, «славайся и убирай паруса!» На это отвѣчали съ брига огнемъ всей артиллеріи и ружей, при громкомъ «ура!» Оба корабля, сдавшись за корму брига, продолжали до 4½ часовъ непрерывную пальбу ядрами, канпеями и бранскугелями, изъ коихъ одинъ горящій,

завязнувъ между гашицами, произвелъ пожаръ, но къ счастью онъ вскорѣ былъ потушенъ; бригъ упорно отстрѣливался, уклоняясь, по возможности, отъ продольныхъ выстрѣловъ. Между тѣмъ, дѣйствуя по 110-ти пушечному кораблю правымъ бортомъ, бригъ перебилъ у него вадеръ-шпаги и повредилъ гротовой рангоутъ, отъ чего привелъ корабль къ вѣтру на лѣвую сторону и, сдѣлавъ залпъ со всего борта, легъ въ дрейфъ.

Другой корабль еще продолжалъ дѣйствовать, перебивая галсы подь кормою брига, и билъ его продольными выстрѣлами, коихъ никакимъ движеніемъ избѣжать было не возможно.

Наконецъ, счастливыми выстрѣлами удалось бригу нанести и этому кораблю столь значительный вредъ, что онъ, въ 5¹/₂ часовъ, также привелъ въ бейдевиндъ.

Итакъ, 18-ти пушечный русскій бригъ, въ продолженіе 3-хъ часовъ сражался съ двумя огромными кораблями турецкаго флота, состоящими подь личною командою главныхъ адмираловъ, и этихъ превосходныхъ силами противниковъ своихъ заставилъ удалиться.

Государь Императоръ въ награду за столь необыкновенный подвигъ, доказывающій въ высшей степени храбрость и твердость духа командира судна и всѣхъ чиновъ его, пожаловалъ Казарскаго чиномъ капитана 2-го ранга, званіемъ флигель-адъютанта и орденомъ Св. Георгія 4-го класса. Кромѣ того, Казарскій и весь экипажъ брига получили въ пожизненный пенсіонъ двойное жалованье. Вмѣстѣ со всѣми офицерами внесень ему въ гербъ пистолеть, какъ оружіе, избранное ими для взорванія брига на воздухъ. Наконецъ, бригу Меркурій пожалованъ Георгіевскій флагъ и Высочайше повелѣно, когда бригъ этотъ неспособенъ будетъ продолжать служеніе на морѣ, то построить другой такой же бригъ и передать ему имя «Меркурій» и Георгіевскій

флагъ «дабы память знаменитыхъ заслугъ», какъ сказано въ указѣ, «переходя изъ рода въ родъ на вѣчныя времена, служила примѣромъ потомству».

(Военно-Энциклопедич. Лексик. Т. VI., стр. 443).

15.

Укрѣпленіе Михайловское, на восточномъ берегу Чернаго моря, 22-го марта 1840 года, было атаковано 11,000 горцевъ. Гарнизонъ укрѣпленія имѣлъ подъ ружьемъ 480 человекъ. Храбрый начальникъ гарнизона, Черноморскаго линейнаго № 5 баталіона штабсъ-капитанъ Лико, извѣщенный предварительно о намѣреніи горцевъ, приготовился къ мужественной встрѣчѣ. Имѣя въ виду невозможность получить во время какую-либо помощь, но рѣшившись защищать укрѣпленіе до послѣдней крайности, онъ заранѣе приготовилъ гвозди для заклепанія орудій, въ случаѣ занятія вала, а внутри укрѣпленія устроилъ заваль изъ досокъ, бочекъ и другихъ матеріаловъ, которые могли быть къ тому употреблены. Собравъ за тѣмъ всѣхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ гарнизона, онъ предложилъ имъ взорвать пороховой погребъ, если они не отразятъ нападенія. Это предложеніе было принято съ единодушнымъ восторгомъ.

При первомъ нападеніи, горцы были встрѣчены самымъ убійственнымъ огнемъ изъ крѣпостныхъ орудій; но послѣ перестрѣлки, продолжавшейся полтора часа, они успѣли овладѣть валомъ. Геройское усиліе гарнизона вновь опрокинуло ихъ въ ровъ и обратило въ бѣгство; но конные горцы, наблюдавшіе въ нѣкоторомъ разстояніи за ходомъ дѣла, начали рубить шаш-

ками своихъ отступающихъ. Последніе, видя неизбежную со всѣхъ сторонъ гибель, возобновили штурмъ, сбили гарнизонъ съ бруствера и стѣснили его за валъ. Храбрый гарнизонъ, потерявъ большую часть людей и видя невозможность отразить отчаянное нападеніе непріятелей, рѣшился исполнить свое намѣреніе — взорвать пороховой погребъ, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ осаждающими. На этотъ подвигъ добровольно вызвался рядовой Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипъ Осиповъ и, напутствуемый благословеніемъ священника, подорвалъ погребъ.

Такъ погибъ гарнизонъ Михайловскаго укрѣпленія, исполнивъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ военныхъ подвиговъ; съ нимъ погибла всѣ горцы, находившіеся въ укрѣпленіи.

Государь Императоръ, для увѣковѣченія памяти о столь доблестномъ подвигѣ, повелѣть соизволилъ: сохранить навсегда имя Архипа Осипова въ спискѣ первой Гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, и на всѣхъ переключкахъ, при спросѣ его, первому за нимъ рядовому отвѣчать: *«погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи!»* Семейства всѣхъ защитниковъ Михайловскаго укрѣпленія взысканы Монаршими щедротами; содержаніе ихъ обезпечено; малолѣтнія дѣти призрѣны.

(Журн. для чтенія восп. В. У. З., т. 25).

14.

Улетая воображеніемъ на поле Бородинской битвы, невольно останавливаешься на нѣкоторыхъ отдѣльных дѣйствіяхъ и картинахъ ея. Здѣсь видишь: бѣжить

конь безъ всадника съ окровавленнымъ сѣдломъ : то вѣсть о жребіи Куйтасова. Тамъ раненный левъ, Багратионъ, медленно удаляется съ поля битвы, послѣдней для него ; тутъ Барклай-де-Толли ищетъ желанной смерти, бросааясь въ опасность, какъ послѣдній ратникъ. Далѣе, соревнующій ему русскій богатырь Милорадовичъ завтракаетъ подъ перекрестными выстрѣлами французскихъ батарей. Но вотъ зрѣлище иное: въ углу укрѣпленнаго кургана, громамаго непріателемъ, на походномъ стулѣ сидитъ старецъ слабый, немощный, но несокрушимый духомъ. Вокругъ валяются сотни храбрыхъ, обрызгивая его мозгомъ раздробленныхъ череповъ, и обливая кровью жестокихъ ранъ. «Смѣлѣе, ребята! Помните, что мы деремся за Москву», говоритъ онъ, стараясь возвысить голосъ свой среди крика сражающихся, воплей и стоновъ умирающихъ. Громъ выстрѣловъ не умолкаетъ надъ нимъ. Клубы порохового дыма застилаютъ ему зрѣніе. Онъ твердъ и неподвиженъ. Святое чувство долга и ревности къ славѣ Александра заставляють его превозмогать тѣлесныя страданія и забыть ихъ; наконецъ, когда, истощивъ всѣ средства отчаянной обороны, при невозможности славнаго спасенія, онъ замышляетъ погибнуть и кидается въ толпы вражескія—это послѣдняя, высокая минута боевой жизни генерала Лихачева!

(Воен. Гал. Зим. Дворца, т. 1. Лихачевъ.).

VIII.

ПРИМѢРЫ УДАЛСТВА, СМѢЛВОСТИ И РАСПОРЯДИТЕЛЬНОСТИ.

1.

Послѣ знаменитой побѣды, одержанной Суворовымъ въ 1787 году 1-го октября подъ Кинбурномъ надъ десантными турецкими войсками, Турки долго не осмѣливались его беспокоить; но въ слѣдующемъ 1788 году, капитанъ паша появился съ флотомъ на водахъ Лимана, и съ корабельною его частию сначала сталъ на якорь противу Кинбурна, намѣреваясь вознаградить прошлогоднюю потерю возобновленіемъ замысла разорить Кинбурнь, пристань Глубокую и Херсонъ. Въ это время на Лиманѣ стояла въ разныхъ мѣстахъ наша гребная флотилія; въ числѣ многихъ судовъ, ее составлявшихъ, находился одномачтовый канонирскій боть, вооруженный на носу гаубицею, подъ командою лейтенанта Ломбарда. Этотъ офицеръ, бывши свидѣтелемъ, въ прошломъ году, какому затрудненію и опасности подвергались берега Лимана отъ блокады турецкаго флота, задумалъ такое отважное предпріятіе, ка-

кому въ исторіи военныхъ флотовъ нѣтъ примѣра: съ однимъ своимъ судномъ прогнать непріятельскій флотъ, или погибнуть, сцѣпясь съ однимъ изъ его судовъ. Пріатели его сначала принимали это за шутку; но когда увидѣли, что онъ дѣйствительно готовится на что-то отчаянное, то представляли ему, что всякій самовольный поступокъ, на химерическихъ идеяхъ основанный и безъ вѣдома начальства совершенный, повлечетъ за собою строгую отвѣтственность; однакожь Ломбардъ этимъ не убѣдился: онъ основывался на неопытности, невѣжествѣ и нравственныхъ свойствахъ непріятелей, и не размышляя много о будущей своей участи, горѣлъ нетерпѣніемъ оказать услугу отечеству.

Скрывая втайнѣ свои намѣренія, онъ, при первомъ благопріятномъ случаѣ, въ теченіе избранной имъ ночи, сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія. Бортъ и палубу своего судна и рангоутъ высмолилъ; по вантамъ привязалъ развитую осмоленную ворсу; привязалъ также въ разныхъ мѣстахъ такелажа лихтъ-кугели (*), а за кормой оставилъ, на короткомъ бакштовѣ, судовой ялъ; словомъ сказать, съ намѣреніемъ далъ своему судну совершенный видъ брандера, такъ что и самый опытный непріятель не могъ бы въ томъ усомниться. Ночью поднявъ онъ турецкій флагъ, незамѣтно вышелъ изъ-за бона, и въ самую рѣшительную минуту, предъ разсвѣтомъ, приблизился къ турецкому флоту.

Еще Чесма была въ памяти. Воображеніе видѣтъ въ приближающемся ботѣ брандеръ, на которомъ тѣже русскіе, тоже хладнокровіе, соединенное съ искусствомъ, тоже стоическое презрѣніе страданій и смерти, такъ сильно подѣйствовало на Турокъ, что они, объятые

(*) Метательный артиллерійскій снарядъ, для зажиганія корабельнаго такелажа. Нынче этотъ снарядъ не употребляется.

паническимъ страхомъ, отрубивши канаты, въ безпорядкѣ вступили подѣ паруса и бросились къ Очакову.

Еще сумракъ не совсѣмъ разрѣдился, а смятеніе дошло до высочайшей степени. Пользуясь имъ, мужественный Ломбардъ, чтобъ не дать Туркамъ опомниться и болѣе утвердить ихъ въ первой тревожной мысли, провожалъ бѣгущія непріятельскія суда ядрами и брандскугелями, стрѣляя на элевацию и около получаса нанося имъ всевозможный вредъ. Турки на стрѣльбу не отвѣчали, стараясь только уходить, и съ потерей якорей, поврежденные частью въ рангоутѣ, стали подѣ пушками Очакова на якорь.

Суворовъ, будучи тогда въ Кинбурнѣ, встревоженный пальбою, вбѣжалъ на крѣпостной валъ и спросилъ: «что это значитъ?» Ему отвѣчали, что Ломбардъ прогналъ турецкій флотъ. «Помилуй Богъ, какой великій герой!» воскликнулъ въ радости Суворовъ, и когда тотъ былъ ему представленъ, онъ сказалъ: «Ломбардъ! по военнымъ законамъ ты заслужилъ смерть; но Великая Монархиня изрекла: *«побѣдителя не судятъ!»* и объявъ его съ восхищеніемъ, надѣлъ на него орденъ Св. Георгія 4-й степени.

Это происшествіе скоро дошло до Константинополя и показалось столь оскорбительнымъ для гордости Оттоманской, что голова Ломбарда была оцѣнена.

(Сѣвер. Пчела, 1844 г. № 124).

2.

Въ началѣ Батинскаго сраженія, 1810 года, офицеры Александрійскаго гусарскаго полка собрались вокругъ своего шефа, Ланскаго, и разговаривали объ одномъ

подполковникъ, за какое-то дѣло получившемъ рѣдкое, въ такомъ чинѣ, награжденіе орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Князь Мадатовъ спросилъ: «что сдѣлать бы мнѣ для полученія Георгіевскаго креста?» Ланской показалъ ему на густую колонну турецкой конницы, выходящую въ то время изъ укрѣпленнаго лагеря, и шутя сказалъ Мадатову: «разбей ихъ!» Не медля ни минуты, испросивъ разрѣшеніе своего шефа, Мадатовъ понесся съ двумя эскадронами гусаровъ и густая колонна Турокъ была обращена въ бѣгство. Преслѣдованіе за нею прекратилось только тогда, когда лошади подъ Александрійцами стали отъ изнуренія. Разбитымъ отрядомъ предводительствовалъ Муратъ-Бей, сынъ знаменитаго Али-Паши Янинскаго. Чинъ подполковника былъ наградою подвига Мадатова подъ Батинымъ, потому что Георгіевскій крестъ прислали ему на другой день послѣ этого сраженія, за взятое имъ въ іюнѣ мѣсяцѣ орудіе.

(Воен. Гал. Зимн. Дворца, Т. 1. Мадатовъ.)

3.

15-го іюля 1812 года, подъ Витебскомъ, Графъ Орловъ-Денисовъ съ Лейбъ-Казачьимъ полкомъ и Черноморскою сотнею атаковалъ три французскіе конные полка и обратилъ ихъ въ бѣгство. Преслѣдованіе за ними такъ было быстро, что четыре лейбъ-казака вскочили на батарею, подлѣ которой стоялъ Наполеонъ. Захваченные въ плѣнъ на батареѣ, эти казаки были представлены Наполеону и по его повелѣнію угощаемы. Попировавъ, казаки отправились освѣжиться отъ жара. Сопровождаемые конвоемъ, они спустились съ высокаго

берега къ рѣкѣ; вдругъ всѣ разомъ бросились въ Двину, нырнули и, не смотря на выстрѣлы Французовъ, очутились на другой сторонѣ широкой рѣки, гдѣ явились къ своимъ начальникамъ.

(Журн. для чтен. воспит. В. У. З., № 325).

4.

Въ 1836 году, русскій отрядъ стоялъ около Геленчика. Въ это время Добь, быстрая рѣчка, сердито шумѣла въ обрывистыхъ своихъ берегахъ, какъ будто негодуя на Черкесовъ, которые переплывали черезъ нее по одиночкѣ, чтобы и себя показать и нашихъ линейцевъ посмотреть. Вотъ, одинъ изъ черкесскихъ храбрцовъ, отважнѣе другихъ, носился передъ нашими фланкерами, подскакивалъ нѣсколько разъ къ линейцамъ, выхватывалъ изъ-за плечъ свою винтовку, прицѣливался, спускалъ курокъ и вдругъ исчезалъ за оврагомъ. Казаки сердились: «что онъ бѣсовъ братъ гарцуеть. Свалимъ его, братцы!» говорили они, посматривая на своего офицера.

Офицеръ молчалъ, ожидая особаго приказанія отъ отряднаго командира, чтобы ударить разомъ въ горцевъ. Въ это время опять показался лихой наѣздникъ, снова выстрѣлилъ изъ своей винтовки и снова скрылся за оврагомъ. Казаки еще разъ взглянули на офицера, побрякивая своими пашками. Наконецъ и офицеръ потерялъ терпѣнiе. «Кто изъ васъ хочетъ схватиться съ этимъ нахаломъ?» спросилъ офицеръ у казаковъ.

Я! — раздалось въ толпѣ. Казакъ небольшого роста, съ черною окладистою бородою, съ маленькими

глазами, въ которыхъ сверкалъ огонь отваги, выскочилъ изъ толпы и молодецки осадилъ своего коня передъ офицеромъ. — «Я знаю, ваше благородіе, какъ добывать этихъ косматыхъ чертей», сказалъ онъ офицеру, и, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній, пустилъ своего коня прямо къ оврагу. Въ это время показался и черкесскій наѣздникъ. Казакъ полоснулъ своего коня нагайкою, пригнулся къ сѣдлу и, поднявъ шашку, стрѣлой понесся на врага. Черкесъ остановился, зарядилъ свою винтовку и, играя поводьями, съ презрѣніемъ посматривалъ на казака, который несся во всю конскую прыть по полянѣ. Вдругъ выстрѣлъ, — и казакъ повисъ на сѣдлѣ. «Пропалъ Егорычъ!» слышалось въ толпѣ. — «Жаль молодца!» проговорилъ офицеръ, посматривая съ сожалѣніемъ на бѣднаго казака, который висѣлъ на лошади внизъ головою.

Черкесъ подскочилъ къ своей добычѣ. И чтожь? — Казакъ вдругъ встрепенулся, вскочилъ на сѣдло, схватилъ Черкеса за бороду и сильнымъ ударомъ шашки свалилъ его съ коня. Офицеръ не вытерпѣлъ, далъ шпоры и поскакалъ къ наѣздникамъ. Казакъ хладнокровно обезоруживалъ Черкеса, держа въ поводьяхъ обѣихъ лошадей.

«Ты раненъ?» спросилъ офицеръ казака.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! весело отвѣчалъ Егорычъ. Я только потѣшилъ басурмана, чтобъ легче схватить его. Въ другой разъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Черкесу, который, сказать мимоходомъ, не понималъ ни одного слова по-русски, — когда придется тебѣ стрѣлять, то смотри, дуралей, куда летитъ пуля, а на воздухъ пороха не трать.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., № 42).

5.

Въ 1834 году, Оренбургскаго войска заурядъ сотникъ Богдановъ поѣхалъ съ однимъ казачьимъ малолѣткомъ верхами за своимъ дѣломъ куда-то по сосѣдству и увидѣлъ изъ далека четырехъ человекъ, притаившихся въ оврагѣ; присмотрѣвшись внимательно, онъ призналъ ихъ за Киргизовъ, которые пробрались на нашу сторону, чтобы когонибудь тайкомъ схватить въ плѣнъ, или ограбить, или угнать гдѣнибудь косячекъ лошадей. Богдановъ, будучи самъ-другъ съ однимъ только малолѣткомъ, не надѣялся одолѣть силою четырехъ человекъ, и по этому прибѣгъ къ хитрости. Высмотрѣвъ осторожно мѣсто, онъ подѣхалъ къ оврагу, гдѣ притаились Киргизы, заѣхалъ кругомъ съ другой стороны и, кинувшись вдругъ, успѣлъ отогнать у нихъ всѣхъ четырехъ лошадей, которые паслись не подалеку отъ оврага. Сдавъ на руки малолѣтку лошадей, Богдановъ кинулся съ ружьемъ на Киргизовъ, которые, потерявъ лошадей своихъ, не могли уже бѣжать и сдались всѣ четверо, кинувъ копья и чеканы свои на землю: Богдановъ привелъ ихъ въ крѣпость.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., т. 36).

6.

Вскорѣ послѣ взятія Эрзерума, 25-го іюля 1828 года, графъ Паскевичъ-Эриванскій прибылъ въ Байбургъ, и въ тотъ же день произвелъ рекогносцировку, за десять верстъ, въ виду сильныхъ непріятельскихъ ка-

рауловъ. Непрiятель, состоявшiй изъ воинственныхъ горныхъ племенъ, занималъ нѣсколько укрѣпленныхъ деревень, съ рѣшительнымъ намѣренiемъ защищаться до послѣдней крайности. 26-го числа, графъ атаковалъ главнѣйшую изъ этихъ деревень, Хартъ, гдѣ считалось до пяти сотъ каменныхъ домовъ, прикрытыхъ шанцами и башнями. Горцы были окружены и сбиты на всѣхъ пунктахъ; но наступившая ночь заставила отложить до другаго дня окончательное пораженiе непрiятеля.

На большой дорогѣ, ведущей изъ Хартъ въ горы, поставленъ былъ четвертый взводъ Донской батареи и Нижегородскiй Драгунскiй полкъ, чтобы непрiятель не могъ уйти изъ деревни въ ущелье. Ночь была такъ темна, что въ двухъ шагахъ нельзя было различить человѣка. Нѣкоторые изъ артиллеристовъ лежали около своихъ орудiй, разговаривая между собою о разныхъ предметахъ; другiе же, по врожденной казаку бдительности, бродили около орудiй, стараясь сквозь темноту ночи что нибудь высмотрѣть. Въ числѣ послѣднихъ находимся казакъ Кундюковъ, который особенно былъ неспокоенъ: то пристально всматривался онъ въ ту сторону, гдѣ лежала деревня Хартъ, то, отворотясь отъ нея, внимательно прислушивался. Наконецъ, заслышавъ какой-то шорохъ вдали, онъ вдругъ подбѣжалъ къ своему взводному командиру и просилъ позволенiя стрѣлять, доказывая, что впереди ихъ находится скрытый непрiятель. Офицеръ, недовѣря Кундюкову и опасаясь сдѣлать напрасную тревогу, не позволилъ стрѣлять. Тогда Кундюковъ, увѣренный въ своей догадкѣ, умолялъ офицера позволить ему съ товарищами встрѣтить непрiятеля хоть банниками. Офицеръ согласился, но съ тѣмъ, чтобы дѣло было сдѣлано безъ шума.

Едва Донцы получили это позволеніе, какъ вооружившись банниками, пыжевниками, пальниками и другою артиллерійскою принадлежностію, подъ предводительствомъ Кундюкова, полетѣли на встрѣчу невѣдомому, скрытому въ темнотѣ неприятелю. Раздался шумъ, гулъ, стонъ; все это мѣшалось съ русскими и мусульманскими восклицаніями, но слышнѣе всего былъ голосъ Кундюкова, кричавшаго : «бей ихъ, ребята! не давай имъ пощады!»

Не прошло десяти минутъ, какъ уже было слышно, что неприятель бросился назадъ, не сдѣлавъ, къ удивленію, ни одного выстрѣла. На мѣстѣ этой рукопашной схватки осталось тринадцать неприятельскихъ труповъ; изъ казаковъ же не было даже ни одного раненнаго. Оказалось, что это были горцы изъ Харта. Видя невозможность устоять противъ Русскихъ, они рѣшились выбраться тайкомъ въ горы, но въ темнотѣ наткнулись на орудія и Донцовъ, которые угостили ихъ банниками и пыжевниками.

(Чтеніе для солд. 1851 г., кн. 6).

7.

Въ 1807 году, во время войны съ Французами, полковника Кутейникова полкъ содержалъ цѣпь на рѣкѣ Наревѣ. Одинъ разъѣздъ этого полка примѣтилъ, что французскій конный патруль на другой сторонѣ имѣлъ обыкновеніе въ опредѣленное время дѣлать разъѣзды, возвращаться назадъ и варить себѣ пищу въ положенные часы и въ одномъ мѣстѣ : казаки достали гранату, и переправясь вплавъ черезъ рѣку, во время отсутствія неприятеля, зарыли гранату подъ пепломъ,

отверстіемъ вверхъ; сами же, отдались, дожидались въ закрытомъ мѣстѣ дѣйствія гранаты. Французы, возвратясь назадъ, развели огонь и начали готовить себѣ пищу; зола разогрѣлась, жаръ коснулся пороха и произвелъ взрывъ, убившій и ранившій многихъ. Казаки кинулись на тѣхъ, которые обратились въ бѣгство, побрали ихъ въ плѣнъ, пораженныхъ ужасомъ, переправились обратно чрезъ Нареву, и отослали плѣнныхъ къ командиру.

(Чтеніе для солдатъ 1852 г., кн. 2).

8.

25-го сентября 1810 года, въ войнѣ съ Турками, войска послѣднихъ ночью вышли изъ обложенныхъ русскимъ отрядомъ генералъ-маіора Орурга укрѣпленій при Бреговѣ, въ Сербіи, и искали спасенія въ бѣгствѣ, всюду преслѣдуемыя и поражаемыя нашими войсками. Въ это время Волынскаго Уланскаго полка рядовой Лисовскій, находясь для посылокъ у шефа полка, графа Орурга, былъ посланъ въ отдѣльно стоявшіе эскадроны полка узнать о ихъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля. Исполнивъ приказаніе и возвращаясь къ своему шефу, Лисовскій встрѣтилъ семерыхъ Турокъ, пробиравшихся кустарниками. Ни мало не колеблясь и не мѣшкая, Лисовскій смѣло и рѣшительно бросился на нихъ и первыхъ встрѣтившихся началъ рубить саблею, крича, между тѣмъ, такъ, какъ будто звалъ находившихся вблизи своихъ товарищей. Турки, и безъ того, при бѣгствѣ изъ укрѣпленій, объятые страхомъ, такъ были изумлены и уstraшены внезапнымъ и быстрымъ нападеніемъ Лисовскаго, что почли

себя уже во власти превосходнаго числа Русскихъ и просили пощады. Лисовскій приказалъ имъ, на молдавскомъ языкѣ, бросить оружіе и слѣдовать за нимъ, и такимъ образомъ привелъ ихъ въ нашъ лагерь. Взятая у нихъ оружіе и лошади были отданы Лисовскому, а Государь Императоръ Александръ Павловичъ повелѣлъ произвести его въ унтеръ-офицеры, наградить знакомъ отличія военнаго ордена и обнародовать его подвигъ.

(Воен. журн. 1818 г., кн. 4).

9.

Когда крѣпость Варна, въ 1828 году, послѣ осады нашими войсками, принуждена была сдаться, Государь Императоръ, личный свидѣтель осады, послалъ для переговоровъ съ капуданъ-пашею, защищавшимъ крѣпость, и для условій о времени вступленія въ Варну нашихъ войскъ, П. И. Ушакова. На всѣ настоянія его опредѣлить часъ сдачи, паша отвѣчалъ однимъ и тѣмъ же : «я уже далъ слово сдать крѣпость, а часомъ ранѣе, или часомъ позже, все равно.» Не видя конца переговорамъ и получивъ отъ графа Воронцова извѣстіе о Высочайшей волѣ, чтобы войска наши скорѣе заняли крѣпость, Ушаковъ отдалъ тайно одному изъ бывшихъ при немъ адъютантовъ приказаніе вводить войска въ Варну чрезъ брешь, безъ малѣйшаго шума. На вопросъ извѣщеннаго о томъ капудана-паши : «что это значитъ?» Ушаковъ отвѣчалъ его же словами : «войска заняли крѣпость; а часомъ прежде, или часомъ позже — все равно».

(Воен. Гал. Зинн. Дворца, Т. 5. Ушаковъ.)

10.

Во время зимняго похода, въ 1837 году, по льду Каспійскаго моря на восточный берегъ его, на полуостровъ Бузачи, русскій отрядъ подошелъ къ огромной полыньѣ. Казаки поскакали вверхъ и внизъ, чтобы осмотрѣть, гдѣ полынья оканчивается, но конца ей не было видно, а потому и обойти ее не было никакой возможности. Оставалось одно средство—переправиться; но на чемъ? Лодокъ при отрядѣ не было, а для постройки парома нужно было дерево, котораго подъ руками не находилось. Препятствіе казалось не преодолимымъ, но находчивость не разъ выручала изъ бѣды русскаго солдата. Потолковавъ не много межъ собою, казаки откололи льдину въ 10 сажений, установили на ней орудія, связали арканы въ одну веревку, и одинъ конецъ ея привязали къ матерому льду, а другой взяли съ собой на ледяной паромъ; потомъ отвалили, перебрались кой-какъ на другой берегъ льда, гребя пиками вмѣсто веселъ, вытянули и привязали веревку на другомъ берегу и паромъ пошелъ ходить спокойно взадъ и впередъ по канату. Весь отрядъ съ лошадьми и обозомъ переправился въ нѣсколько часовъ и пошелъ своимъ путемъ дальше.

(Журналъ для чтенія воспнт. В. У. З., т. 43, кн. 170).

11.

Передъ сраженіемъ при Елисаветполѣ, 1826 года, когда Персіяне, ободраемые многолюдствомъ своимъ,

подвигались впередъ, обхватывая полукругомъ малочисленный отрядъ Паскевича. Князь Мадатовъ, находившійся въ этомъ отрядѣ, объѣзжалъ первую линію свою и привѣтствовалъ воиновъ: «Ребята!» говорилъ онъ солдатамъ: «не жалѣйте пролить крови за Государя!» Подѣзжая къ казакамъ, онъ сказалъ: «Держитесь часть, и непріятель побѣжитъ». Пѣхоту, которая, по его приказанію, сбросивъ ранцы, рвалась впередъ, удерживалъ онъ словами: «Стой! подпускай Персіянина! ему труднѣе будетъ уходить». Ближе и ближе подходили Персіяне и открыли огонь. Наши не трогались. Изумленный такою неподвижностію, непріятель медленнѣе сталъ подаваться къ намъ; но когда уже разстояніе ста шаговъ отдѣляло его отъ насъ, князь Мадатовъ скомандовалъ : «впередъ! ура!» Съ этимъ кликомъ побѣды, повтореннымъ первою линією, бросились воины за любимымъ вождемъ, штыками проложили себѣ путь въ средину персидскихъ баталіоновъ и разбросали ихъ въ стороны. Разсѣянные Персіяне побѣжали; артиллерія ихъ, боясь приближенія русской пѣхоты, умолкла, и поспѣшно отступила.

(Воен. Газ. Эм. Дворца, т. 1. Мадатовъ).

12.

Въ 1812 году, за два дня до славнаго Бородинскаго сраженія, передовыя русскія войска заняли позицію у деревни Шевардиной, гдѣ былъ построенъ редутъ, съ тою цѣлю, чтобы по возможности замедлить наступленіе непріятеля и тѣмъ выиграть время для приготовленія къ упорной оборонѣ на главной позиціи—при Бородинѣ. Защита редута была ввѣрена генералу князю Горчакову.

Когда французская армія стала подходить къ Боро-

диву, Горчаковъ, атакованный всею кавалеріею Мюрата и дивизіею Кампана, которыхъ безпрестанно подкрѣпляли новыя силы, вынужденъ былъ просить помощи. Принцъ Карлъ Мекленбургскій и графъ Воронцовъ явились съ своими гренадерами на подкрѣпленіе. Три важные пункта были угрожаемы непріателемъ: дѣсь, въ лѣво отъ Шевардина, самый редуть и дорога къ деревнѣ Семеновской. Горчаковъ усилилъ каждый изъ этихъ пунктовъ однимъ полкомъ и утѣшался мыслію, что успеетъ удержать натискъ непріателя до наступленія ночи. Но уже стало смеркаться, а ожесточеніе Французовъ увеличивалось съ возрастающимъ мракомъ ночи. Уже было совершенно темно, какъ вдругъ послышался конскій топотъ тяжелыхъ кавалерійскихъ массъ, направлявшихся къ интервалу, отдѣляющему Шеварино отъ Семеновской. Въ самомъ дѣлѣ, непріатель, пользуясь темнотою ночи, шелъ на проломъ, чтобы сбить съ позиціи Горчакова и отрѣзать его отъ главной арміи. Что предпринять въ такихъ обстоятельствахъ? У него былъ въ резервѣ всего одинъ баталіонъ Одесскаго пѣхотнаго полка, который, послѣ всѣхъ уроновъ, претерпѣнныхъ съ начала кампаніи, не имѣлъ въ рядахъ своихъ болѣе 250-ти человекъ на лицо; Кирасирскую же дивизію Дука Горчаковъ поставилъ внѣ выстрѣловъ, чтобы оградить эту отборную кавалерію отъ убійственнаго огня Французской артиллеріи. Минута была критическая, погибель неминуемая! Въ этой крайности, Горчакову пришла мысль остановить Французовъ хитростію. Пользуясь темнотою ночи, онъ приказалъ баталіону Одесскаго полка ударить походъ и кричать *ура!*, не трогаясь съ мѣста, и ни подъ какимъ предлогомъ не завязывать дѣла. Выбѣстъ съ тѣмъ, онъ послалъ приказаніе, чтобы кирасиры неслись на рысяхъ. Французы, изумленные

внезапно раздавшимися криками *ура!*, сопровождаемыми не умолкаемым боем барабана, приостановились, не зная откуда эти крики, этот шумъ и откуда нападаетъ невидимый непріятель, котораго скрываетъ ночная темнота. Колебаніе непріятели еще продолжилось отъ неподвижности баталіона, которому запрещено было трогаться съ мѣста. Горчаковъ только того и желалъ; онъ остановилъ непріятели на сколько было нужно, чтобы дать время кирасирамъ подоспѣть къ бою. Когда приблизилась наша конница, баталіонъ пропустилъ ее, и четыре кирасирскіе полка, бросившись стремглавъ въ атаку, опрокинули четырехтысячную непріятельскую кавалерію, смяли ее и отбили пять орудій. Такимъ образомъ Шевардинскій редутъ былъ защищенъ и цѣль, для которой онъ былъ устроенъ, достигнута.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., Т. 63).

13.

Бѣдовой легкой № 6-го батареи 9-й полевой артиллерійской бригады, Алексѣй Дмитріевъ, во время сраженія 28-го іюня 1849 года, подъ крѣпостію Коморномъ, былъ оставленъ въ началѣ дѣла, за болѣзнію, при запасномъ лафетѣ; но почувствовавъ вскорѣ облегченіе, онъ отправился отыскивать своихъ сослуживцевъ, и, сбившись съ пути, попалъ на австрійскую батарею, которая, находясь въ сильномъ огнѣ, потеряла уже много прислуги. Замѣтивъ, что эта батарея нуждалась въ артиллеристахъ, Алексѣй Дмитріевъ выпросилъ у австрійскаго генерала Бенедека позволеніе дѣйствовать при орудіяхъ, принадлежавшихъ его бригадѣ, и сдѣлалъ такіе удачные два первые выстрѣла изъ порученной ему 12-ти фунтовой пушки, что отъ нихъ взорвало непріятельскій зарядный ящикъ и подбило

одно орудіе. Генераль Бенедекъ тотчасъ далъ ему въ награду 20 гульденовъ и представилъ къ золотой медали.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе о поступкѣ Алексѣя Дмитріева, Высочайше соизволилъ пожаловать ему знакъ отличія военного ордена и 10 рубл. серебромъ.

(Р. И. 1849 г.)

14.

Въ войну противъ мятежныхъ Венгровъ, для неотступнаго преслѣдованія инсургентовъ, потянувшихся послѣ дѣла при Вайценѣ въ горы, подъ предводительствомъ Гёрги, былъ назначенъ конной артиллеріи полковникъ Хрулевъ съ летучимъ отрядомъ изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи, одной сотни казаковъ и двухъ конныхъ орудій.

Выступивъ 8-го іюля, въ 8 часовъ утра, съ ночлега при деревнѣ Галати, полковникъ Хрулевъ приблизился къ городу Лозоичъ, гдѣ нашелъ непріятеля въ большихъ силахъ. Пользуясь мѣстностію, онъ искусно расположилъ свой отрядъ, дабы скрыть малочисленность его отъ мятежниковъ, выдвинувшихъ противъ него батарею, подъ прикрытіемъ 3-хъ эскадроновъ гусаръ. За городомъ былъ видѣнъ большой лагерь. Находясь передъ сильнымъ непріятелемъ, вдали отъ подкрѣпленія, Хрулевъ не потерялъ присутствія духа. Онъ немедленно послалъ состоящаго при немъ подпоручика Ридигера съ трубачемъ вызвать начальника передовыхъ непріятельскихъ постовъ и объявить ему отъ имени генераль-фельдмаршала, чтобы мятежники положили оружіе, иначе онъ атакуетъ ихъ. На парламента нашего наскakало 12 офицеровъ съ обнаженными саблями; но, послѣ перваго объясненія, мятежники

объявили, что имъ необходимо полчаса времени, чтобы извѣстить генерала своего, находившагося въ городѣ. Получивъ этотъ неудовлетворительный отвѣтъ, Хрулевъ потребовалъ, чтобы наши два офицера были отправлены къ Гёрги, обѣщая до возвращенія ихъ не дѣлать нападенія. Офицеры наши (штабсъ-Ротмистръ Котляревъ и подпоручикъ Ридигеръ) тотчасъ же отправлены были въ г. Лозичъ къ начальнику авангарда мятежниковъ, и получили отъ него пропускъ къ Гёрги въ м. Римо-Шомботъ. Парламентеровъ нашихъ везли туда въ коляскѣ, съ завязанными глазами, но оказывали имъ особенное вниманіе и угощали ихъ. Послѣ отправленія парламентеровъ, желая еще болѣе скрыть свое затруднительное положеніе, Хрулевъ предложилъ мятежникамъ перемиріе до объясненія Гёрги, но въ тоже время потребовалъ, чтобы къ сумеркамъ не только резервы, но и пикеты непріятельскіе были отведены за городъ, дозволяя оставить у заставы только взводъ гусаръ. Это предложеніе было принято. Ночью въ отрядѣ нашемъ разложены большіе огни; но какъ заблужденіе мятежниковъ не могло продолжаться долѣе, а между тѣмъ помощь была отдалена, то Хрулевъ рано утромъ поспѣшилъ отправить назадъ бывшія съ нимъ два орудія, подъ прикрытіемъ одного эскадрона, а самъ остался на позиціи съ другимъ эскадрономъ и сотнею казаковъ.

Парламентеры наши видѣли Гёрги и лично объяснились съ нимъ, настаивая, чтобы непріятель положилъ оружіе. Гёрги, подозрѣвая хитрость, шутилъ съ ними; ибо у него еще было 4,000 конницы. Но какъ и ему было дорого выиграть время, то, незавязывая дѣла, онъ только продержалъ нашихъ посланныхъ и поручилъ передать Хрулеву, что считаетъ его очень дерзкимъ. Въ разговорахъ этихъ, начальникъ инсур-

гентовъ коснулся даже личнаго своего положенія въ то время, и объявилъ, что самъ будетъ писать къ генералъ-фельдмаршалу.

Такимъ образомъ находчивость полковника Хрулева исполнѣ удалась; онъ, можно сказать, былъ окруженъ непріателемъ, но спасъ отрядъ единственно тѣмъ, что сохранилъ присутствіе духа и необходимое въ такихъ случаяхъ хладнокровіе. Малочисленность нашихъ войскъ открыта была уже тогда, когда мятежники были въ полномъ отступленіи, оставя за собою небольшой пикетъ.

Въ ту же минуту показался генералъ-лейтенантъ Засъ съ отрядомъ; непріатель, увидѣвъ у насъ новыя войска, началъ отступать еще быстрѣе.

(Чт. для солд., 1849. г.)

IX.

ПРИМѢРЫ ЧЕСТНОСТИ И БЕЗКОРЫСТІЯ.

1.

Въ 1805 году, полковой кузнецъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, увидѣвъ, что непріятель приближается къ пороховымъ ящикамъ, отстоявшимъ довольно далеко отъ полка, проворно сѣлъ на одинъ изъ ящиковъ и уѣхалъ въ ближайшій лѣсъ. Тамъ онъ разломалъ ящикъ, и хотѣлъ истребить порохъ, чтобы онъ не достался непріятелю, но къ удивленію своему увидѣлъ нѣсколько тысячъ рублей полковыхъ денегъ и дорогой цѣны брилліантовые знаки ордена Св. Анны 1-й степени. Кузнецъ все это поспѣшно спряталъ къ себѣ и не являлся нѣсколько дней. Въ полку думали, что ящикъ взятъ непріателемъ. Вдругъ пришелъ кузнецъ и принесть въ цѣлости все положенное въ ящикѣ. Командиръ полка, уважая безкорыстіе и честность его, наградилъ кузнеца сотнею червонцевъ.

(Р. И., 1845 г.)

2.

Въ концѣ 1809 года, возвратившійся изъ плѣна отъ Шведовъ Пермскаго мушкетерскаго полка рядовой Ава-

насей Дороховъ представилъ Абовскому коменданту, полковнику Ставракову, артельныхъ денегъ 200 рублей ассигнаціями, и принадлежавшихъ подпоручику Куроѣдову 2 червонца и два рубля серебромъ, которые были ввѣрены ему отъ роты, и которые онъ въ цѣлости сохранилъ въ плѣну.

Въ приказѣ бывшаго тогда военнаго министра отъ 21-го февраля 1810 года, которымъ объявлено по армии о безкорыстїи, вѣрности и примѣрномъ поступкѣ рядоваго Дорохова, присовокуплено, что Государю Императору весьма прїятно было усмотрѣть новый опытъ нравственной правоты и честности, издревле укоренившихся въ вѣрныхъ его подданныхъ, и благоугодно было Всемиловивѣйше повелѣть: артельные деньги отослать въ Пермскій мушкатерскій полкъ; рядовому же Дорохову выдать изъ кабинета Его Величества въ награду 300 рублей ассигнаціями.

(Р. И., 1830 г.)

3.

Въ 1818 году, между Новгородомъ и С.-Петербургомъ былъ разграбленъ обозъ купца Солодовникова, съ серебромъ, тысячъ на двѣсти. Казаки лейбъ-гвардіи Уральской сотни были отряжены для поимки разбойниковъ. Урядникъ Герасимовъ, увидавъ двоихъ, кинулся на нихъ, а потомъ погнался за однимъ, который держалъ въ рукахъ пистолетъ. Когда Герасимовъ догналъ разбойника, то этотъ, выстрѣливъ по немъ, не попалъ, и ухватился было за саблю; но зная, что казака силою неодолеетъ, кинулъ ему мѣшокъ серебра, а самъ думалъ ускакать. Герасимовъ могъ бы унести и спрятать мѣшокъ серебра, и отпустить разбойника; свидѣтелей не было, донести некому; но онъ пом-

нилъ присягу и боялся Бога; поймалъ разбойника и представилъ его начальству, вмѣстѣ съ деньгами. За это Государь повелѣлъ выдать Герасимову двѣ тысячи рублей, или произвести его въ офицеры, какъ самъ пожелаетъ. Герасимовъ испросилъ себѣ чинъ.

(Жур. для чт. восп. В. У. З., Т. 36).

4.

Въ сентябрѣ 1848 года, былъ потерянъ на дорогѣ чемоданъ съ корреспонденціею, отправленный изъ Бахмута въ Харьковъ. Чемоданъ этотъ найденъ возвращавшимся изъ командировки къ своему посту рядовымъ Оренбургскаго уланскаго полка Павломъ Преснымъ и представленъ имъ своему начальству. По осмотрѣ чемодана почтовымъ начальствомъ, все заключавшееся въ немъ вложено на 8073 рубля 66³/₄ коп. серебромъ оказалось въ цѣлости. Главноначальствующій надъ Почтовымъ департаментомъ, по полученіи о семъ донесенія, входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ о награжденіи рядоваго Преснаго за похвальный его поступокъ. Государь Императоръ, по положенію Комитета, повелѣтъ соизволилъ: выдать этому рядовому, на основаніи положенія объ устройствѣ почтовой части, 807 рублей 36¹/₂ коп. серебромъ, т. е. по 10 коп. съ рубля заключавшихся въ чемоданѣ денегъ, изъ почтовыхъ доходовъ, на счетъ государственнаго казначейства.

(Чтеніе для солд., 1849 г., Кн. 6.)

5.

1812 года, 8-го октября, въ сраженіи съ Французами при Ушачѣ, былъ взятъ въ плѣнъ 2-го Егерскаго пол-

ка рядовой Фаддей Ивановъ и, находясь въ рукахъ непріятеля, нашель случай бѣжать. Явившись въ полкъ, онъ представилъ бывшія у него артельныя деньги всѣ въ цѣлости.

За такой честный и примѣрный поступокъ Фаддея Иванова, оправдавшаго вполнѣ довѣріе, сдѣланное ему товарищами выборомъ его въ артельщики, Главнокомандующій приказаль произвести его въ унтеръ-офицеры и, сверхъ того, наградить выдачею семидесяти пяти рублей изъ экстраординарной суммы.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., т. 49).

Х.

ПРИМѢРЫ СЫНОВНЕЙ И РОДСТВЕННОЙ ЛЮБВИ.

1.

Александръ Ильичъ Бибиковъ былъ одинъ изъ искуснѣйшихъ генераловъ, и вообще изъ замѣчательнѣйшихъ мужей, окружавшихъ престолъ Екатерины II. Въ жизни его особенно одна черта даетъ понятіе объ его характерѣ. Когда онъ, по порученію Императрицы Екатерины, въ 1764 г. усмирилъ бунтъ, бывшій въ Сибирскихъ и Оренбургскихъ заводахъ, то въ награду ему была назначена звѣзда Александра Невскаго. Кто не желаетъ почестей? Можетъ быть и Бибиковъ любилъ ихъ; но онъ еще болѣе любилъ отца своего. Илья Александровичъ, почти уже 70-ти-лѣтній старикъ, доживалъ свой вѣкъ въ отставкѣ. Онъ въ свое время былъ также превосходный генералъ и получилъ разныя почетныя отличія, но не имѣлъ ордена Александра Невскаго. Почтительный сынъ не захотѣлъ воспользоваться, наградою, которая возвысила бы его надъ престарѣлымъ родителемъ, и когда Государыня уже готова была возложить на него орденскіе знаки, онъ сталъ умолять Ее, чтобы эта почесть перенесена была на заслуженнаго старца. Долго Екатерина не согла-

шалась на такую необыкновенную просьбу; но наконец уступила, и на отца Бибикова надѣла орденъ, заслуженный его сыномъ. Поддерживая родителя во время трогательной сцены, что долженъ былъ чувствовать великодушный виновникъ ея? Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ опять пашель случай отличиться, именно въ Польшѣ, и на этотъ разъ уже не имѣлъ причины отказываться отъ пожалованнаго ему вторично ордена Александра Невского. Отецъ его былъ еще живъ.

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З., т. 54).

2.

Послѣ побѣды Русскихъ надъ Шведами подъ Оравайсомъ, начальствовавшій надъ отрядомъ графъ Каменскій намѣренъ былъ представить полковника Кульнева, за важное содѣйствіе его въ побѣдѣ, къ наградѣ генераль-маіорскимъ чиномъ. Кульневъ просилъ замѣнить чинъ генеральскій денежною наградою. Императоръ Александръ пожаловалъ ему орденъ Св. Георгія 3-го класса и 5,000 рублей. Кульневъ не оставилъ себѣ ни копѣйки, а отослалъ всѣ 5,000 рублей своей бѣдной матери. Извѣщая брата своего о щедротахъ Александра, Кульневъ писалъ ему : «за Богомъ молитва, за Государемъ служба не пропадетъ! Какая служба была несчастіе моею? Теперь все перемѣнилось, и я довольнѣйшій изъ смертныхъ своею участію.»

Получивъ передъ открытіемъ отечественной войны аренду въ тысячу рублей ежегоднаго дохода на 12 лѣтъ, Кульневъ отдалъ ихъ въ приданое малолѣтней племянницѣ; и, при отступленіи къ берегамъ Двины, писалъ къ брату: «Если я паду отъ меча непріятельскаго, то паду славно, почитая счастіемъ послѣднюю

каплею крови жертвовать защитѣ Отечества. Возлагаю всегда упованіе на Всевышняго Творца и на грудь нашу. Мы будемъ стоять, какъ крѣпкія каменные стѣны, за наше любезное отечество. Молись за меня Богу! Герой, служащій отечеству, никогда не умираетъ и оживаетъ въ потомствѣ.»

(Воен. Газ. Зимн. Дворца, т. 1. Кульневъ).

3.

Однажды, къ князю Багратиону принесъ одинъ солдатъ пять червонныхъ: «эти деньги достались мнѣ при раздѣлѣ добычи. Сдѣлайте милость, ваше сіятельство, прикажите ихъ отправить къ родителямъ моимъ въ Нижегородскую губернію.» Князь Багратионъ тотчасъ же исполнилъ желаніе солдата и донесъ объ этомъ поступкѣ Суворову. Суворовъ велѣлъ позвать его къ себѣ и, разцѣловавъ его, сказалъ: «спасибо тебѣ, христіанинъ, что ты помнишь заповѣдь Божию: *чти отца твоего и мать твою.*» Потомъ Суворовъ распрашивалъ о его службѣ и, узнавъ, что онъ былъ съ нимъ въ Турецкихъ и Польскихъ походахъ, вскричалъ: «Давай мнѣ за него дюжину рекрутъ! нѣтъ мало; и сотни не возьму! Поздравляю тебя унтеромъ!»—Благодарю, ваше сіятельство, отвѣчалъ солдатъ:—я неграмотный, служилъ рядовымъ, прикажите мнѣ умереть въ рядовыхъ.»—Тутъ Суворовъ обратился къ генераламъ, и съ гордостію сказалъ: «гдѣ это услышишь?»

(Журн. для чтенія воспит. В. У. З.).

4.

Унтеръ-офицеръ Готовъ, прослуживъ 22 года въ гвардейской артиллеріи, вышелъ въ отставку и дѣлалъ

въ С.-Петербургѣ кивера. Занимаясь мастерствомъ своимъ съ умомъ и расчетомъ нѣсколько лѣтъ неутомимо, онъ мало по малу успѣлъ составить себѣ хорошее состояніе и купить домъ. Въ 1835 году, Глотовъ приходитъ къ помѣщику М., владѣльцу деревни Бутурлинки (мѣста его родины) и, объяснивъ ему свое происхожденіе, просить сказать, сколько человѣкъ, и кто именно изъ родныхъ его, находится въ живыхъ въ Бутурлинкѣ. Владѣлецъ беретъ ревизскія сказки, находитъ семейство Глотова и объявляетъ ему, что родныхъ у него всего 12 душъ мужскаго пола и 18 женскаго. Отставной унтеръ-офицеръ съ слезами на глазахъ умоляетъ помѣщика продать ему всѣхъ его родныхъ. На это замѣчаютъ ему, что онъ не имѣетъ права приобрѣтать крестьянъ, но если хочетъ видѣть родственниковъ своихъ свободными отъ власти помѣщика, то послѣдній согласенъ отпустить на волю всѣ 28 душъ. Свѣтлая радость блеснула на лицѣ Глотова: онъ вынимаетъ изъ кармана кипу ассигнацій, отсчитываетъ за выкупъ деньги и получаетъ отпускныя всѣмъ своимъ родственникамъ. На другой день владѣлецъ Бутурлинки призываетъ къ себѣ Глотова и говоритъ ему, что въ одномъ изъ откупленныхъ имъ семействъ есть приемышь, 14-ти лѣтній мальчикъ, котораго отпустить даромъ онъ, по недостаточному своему состоянію, не можетъ; оставить же въ деревнѣ бобылемъ—жалъ: будутъ плакаться добрые воспитатели. «О чемъ же думать, Ваше Высокоблагородіе?» сказалъ тогда Глотовъ: «Богъ благословилъ меня состояніемъ за труды мои; пусть и приемышь добрыхъ моихъ родственниковъ будетъ на волѣ вмѣстѣ съ ними: я всѣмъ имъ найду средства къ жизни»—и разложилъ передъ г. М. пять новенькихъ сотенныхъ ассигнацій.

«Но съ этимъ какъ быть», продолжаетъ помѣщикъ:

«вотъ другой твой родственникъ женатъ на внукѣ одинокаго 53-хъ-лѣтняго старика и поступилъ къ нему во дворъ, для поддержанія дома. При комъ теперь старикъ останется?» «Если дѣлать добро, такъ дѣлать вполнѣ», сказалъ Готовъ, и вынулъ еще 500 рублей!— Такимъ образомъ унтеръ-офицеръ Готовъ употребилъ на выкупъ своей семьи 15,000 рубл.! Этимъ благороднымъ поступкомъ онъ заслужилъ всеобщее уваженіе на землѣ и вѣчную награду на небесахъ.

(Съверн. Пчела, 1835 г., № 143).

XI.

ПРИМѢРЫ ДОБРОТЫ, ВЕЛИКОДУШІЯ И МИЛОСЕРДІЯ КЪ ВРАГАМЪ.

1.

Когда войска союзниковъ проходили, въ 1813 году, по каменистымъ и труднымъ мѣстамъ Турингенскихъ лѣсовъ, одинъ изъ новонабранныхъ прусскихъ солдатъ, истоптавшій сапоги свои, отсталъ отъ полка, и сидя при дорогѣ, жаловался, что ноги его опухли и онъ не можетъ идти далѣе и нагнать своихъ, безъ обуви. Въ это время проходилъ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ; одинъ изъ рядовыхъ, не выходя изъ строя, бросилъ мимоходомъ прусскому солдату новые сапоги, которые висѣли у него на тесахъ. Это случилось ночью, при слабомъ сіяніи луны, едва освѣщавшей темноту лѣса. Многіе изъ офицеровъ видѣли благотвореніе; всѣ были свидѣтелями признательности облагодетельнаго, но никто не могъ найти благотворителя. Подаяніе сдѣлано такъ неожиданно и такъ поспѣшно, что никакъ нельзя было замѣтить подавшаго. Напрасно полковой командиръ, разыскивая на другой день, вызывалъ достойнаго солдата, желая сдѣлать ему приличное награжденіе. Скромный и добросердечный воинъ не захотѣлъ сдѣлать благороднаго поступка своего гласнымъ и неявился по вызову.

(Жур. для чтен. восп. В. У. З., № 77).

2.

Въ 1805 году, егеръ 8-го Егерскаго полка Рябининъ, оставъ отъ другихъ во время розсыпи между кустами, для удержанія непріятельскихъ конныхъ егерей, увидалъ, что трое Французовъ погибають въ болотѣ, кинулся къ нимъ на помощь и успѣлъ спасти ихъ. Неблагодарные, вмѣсто награды, бросились на своего избавителя. Егеръ, обороняясь, двоихъ ранилъ, а третьяго бросилъ въ болото; но прійдя въ себя, вторично вытащилъ Француза изъ болота, и всѣхъ троихъ сдалъ наскакавшему на него непріятельскому пикету, который почтилъ великодушнаго героя, и отпустилъ его къ своему полку.

(Р. И., 1837 г.).

3.

Во время Наваринской битвы, при самомъ сильномъ ожесточеніи противъ невѣрныхъ враговъ, наши матросы бросали концы утопавшимъ Туркамъ и такимъ образомъ спасали многихъ отъ неизбежной смерти. Одинъ изъ офицеровъ, бывший подлѣ адмирала Гейдена съ рупоромъ въ рукахъ, обратилъ на это его вниманіе. Тронутый такимъ рѣдкимъ человѣколюбіемъ, адмиралъ бросился обнимать офицера и воскликнулъ: «Да, да! это славно! Прекрасно! Молодцы наши матросы! Они столькоже добры, сколько и храбры.»

(Р. И.).

4.

Во время осады русскими войсками г. Данцига, защищавшій эту крѣпость французскій генералъ Раппъ,

нуждаясь въ продовольствіи, выслалъ изъ крѣпости всѣхъ воспитанниковъ тамошняго сиротскаго училища и множество бѣдныхъ жителей разнаго званія и пола. Несчастные, съ одной стороны прогнанные за французскую цѣпь, а съ другой не пропускаемые чрезъ русскія передовыя цѣпи, двое сутки оставались подъ открытымъ небомъ, терпя голодъ и холодъ. Командовавшій русскимъ отрядомъ генералъ Левизъ, движимый состраданіемъ къ несчастнымъ, принялъ ихъ подъ свое покровительство. Въ послѣдствіи, жители Данцига и окрестностей прислали Левизу, съ дозволенія Короля Прусскаго, благодарственный адресъ за челоуѣколюбивыя его дѣйствія и за мирное квартированіе ввѣренныхъ ему войскъ подъ Данцигомъ.

(Воен. Гал. Зим. Дворца, т. 5. Левизъ).

5.

Въ 1708 году, князь Репнинъ, за неудачныя распоряженія свои въ дѣлѣ съ Карломъ XII при м. Головинѣ, былъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты. 28-го сентября того же года, личный врагъ его, князь Михайлъ Михайловичъ Голицынъ, предводительствуя центромъ подъ Лѣснымъ, покрылъ себя безсмертною славою. Петръ Великій разцѣловалъ его на мѣстѣ битвы, пожаловалъ ему портретъ свой, осыпанный брилліантами, чинъ генералъ-поручика и предоставилъ просить еще чего пожелаетъ. Доблестный герой воспользовался этимъ случаемъ. «Прости Репнина!» сказалъ онъ. Удивленный такимъ великодушіемъ Голицина, Петръ Великій уважилъ ходатайство его и пожаловалъ еще князю Михаилу Михайловичу восемь сотъ крестьянскихъ дворовъ.

(Біограф. Рос. Генералиссимусовъ и проч., т. 1-й).

6.

Въ 1770 году, князь Репнинъ взялъ крѣпость Ки-
лію. Узнавъ, что Турки терпятъ недостатокъ въ ско-
тѣ, побѣдитель, движимый чувствомъ милосердія къ
побѣжденнымъ, отправилъ имъ сто барановъ, прика-
залъ двумъ лекарямъ перевязать раны мусульманъ,
находившихся въ крѣпости, и переправивъ черезъ Ду-
най четырехтысячный гарнизонъ, положившій оружіе,
дозволилъ ему взять имущество. Многіе Турки, пора-
женные столь удивительнымъ челоуѣколюбіемъ, пали
предъ нимъ на колѣна, проливая слезы благодарности
и поклялись не сражаться болѣе съ Русскими.

(Биограф. Рос. Генералиссимус. и проч., т. 1-й).

7.

Въ 1828 году, Ахальцыхъ былъ въ пламени и ночь
прекратила бой; женщины тысячами сбѣжали къ
нашимъ батареямъ. Никто не сдѣлалъ имъ ни малѣй-
шаго оскорбленія. Толпа женщинъ и дѣтей, отпра-
вленная подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ солдатъ изъ
города, поднималась на крутую гору; двое или трое
дѣтей не могли слѣдовать за своею матерью и непре-
станно отставали. Одинъ изъ солдатъ неоднократно
собиралъ малютокъ и, наконецъ, видя сокрушеніе ма-
тери, боявшейся лишиться ихъ, взялъ дѣтей къ себѣ
на руки, и не смотря на собственное изнеможеніе,
взнесъ на гору.

(Опис. Турецк. войны, Лукьяновича).

8.

Донскаго войска сотникъ Бѣлоусовичъ былъ съ полкомъ, въ 1829 году, подъ Шумлой, когда велѣно было сбить непріятельскихъ фуражировъ. Драка пошла рассыпная, одиночная, и сотникъ, какъ хорошій, добронный казакъ, славно работалъ въ этомъ дѣлѣ и чловѣкъ двухъ или трехъ срубилъ лично. Подъ конецъ и самъ онъ былъ раненъ изъ пистолета пулею въ ладонь на вылетъ; покончивъ все и воротившись въ станъ, поѣхалъ онъ въ подвижной госпиталь главной квартиры, на перевязку. Въ тоже время привели туда и раненныхъ Турокъ. Перевязавшись, Бѣлоусовичъ заглянулъ мимоходомъ подъ наметъ, гдѣ сидѣли раненные Турки, и узналъ того самаго, съ которымъ онъ дрался, и котораго онъ ранилъ въ голову саблею и сбилъ съ лошади. Бѣлоусовичъ обрадовался ему, какъ старому пріятелю, и тотъ узналъ его и кланялся ему низко. Сотникъ вынулъ изъ кармана двугривенный и подалъ раненному.

(Учебн. книга для чтен. Военн. кантонист.)

9.

Многіе изъ Турокъ, изумленные храбростію Русскихъ во время штурма крѣпости Варны, въ 1828 году, въ первыя минуты страха заперлись въ домахъ, стрѣляя изъ-за каменныхъ оградъ по нашимъ солдатамъ. Однимъ изъ выстрѣловъ былъ убитъ русскій офицеръ, командовавшій небольшимъ отрядомъ. Въ одно мгновеніе, двери дома, откуда былъ сдѣланъ выстрѣлъ, выбиты прикладами. Солдаты ворвались въ домъ, гдѣ нашли стараго Турка, равнодушно ожидавшаго неизбѣжной

смерти. Его окружала толпа женщинъ, вопившихъ отъ ужаса. Уже штыки сверкали надъ несчастными, когда одна изъ Турчанокъ, отъ страха ли, или желая показать, что она не магометанка, начала креститься; ея примѣру послѣдовали всѣ другія. При видѣ крестнаго знаменія, руки солдатъ опустились. «Стой братцы, стой, не коли!» закричалъ одинъ изъ гренадеровъ: «развѣ не видите, что онѣ не басурманки, а такія же, какъ мы, православныя?» При этихъ словахъ, солдаты вышли изъ дома, не сдѣлавши ни малѣйшаго оскорбленія семейству, погруженному въ отчаяніе.

(Описаніе Турецк. войны, Лукьяновича).

10.

Въ бытность свою въ Варшавѣ, въ 1813 году, генераль Дохтуровъ щедро давалъ деньги вдовамъ, сиротамъ, нищимъ. Когда замѣтили ему, что довольно было бы гораздо меньшихъ раздачъ, и мелкихъ ассигнацій вмѣсто крупныхъ, Дохтуровъ добродушно отвѣчалъ: «Мелкихъ ассигнацій у меня нѣтъ теперь.» — «Но ихъ можно намѣнять» возразили ему. «Когда тутъ мѣнять, если надобно помогать!» отвѣчалъ Дохтуровъ: «вѣдь не деньги насъ наживаютъ, а мы ихъ наживаемъ. Деньги я наживу еще, а помочь найду ли случай—не знаю.»

(Воен. Гал. Зим. Дворца., т. 2. Дохтуровъ).

11.

По взятіи Варны въ 1828 году, гарнизонъ ея, получивъ позволеніе возвратиться за Балканы, въ первыхъ числахъ октября проходилъ чрезъ Праводы. Изуренные недостатками въ жизненныхъ потребностяхъ, покрытые лохмотьями, Турки не могли переносить наступившей осенней непогоды; толпами падали

они на пути и умирали. Зрѣльще страданій непріятеля тронуло сердце Мадатова, столь же доступное человѣколюбію, сколько призывамъ войны. Несчастливымъ Туркамъ оказывалъ онъ всевозможную помощь : посылалъ команды собирать больныхъ, валявшихся въ степи безъ призрѣнія; по дорогѣ къ Варнѣ, вѣ лагеря, выставлялись караулы, гдѣ, въ продолженіе ночей, горѣли огни и приготовлялась пища отсталымъ и слабымъ. Солдаты праводскаго отряда, подражая великодушію своего начальника, брали Турокъ по одиночкѣ въ свои балаганы и дѣлились съ ними хлѣбомъ.

(Воен. Гал. Зимн. Дворца, т. 1. Мадатовъ).

12.

Въ Италіанскую кампанію, въ 1799 году, было отдано Суворовымъ приказаніе, чтобы каждаго солдата, который отличится храбростію или другимъ какимъ либо доблестнымъ поступкомъ, представлять ему лично. Въ сраженіи при Требии, рядовой изъ полку Ферстера, Митрофановъ, взялъ съ своимъ товарищемъ трехъ Французовъ въ плѣнъ. Подбѣжавшіе къ нимъ другіе наши солдаты хотѣли было, въ пылу воинственнаго ожесточенія, изрубить Французовъ; но Митрофановъ не допустилъ ихъ, сказавъ: «нѣтъ, ребята; я далъ имъ пардонъ. Пусть и Французъ знаетъ, что русское слово твердо.»

За такой благородный поступокъ Митрофановъ былъ представленъ Суворову, и на вопросъ его: «кто научилъ тебя быть такимъ добрымъ?» отвѣчалъ: «русская азбука с. т. (слово твердо) и словесное Вашего Сіятельства поученіе: солдатъ—христіанинъ, а не разбойникъ.»—Суворовъ съ восторгомъ обнялъ его и тутъ же на мѣстѣ произвелъ въ унтеръ-офицеры.

(Анекдоты о Суворовѣ.)

13.

Въ 1801 году, когда русскій флотъ находился на Адриатическомъ морѣ, дѣйствуя противъ Французовъ, капитанъ русскаго брига Ратмановъ былъ командированъ съ своимъ бригомъ, по дѣламъ службы, въ Неаполитанскій городъ Бриндизи. Прибывъ туда, онъ узналъ, что французскій генералъ Дамасъ, находившійся съ Наполеономъ въ Египтѣ, по возвращеніи оттуда, былъ, по повелѣнію бриндизійскаго градоначальства, задержанъ въ этомъ городѣ и заключенъ въ одну изъ тамошнихъ темницъ, гдѣ находился въ самомъ жалкомъ положеніи: брошенный въ мрачное, сырое подземелье на солому, почти безъ одежды, обуви и самаго необходимаго бѣлья, генералъ Дамасъ, въ продолженіе уже нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не имѣлъ никакой иной пищи, кромѣ хлѣба и воды. Такое положеніе человѣка, хотя и непріятели, возбудило состраданіе въ командирѣ русскаго брига. Ратмановъ сталъ ходатайствовать за несчастнаго генерала, и, по его ходатайству, содержаніе плѣннаго улучшено. Неограничиваясь этимъ, русскій капитанъ удѣлилъ Дамасу часть своего бѣлья, одежды и обуви, отправилъ къ нему запасъ лучшихъ винъ и, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, снабжалъ его ежедневно столовыми припасами. Это происходило въ то время, когда Наполеонъ, рѣшивъ Маренгскимъ сраженіемъ судьбу Италіи, приступалъ къ заключенію Люневильскаго мира. Съ полученіемъ объ этомъ извѣстія въ Бриндизи, сцена перемѣнилась. Дамасъ былъ освобожденъ, снабженъ отъ начальства города всѣмъ, чего только требовалъ, и первый

его выходъ изъ-за дверей темницы былъ на русскій бригъ. Тамъ, изъявивъ полную, живѣйшую благодарность Ратманову за всѣ его одолженія, Дамась пригласилъ его и подчиненныхъ ему офицеровъ, на слѣдующій день, къ обѣду. Являсь въ назначенный часъ въ домъ Дамаса, Русскіе нашли его окруженнымъ самымъ почетнымъ сословіемъ города; но въ продолженіе всего обѣда, вниманіе хозяина преимущественно было обращено на русскихъ офицеровъ, и первый тостъ, имъ провозглашенный, былъ за здоровье командира русскаго брига.

Черезъ нѣсколько дней, Дамась, собираясь ѣхать въ отечество, не преминулъ посѣтить бригъ, и при прощаніи съ Ратмановымъ упросилъ его обмѣняться съ нимъ, тутъ же на мѣстѣ, рубахами. «Эту вещь,» сказалъ Дамась, разставаясь съ командиромъ и офицерами брига, «я сохраню и завѣщаю сохранить въ моемъ потомствѣ, какъ память моихъ страданій въ подземельяхъ Бриндизи, и память русскаго великодушія».

(Съверн. Пчела, 1834 г. № 75).

14.

Въ 1808 году, 3-го апрѣля, во время войны съ Шведами, русскій отрядъ, подъ начальствомъ Кульнева, выступивъ изъ Калаіоки, встрѣтилъ непріятельскій авангардъ и вступилъ въ перестрѣлку. Въ это время шведскіе драгуны Нидерландскаго полка показали противъ нашей конницы, слѣдовавшей по льду Ботническаго залива и напали на малую часть казаковъ, рассыпанныхъ впереди. Казацкіе фланкеры начали отъѣзжать и заманивать непріятельскую конницу. Уви-

дя это, Кульневъ, оставилъ пѣхоту и поскакалъ къ конницѣ; но она, не дождавшись его, смяла и опрокинула шведскихъ драгунъ. Много было ихъ переколото, много взято въ плѣнъ. Посреди этой суматохи, Кульневъ замѣтилъ группу всадниковъ, около которыхъ болѣе толпилось казаковъ, и которая защищалась. Онъ прискакалъ къ этой группѣ и услышалъ слова: «Koulneff, Koulneff! Sauvez nous la vie!» (Кульневъ, Кульневъ! спасите намъ жизнь!) Это былъ генералъ Левенгельмъ, королевскій адъютантъ, прибывшій за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ армію изъ Стокгольма, для исправленія должности начальника штаба, и адъютантъ его, капитанъ Клерфельдъ, молодой человекъ, пріѣзжавшій на канунъ парламентаромъ въ русскую армію; при нихъ было нѣсколько драгуновъ. Кульневъ остановилъ направленных на нихъ пики, соскочилъ съ лошади и кинулся обнимать плѣнныхъ. Кровь Левенгельма, раненнаго пикою въ горло, заструилась по усамъ и бакенбардамъ Кульева. Тотчасъ рана была перевязана цырульникомъ русскаго отряда и всѣ пособія больному были поданы. Послѣ этого, какъ онъ, такъ и адъютантъ его, оживленные ласками и попечительностію Кульева, были отправлены при конвоѣ къ генералу Раевскому. Такой великодушный поступокъ Кульева такъ тронулъ плѣнныхъ, что они съ восторгомъ отзывались объ немъ, какъ объ истинномъ рыцарѣ, и во всю жизнь не переставали питать къ нему чувства живѣйшей благодарности и уваженія.

(Журн. для чтен. восп. В. У. З., № 15).

ХІІ.

ПРЕИМЪРЪ БЛАГОДАРНОСТИ.

1.

Во время войны съ Французами въ Польшѣ и восточной Пруссіи, послѣ боя при Ландебергѣ, 25-го января 1807 года, отрядъ русскихъ войскъ, въ числѣ которыхъ находился 4-й Егерскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Фролова, долженъ былъ слѣдовать въ другое мѣсто. Но черезъ три недѣли, русскія войска снова заняли Ландебергъ, и полковнику Фролову съ его полкомъ назначено было занять деревню въ двухъ верстахъ отъ этого города. Можно сказать, что полкъ стоялъ не въ деревнѣ, а на кладбищѣ: ибо деревня была вся разорена непріателемъ и тѣла убитыхъ Французовъ лежали въ снѣгу по улицамъ и у многихъ домовъ подъ окнами, такъ что ходить должно было почти сплошь по трупамъ. Сверхъ того, въ деревнѣ оставалось до 30-ти тяжело раненныхъ Французовъ, которыхъ войска ихъ не успѣли, при отступленіи, взять съ собою. Участь этихъ несчастныхъ была тѣмъ жалостнѣе, что они болѣе недѣли остава-

лись безъ всякаго призрѣнія и почти не имѣли куска хлѣба, а оставшіеся жители были такъ къ нимъ жестоки, что не хотѣли даже и воды имъ давать. Полковникъ Фроловъ, немедленно по прибытіи въ деревню, приказалъ всѣ мертвыя тѣла похоронить, а всѣхъ раненныхъ, до отправленія ихъ въ госпиталь, снести, для лучшаго за ними присмотра, въ одно мѣсто. Тогда эти несчастные увидѣли въ Русскихъ не враговъ, а избавителей своихъ.

Между всѣми егерями, полковникомъ Фроловымъ замѣченъ былъ особенно одинъ (имя его, къ сожалѣнію, неизвѣстно) который не только болѣе своихъ товарищей имѣлъ за ранеными Французами присмотръ, но еще, безъ помощи другихъ, переносилъ ихъ на своихъ плечахъ, варилъ имъ пищу, и самъ не прежде принимался за нее, пока всѣ раненные были имъ накормлены. Это необыкновенное стараніе его о Французахъ удивило полковника Фролова, и онъ любопытствовалъ узнать тому причину. На вопросъ о томъ, егеря отвѣчалъ, что когда, въ войну 1799 года съ Французами, онъ былъ тяжело раненъ и взятъ ими въ Цюрихъ въ плѣнъ, то и они также прилагали стараніе о его продовольствованіи и пользованіи, какъ бы свои о своемъ, и онъ ничѣмъ инымъ не можетъ теперь возблагодарить ихъ, какъ такими же услугами раненымъ Французамъ. За такой признательный и благодарный поступокъ егеря, офицеры его полка сдѣлали для него денежную складчину; но онъ, получивъ деньги, немедленно роздалъ ихъ раненымъ Французамъ.

Прекрасный примѣръ благодарности русскаго солдата!

(Чтен. для солд. 1849 г., кн. 3).

К О Н Е Ц Ъ .

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	<i>Напечатано:</i>		<i>Читай:</i>
	Строка.		
3	снизу 12	церковъ	церковь
9	сверху 5	церковъ	церковь
—	— 11	измѣнни	измѣнили.
—	— 15	Пучачевъ	Пугачевъ
12	снизу 12	уважагъ	уважать
12	— 4	священный	священный
15	— 15	Назиму	Назимову
15	— 8	граншы	гранцы
25	сверху 10	пресѣкло	пресѣкла
51	снизу 7	отливаться;	отливаться,
59	сверху 10	берега	берегу
60	— 10	увидѣть	увидѣль
60	снизу 7	сыновей	сыновней
65	сверху 1	Сухесонъ	Суассонъ
66	— 10	не	не-
69	снизу 11	1824	1814
72	— 6	стѣнь	стѣнь.
75	— 7	полонить	полонить
78	— 8	легло	зегко
81	свер. 6 и 7	батальоновъ	бастіоновъ
81	снизу 14	батальона	бастіона
82	сверху 4	батальонамъ	бастіонамъ
85	— 7	штыки	шашки
85	— 19	штыки	шашки
89	снизу 7	ручными	ручными
112	— 2	княпежами	княпежами